Григорий Горяченков

КАТЫНЬ

СПЕКУЛЯЦИИ НА ТРАГЕДИИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
о расстреле немецкими оккупантами
польских офицеров под Смоленском

Литео

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В документальной повести «Катынь: спекуляции на трагедии» рассказывается о гибели польских офицеров – заключённых трех специальных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР в Смоленской области, расстрелянных немецкими оккупантами осенью 1941 года. В книге разоблачаются инсинуации антисоветски и русофобски настроенных авторов об обстоятельствах трагической смерти поляков.

- Григорий Горяченков
  -
  -
  - Особенности братской памяти
  - Немецкие повара и польские официанты
  - Два опровержения Москвы
  - Сто свидетелей академика Бурденко…
  - … и семь свидетелей доктора Геббельса
  - Объективные данные
  - Немцы готовятся
  - Как в решете воды
  - Где убивали поляков?
  - Фронт холодной войны
  - В советском тылу Катынского фронта
  - Загадки «Особой папки»
  - Права Особого совещания
  - Большая тайна СССР
  - «Чистая правда» под запретом
  - Фальсификаторам неймется
  - Послесловие… о будущем
  - Источники

Григорий Горяченков
Катынь: спекуляции на трагедии

© Горяченков Г. П., 2016
© ООО «Литео», 2016

* * *

Позор да падет на головы тех, кто прибегает к таким приемам клеветнической пропаганды. Провокаторам не удастся опорочить великую миролюбивую державу, мою Родину.

Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский

Особенности братской памяти

Удивительно избирательна историческая память у поляков – наших недавних соседей, союзников и, можно сказать, родственников – все-таки, говорят, несколько тысчонок лет тому назад наши пращуры в одной пещере обретались. Вот очень хорошо помнят о первом разделе Польши, а о том, как захватили во второй половине X века древнерусские города – Перемышль, Червень и другие, которые пришлось в 981 году князю Владимиру отбирать у завидущих братцев, похоже, запамятовали напрочь. Понятно, и о втором разделе помнят, а о том, как их Болеслав сначала печенегов натравил на Русь, а потом и сам разграбил в 1017 году Киев, ничегошеньки в их памяти не сохранилось. О третьем, кажется, с пеленок запоминают. Но совершенно не в состоянии вспомнить, что восточные земли Польши, отошедшие к России, – это земли русских княжеств, захваченные их предками. А исконно польская территория отошла к России, кстати, по решению Венского конгресса, на котором победители-союзники наказали агрессора – Францию, а вместе с нею – герцогство Варшавское, воинство которого в 1812 году приняло участие в нашествии на Россию.

Мало кто из поляков помнит и о том, какие беды интервенция их прадедов в начале XVII века принесла России. У нас никто и никогда не подсчитывал, на сколько десятилетий поляки задержали экономическое развитие нашей родины. А в каких рублях или злотых можно измерить страдания русских детей, русских женщин, русских стариков, на которые их обрекла неуемная корысть польской шляхты и столь же неуемное желание Ватикана прибрать к своим рукам Русскую православную церковь, ввести в России католичество?

Историческая память поляков не держит не только дела давно минувших лет, но и многие события лет сравнительно недавних. О том, как Сталин и Гитлер «поделили» несчастную Польшу, говорят с таким знанием, будто сами и делили. А о решительном отказе в середине 30-х годов чванливых и злобных антисоветчиков-русофобов, стоявших во главе Польши, подписать так называемый Восточный пакт, абсолютно ничего не помнят. Между тем он был направлен на предотвращение новой мировой войны, так как предусматривал, что Германия, Советский Союз, Польша, Чехословакия, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония взаимно гарантируют нерушимость границ договаривающихся стран, а Франция – западной границы Германии. Все страны, кроме двух, высказались за подписание договора. Идея

Восточного пакта очень не понравилась Гитлеру. Что вполне понятно. Но против заключения пакта выступили и польские правители.

Польский министр иностранных дел полковник Ю. Бек в беседе с представителем английского правительства А. Иденом, сторонником заключения пакта, заявил, что он неприемлем для Польши. Пакт-де ставит ее перед неизвестностью: кто знает, улучшатся или ухудшатся после его заключения отношения Польши с ее соседями. Только неизвестное будущее – пустая да и неумная отговорка. Причины у гордых панов были куда более «весомые». Заключение пакта «было бы признанием слабости по отношению к Москве», заявил в беседе с французской журналисткой Женевьевой Табуи польский посол в Германии граф Липский. Этот аристократический недоумок был убежден, что «германская экспансия пойдет в другом направлении, и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши».

Не помнят недавние союзники и о том, что даже после аннулирования немецким правительством германо-польского пакта о ненападении, их правители упорно твердили, что Польша «не нуждается и не примет военной помощи от СССР». Категорический же отказ Польши пропустить через свою территорию советские войска в случае нападения Германии на Францию или Англию делал просто бессмысленным заключение Советским Союзом с ними договора о взаимопомощи. Сейчас, когда говорят о тех, чья политика способствовала развязыванию Второй мировой войны, обычно вспоминают руководителей Англии и Франции. А политически монолитный, в отличие, например, от английского, правящий класс Польши остается в стороне. Как же можно кидать камни в жертву нацистской агрессии! Это совершенно несправедливо! А ведь правители Польши, а вместе с ними и значительная часть поляков, которая их безоговорочно поддерживала, несут историческую ответственность за самую тяжелую трагедию мировой цивилизации – Вторую мировую войну.

Неискренне, лицемерно вела себя правящая верхушка Польши и в годы Второй мировой войны, а если принять во внимание то, что свои решения она принимала во время тяжких испытаний не только для советского народа, но и для большинства поляков, ее поведение являлось омерзительно подлым. Общеизвестно, что через несколько недель после начала боевых действий на советско-германском фронте, 30 июля 1941 года, были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Польшей. Столь же широко известно и о визите 30 ноября

в Москву премьер-министра польского эмигрантского правительства генерала В. Сикорского. (Я прошу читателей обратить внимание на эту дату.) А 4 декабря 1941 года была подписана Декларация правительства Советского Союза и правительства Польской республики о дружбе и взаимной помощи. Второй пункт документа гласил: «Осуществляя договор, заключенный 30 июля 1941 г., оба правительства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а войска Польской республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками». В тот же день генерал В. Сикорский выступил по московскому радио. И так проникновенно говорил, что, может быть, у некоторых его слушателей даже выступили слезы умиления: «В дни, когда оба народа очутились перед лицом смерти, грозящей им со стороны одного и того же врага, польские солдаты будут героически сражаться вместе с вами за освобождение своей родины… братство оружия, возникающее впервые в истории, будет иметь переломное значение для будущего обоих государств и народов, как основа не похожих на прошлое отношений».

Какие чудесные слова! И действительно польские солдаты сражались с советскими солдатами рука об руку. Правда, те солдаты, которых имел в виду В. Сикорский, и которые подчинялись ему как главнокомандующему, свои руки советским солдатам не протянули, польская правящая верхушка предпочла им другие. Сформированная в Советском Союзе польская армия под командованием генерала В. Андерса была выведена за пределы Советского государства. Этот факт так же известен любому человеку, имеющему мало-мальское представление о советско-польских отношениях. Менее известно, что генерал В. Сикорский и его окружение и не предполагали использовать свою армию на советско-германском фронте. Об этом свидетельствуют многие факты. Хотя бы такой. 20 сентября генерал В. Андерс в Бузулуке проводит совещание со своими подчиненными. Они приходят к выводу, что, во-первых: «Москва может быть занята немцами со дня на день»… в-четвертых: «Следует уже сейчас направлять людей в Ташкент и далее на юг». Ну, югом у них назывался Иран. Там тоже были советские войска, но поляки никак не могли «героически сражаться вместе» с ними за освобождение их родины по причине отсутствия в Иране немецких войск. К тому же польские политики в Лондоне очень рассчитывали, что и в Иране полякам не придется протягивать советским людям свои руки хотя бы для простого рукопожатия. Паны вообще не хотели воевать, ни на Востоке, ни на Западе. У

них на армию были свои виды. Они полагали, что наличие собственной армии придаст им больше веса в послевоенной перекройке карты Европы. По их расчетам к Польше должны были отойти как западные районы Советского Союза, так и восточные районы Германии. Не дуры губы были у панов… В промозглом Лондоне наивные надежды панов, вероятно, согревали их души. Кстати, некоторые польские деятели не постеснялись потом объяснить вывод войск из СССР давлением Советского правительства.

Так как особых дел в Лондоне у правителей Польши не было, то они занимались преимущественно планированием своей политики. Что же они там планировали? Исходных точек у них было две… Первая учитывала, что Советский Союз может потерпеть поражение в войне. В этом случае строить свою политику паны намеревались с учетом победы в войне Англии и США. Но летом 1941 года до вступления США в войну было еще несколько месяцев, поэтому польские генералы без армии в те дни пристально рассматривали, что происходит на восточном театре войны. И хотя Красная Армия отступала на восток, паны уже видели, как она приближается к границам Польши, и думали о том, что им следует предпринять в случае успешного продвижения советских войск на Запад. И в этих их планах, скажу без околичностей, вся их подлая сущность. В одном из приказов польского генерального штаба прямо говорилось, что вступление в результате боевых действий Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии «должно, как акт враждебный, встретить вооруженное сопротивлении с нашей стороны». И далее польские стратеги в мундирах излагают план действий: «1. Наиболее ожесточенное сопротивление следует оказать на линии советско-польской границы 1939 года.

2. Важно, чтобы в районах Вильнюса и Львова сопротивление оказывалось как можно дольше, даже в условиях окружения».

Поразительно, но этих «стратегов», опьяненных сладкими мечтами о Великой Польше, не отрезвил само собой напрашивающийся вопрос: если не Красная Армия, то кто же будет воевать с немецкой армией на территории самой Польши? Кто освободит их родину от оккупантов? Неужто полагали, что мощную немецкую армию, пусть и потрепанную в боях с Красной Армией, могут разбить вооруженные легким стрелковым оружием остатки разгромленной в сентябре польской армий? Удивительно, но факт: паны в Лондоне действительно рассчитывали на Армию Крайову, в состав которой вошли бывшие солдаты и офицеры польской армии.

Генштабисты не занимались самодеятельностью, свою

«стратегию» они строили с учетом взглядов на советско-польские отношения своего шефа – генерала В. Сикорского. 28 ноября 1941 года, то есть буквально накануне поездки в Москву, за неделю до своей проникновенной речи о братстве по оружию генерал издал инструкцию о необходимости… вооруженного сопротивления Красной Армии, когда она вступит в западные районы Украины и Белоруссии. Это означало, что немецкие войска получили бы совершенно не предусмотренную командованием Красной Армии поддержку Армии Крайовой. Это не удар в спину, но и неожиданный удар в грудь может оказаться опасным. Нанести удар по войскам Красной Армии и собирался В. Сикорский, обещавший советскому руководству и советскому народу «героически сражаться вместе с ним». Если это не подлость, то что тогда подлость? Отменил В. Сикорский свое указание лишь 8 марта 1942 года. Что, совесть проснулась? Как бы не так! Просто генерал понял, что «любые действия против русских не найдут понимания на Западе».

А сегодня их потомки, их духовные наследники, вместо того, чтобы покаяться за преступление своих прадедов и дедов перед человечеством, делают вид, будто не знают, что именно отказ Польши от сотрудничества с СССР привел к срыву антигерманского союза Англии, Франции и СССР, к заключению нашей страной с Германией «Пакта о ненападении», к вступлению Красной Армии на территорию Польши после бегства польского правительства в Румынию. Делают вид, что ничего не знают об антисоветских, антироссийских, постольку, поскольку СССР для них был Россией, замыслах, решениях и поступках своих правителей в годы Второй мировой войны.

Зато требуют покаяния от нас, сынов и внуков освободителей Польши от немецкой оккупации, спасителей миллионов поляков от физического уничтожения. Ну, как же! Гитлер со Сталиным, то есть Германия с Советским Союзом сговорились поделить несчастную Польшу между собою! И сейчас без устали твердят, что СССР «оккупировал», вариант – «аннексировал», восточные территории Польши, так они из-за капризов своей памяти называют воссоединение с Украиной и Белоруссией их западных областей. И совсем не помнят, какие усилия приложили советские руководители, лично И. Сталин, чтобы добиться согласия англичан, У Черчилля на передачу Польше восточных земель Германии.

Словом, очень много весьма важных исторических событий не задержалось в памяти родственников. Так, они совершенно «забыли», но на самом деле помнят о том, что с февраля 1919 года по октябрь 1920 года взяли в плен – это по данным III отдела

Верховного Командования Войска Польского – 206 877 красноармейцев, из которых в лагерях потом насчитали 157 000 человек. 50 тысяч красноармейцев погибло при перевозке их в лагеря. Трагичной оказалась судьба красноармейцев в лагерях. Сохранилось немало описаний положения военнопленных красноармейцев в Польше. Они свидетельствуют: такими издевательствами над гражданами Советской России, такой ненавистью к ним не отличался даже персонал в лагерях для военнопленных нацистской Германии. Неудивительно, что 60 тысяч красноармейцев погибли уже через год. Трагичной оказалась судьба почти всех красноармейцев, оказавшихся в польском плену.

Однако при этом превосходно помнят то, чего и вообще не было. Так, поляки уже более 60 лет обвиняют Советский Союз, его руководителей в убийстве весной 1940 года в Катынском лесу под Смоленском около четырех с половиной тысяч польских офицеров. Правда, сколько на самом деле в Катынском лесу лежит поляков, неизвестно: никто точно не подсчитывал. Геббельс, например, утверждал, что в Катынском лесу захоронено 12 тысяч поляков. По подсчетам комиссии Н. Бурденко, разумеется, приблизительным, там лежит 11 тысяч тел. Но сами поляки предпочитают утверждать, что число жертв НКВД в Катыни не превышает четырех с половиной тысяч. Чем же им «не нравятся» 11 или 12 тысяч? Ведь чем ужаснее цифры убитых Советами поляков, тем эффективнее можно вести антисоветскую, антирусскую кампанию. Как ни странно, но можно и без всяких кавычек сказать, что действительно именно эти цифры обличителям советских злодеяний не нравятся, они им… путают карты в антисоветской, антироссийской игре. Поляки утверждают, что их офицеров расстреливали и в других местах: в районах Харькова и Калинина. Так вот, если сложить количество якобы расстрелянных там поляков с количеством захороненных в Катынском лесу, то получится, что НКВД расстрелял офицеров на несколько тысяч больше, чем их было интернировано в 1939 году.

Анализ обвинений в расстреле поляков в Харькове и Калинине выходит за рамки этих заметок. Поэтому скажу лишь, что ретивые российские следователи и журналисты никаких доказательств расстрела поляков в Харькове вообще не нашли. Что же касается расстрела офицеров в Калининской тюрьме, приведу только одно «доказательство». Бывший начальник областного управления НКВД Д. Токарев признался (ему было в это время почти 90 лет) следователям в том, что он в какой-то камере тюрьмы, находившейся под одной крышей с областным

УВД в центре города, организовал расстрел шести тысяч человек, по 200–250 поляков за ночь. Убитых поляков захоронили в могилах, вырытых экскаватором у села Медное. В такую чушь без огромного желания можно поверить? Однако кто-то и верит.

Но так как для антисоветчиков и русофобов чем больше убитых, тем лучше: советская власть, социалистическое общество, Россия будут выглядеть пострашнее, – то несколько лет назад они «вбросили» в средства массовой информации другую цифру. Теперь поляки заявляют, что от рук советских спецслужб погибло 22 тысячи человек, кроме военнослужащих – еще и гражданские лица… До чего же неуемны наши «родственники»!..

Впрочем, в грязной антисоветской кампании принимали и принимают участие, и весьма активное, граждане СССР, России, в том числе и русские по национальности. Для них Катынь – крупная карта в пропагандистской войне против Советской власти, идей коммунизма, да и против России. А раз так, то почему же не воспользоваться варевом, изготовленным на кухне доктора Геббельса: ведь шеф нацистской пропаганды, как известно, знал толк в антисоветских делах.

Немецкие повара и польские официанты

13 апреля 1943 года некий польский писатель по фамилии Гетль (знали немцы, кому доверить) сделал по радио сенсационное заявление: недалеко от Смоленска, в лесу, обнаружены могилы расстрелянных русскими польских офицеров. А 17 апреля «возмущенные зверством комиссаров и евреев» немцы обратились со специальной нотой в Международный Красный Крест. Создатели газовых камер и крематориев потребовали расследовать «советские злодеяния». В поведение немцев не было ничего странного, оно представляется даже вполне естественным: им необходимо было отвлечь внимание мира от собственных злодеяний, о которых к этому времени стало известно достаточно много, и попытаться вбить если не клин, то хотя бы клинышек в отношения участников антигитлеровской коалиции.

Но просто бросается в глаза: день в день с германским правительством в Международный Красный Крест с аналогичной просьбой обратилось из Лондона польское правительство. Оно-то о чьих интересах радело? Ну, предположим, зная о трагической судьбе пленных красноармейцев в Польше, польские министры допускали, что в Советском Союзе не стали церемониться с их пленными офицерами. Однако неужто у них не было других форм выражения своего беспокойства о судьбе соотечественников? Если принять во внимание, что министры-эмигранты не сомневались в том, что именно они будут возглавлять послевоенную Польшу, то вполне могли бы и отложить публичное выяснение отношений с Советским Союзом до победы над общим врагом.

Радели польские деятели о своих антисоветских интересах, это понятно. Но все-таки в международной практике не принято было столь откровенно пакостить союзникам. Это-то паны без сомнения понимали. Так почему же решились поддержать фашистов? Такой из ряда вон выходящий в союзнических отношениях поступок одной лишь давней неприязнью к России объяснить невозможно. А дело в том, что правящая верхушка Польши не рассматривала СССР в качестве своего союзника. Это представляется совершенно невозможным – однако это так! И это не умозрительный вывод историков, основанный на анализе польской политики в те годы. Этому невероятному факту есть прямые доказательства.

На подписание 30 июля 1941 года советско-польского пакта,

что предложило сделать Советское правительство, поляки пошли под давлением англичан. Выкаблучивались, выпендривались паны до тех пор, пока А. Иден, английский министр иностранных дел, на них не цыкнул: «Хотите, господа, или не хотите, а договор должен быть подписан». Пришлось подписывать. Но политическая и военная необходимость показать врагу советско-польское единство даже после получения взбучки дошла не до всех панов. Три гордых пана, числившихся в министрах, ушли в отставку. А некий господин Рачкевич, считавшийся президентом Польши, отказался ратифицировать договор. Ну, этому уже по-военному кратко объяснил сам генерал: а и не подписывай, твоя подпись не больно и нужна. Поделикатнее, конечно. Но для самого В. Сикорского подписанный из-под английской палки договор и Декларация о дружбе и взаимной помощи, подписанная им в Москве, не имели обязательной силы. Об этом он прямо написал в инструкции, направленной руководству Армии Крайовой: «Заключенные с ними (имеются ввиду «Советы» – **авт.)** политические и военные соглашения привели, формально, к дружественным, союзническим отношениям между двумя государствами». Формально, и только! Не считало польское правительство Советский Союз своим действующим союзником, поэтому и с его интересами не считало себя обязанным считаться. Вот потому и солидаризировалось с германским правительством. Ларчики, как известно, иногда открываются очень просто…

(Кстати, в антисоветскую кампанию немедленно включились и средства массовой информации наших союзников – США и Англии. Так, например, газета «Манчестер гардиан» 1 мая 1943 года осудила возмущение Советского правительства действиями поляков: ведь «польское правительство намеревалось улучшить, а не ухудшить польско-советские отношения». Читателям внушалась незатейливая мысль: если Советскому правительству нечего скрывать, то оно должно послать своих представителей для участия в работе Международной комиссии на оккупированную врагом территорию. Сытый голодного не понимал… Или делал вид?..)

На Тегеранской конференции Ф. Рузвельт и У Черчилль попытались побудить И. Сталина восстановить отношения с польским правительством, не дав при этом оценки действиям последнего против СССР. Тогда оценку дал им И. Сталин: «Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз… Какие у нас могут быть гарантии в том, что эмигрантское польское правительство в Лондоне снова не сделает то же самое?

Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций.» (Я хочу позволить себе здесь отступление личного и совсем нелирического свойства: через несколько месяцев после окончания войны мой дядя, двадцатилетний младший сержант Красной Армии, возвращался в Союз. На какой-то польской станции он вышел из вагона прогуляться и был ранен в ногу поляком, ногу дяде отняли… – **авт.)**

На махинации, как показало время, польские правители оказались большими мастаками. Пытаясь утвердить свою власть в Варшаве до вступления в нее войск Красной Армии, лондонское правительство дало указание командованию Армии Крайовой поднять в столице восстание. Столь важное решение военного характера было принято без предварительной договоренности с Советским правительством, Верховным командованием Красной Армии, войска которой в июле 1944 года, хотя и находились на правом берегу Вислы, не были готовы к немедленному форсированию водной преграды. В 150 тысяч жизней варшавян обошлась политическая авантюра жаждавших власти антисоветчиков. Но все эти десятилетия и в Польше и на Западе находится много желающих возложить ответственность за гибель повстанцев на Советский Союз. Да, наловчились наши братья валить с больной головы на здоровую…

То обстоятельство, что польские политиканы подхватили, к тому же весьма оперативно, измышления немцев, в какой-то мере укрепило их пропагандистские позиции, но, естественно, не избавило от необходимости подготовиться к проверке захоронения представителями «международной комиссии». И надо отдать гитлеровцам должное: они многое сделали для того, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что их собственное преступление – дело рук большевиков, что оно совершено в 1940 году, то есть до начала оккупации советской территории. Многое, да ведь шила в мешке не спрячешь…

Тогда, весной 1943 года, немцы публично заявили, что на могилы поляков им якобы указал местный житель. Проверив его показания, 18 февраля чины местной немецкой полевой полиции сообщили об обнаруженных могилах, как говорится, по инстанции. И вроде бы сразу же поступил приказ начать их раскопки.

Однако еще в марте 1942 года – и этот факт никто не оспаривает – на могилы наткнулись поляки, служившие в немецкой армии. (Были и такие. Их сегодня пытаются

представить всего лишь жертвами незаконной мобилизации, проведенной немцами. И было их не так уж и мало: только к нам в плен попало 60 тысяч человек. А воевало на советско-германском фронте не менее 100 тысяч польских солдат и офицеров. К сожалению, и об этой страничке из польской истории в Советском Союзе упоминать было не принято.) О своей находке они сообщили командованию. Однако немцы к ней не проявили никакого интереса. Почему? Да, скорее всего, тогда «наверху» еще никто не считал, что есть необходимость использовать расстрел поляков в своих интересах.

А был ли русский «доброхот», который сообщил о «чудовищном преступлении Советов» не в те дни, когда все враги Советской власти упивались немецкими победами, а после того, как германская армия потерпела жесточайшее поражение под Сталинградом? Странный информатор, неправда ли? Когда за свою информацию мог получить от немцев какую-нибудь награду, молчал, а когда появилась необходимость задуматься о том, что за сотрудничество с оккупантами придется отвечать, пошел в гестапо. Автор книги «Катынь» Ю. Мацкевич даже воспроизводит текст беседы с ним.

Разговор, якобы, состоялся в те дни, когда «Нюренбергскому трибуналу предстояло заняться катынским преступлением». Однако тогда Ю. Мацкевич не только никак не помог недавним союзникам обвинить (а желание такое у них было) Советский Союз в смерти поляков. Но даже и позже утверждал, что и «сейчас (это в разгар холодной войны – **авт.),** когда я это пишу, я не могу сказать, где и при каких обстоятельствах я встретился с Иваном Кривозерцевым». Обстановка, де, в Европе не та, объясняет причины такой таинственности автор. Да ведь И. Кривозерцев то ли повесился, то ли его убили, то ли своей смертью умер в Лондоне вскоре после войны, так какой же покойнику можно принести вред?

Покойнику нельзя, но некоторый урон антисоветской кампании можно. Обстоятельства смерти И. Кривозерцева окружены таким же туманом, каким пан Мацкевич окружает свою встречу с ним. В некоторых публикациях говорится, что польская военная разведка сделала запрос английскому правительству о судьбе И. Кривозерцева и получила ответ, что он повесился в Лондоне в 1947 году. Мне трудно себе представить, чтобы руководство подразделения одного из польских ведомств (скорее всего, военная разведка – это управление в министерстве обороны Польши) могло обратиться к правительству иностранного государства с какой-либо просьбой, тем более интересоваться у него судьбой гражданина третьего государства.

Так что «разъяснения» английского правительства, вероятно, – чьи-то домыслы. Но остается фактом, что немецкий прислужник вскоре после войны исчез. Ю. Мацкевич мог знать, где живет, чем занимается или когда и при каких обстоятельствах умер И. Кривозерцев, а мог и ничего не знать. И судя по тому, как он описывает свою встречу с Кривозерцевым, он о его местонахождении в 1946 году не имел точных сведений, а, возможно, вообще не имел никакого представления о послевоенной судьбе гестаповского свидетеля. В этих случаях указывать время встречи, ее место было бы очень опрометчиво. Напиши, например, Ю. Мацкевич, что он встречался с Ю. Кривозерцевым в Гамбурге 20 июня 1946 года, а кто-то, прочитав о таком, скажет, что он сам лично весь июнь 1946 года пил с этим И. Кривозерцевым пиво в Ливерпуле, или, того похлеще, выписывал свидетельство о его смерти в декабре 1945 года. Пришлось бы тогда пану Мацкевичу объяснять, каким образом ему удалось встретиться с покойником? Это было бы потруднее, чем вытащить из болота бегемота. Вот автор «Катыни» и почел за благо умолчать о важных деталях. Такое предположение допустимо? Мне кажется, вполне.

И. Кривозерцев – действительно катынский житель. Он упоминается и в изданных Германским информационным бюро по заказу германского МИДа «Официальных материалах по делу массового катынского убийства», и в Сообщении Комиссии Н. Бурденко. На той тайной встрече, о которой Ю. Мацкевич и спустя десятилетия ничего сказать не мог, И. Кривозерцев, по уверению автора, объяснил ему, почему до февраля 1943 года он молчал, и почему пошел к немцам в начале февраля. Оказывается, он все время немецкой оккупации «даже не вспоминал о жутком убийстве польских офицеров». А «с начала 1943 года немецкий террор смягчился. В Смоленске появились немецкие газеты на русском языке». И как-то в одной из газет И. Кривозерцев прочитал, что «в Советском Союзе создается польская армия, но генерал Сикорский не может отыскать своих офицеров». Тут И. Кривозерцев сразу вспомнил о расстрелянных поляках и «пошел в канцелярию немецкой тайной полиции». А кому же еще он мог объяснить, где польскому генералу следует искать своих офицеров?!

В этой простенькой истории есть, как и во всех «доказательствах» советской вины за расстрел поляков, нестыковочки. К февралю 1943 года польская армия в СССР была уже сформирована – укомплектована, обута, одета, вооружена. И еще за полгода до того, как И. Кривозерцев вдруг «вспомнил» о могилах поляков, выведена ее командованием в Иран, в

котором поляки намеревались задержаться надолго, рассчитывая с помощью англичан сменить находившиеся там советские войска. Убежден, если бы сейчас удалось собрать все февральские номера всех газет, которые немцы выпускали на оккупированных территориях, мы не нашли бы в них никакой информации о сетованиях польского генерала. Гитлеровцы все-таки выпускали газеты, а не ежегодные альманахи. А главное, не были геббельсовские пропагандисты такими идиотами, чтобы рассказывать советским гражданам о том, что в тылу их государства создаются, пусть с осложнениями, новые силы сопротивления немцам!

А утверждение И. Кривозерцева о том, что о расстреле поляков весной 1940 года ему напомнила заметка в газете, которую оккупанты стали выпускать в начале 1943 года, – это уже прямая ложь. Выпуск газет на захваченных территориях немцы начинали, скорее всего, тогда, когда приходили к выводу, что обстановка на оккупированной ими территории достаточно стабилизировалась, то есть задолго до своего поражения в Сталинграде. Смоленск не был исключением из этого правила. В распоряжение Специальной Комиссии была предоставлена газета «Новый путь», которую немцы выпускали в Смоленске. Членов комиссии она заинтересовала публикацией обращения к населению лейтенанта полевой полиции Фосса с призывом дать за вознаграждение «данные про массовое убийство большевиками» польских офицеров и священников. Нам же эта газета интересна номером. Полицейский призыв был опубликован 6 мая 1943 года в газете под № 35(157). Даже люди, не имеющие никакого представления о том, как «делаются» газеты и журналы, знают, что первые цифры – это порядковый номер издания за текущий год, а цифры в скобках – это общее количество номеров газеты или журнала, вышедших в свет. Периодичность фашистской газетенки по этим цифрам установить затруднительно, похоже, она выходила два раза в неделю. Но ясно, что, по крайней мере, со второй половины 1942 года немцы свой «Новый путь» уже издавали. Так что кто-то из этих двух разоблачителей большевистских злодеяний, то ли И. Кривозерцев, то ли пан Ю. Мацкевич, как всегда и как и все клеветники, лжет. «Номер» со случайным, под влиянием прочтения заметки в новой газете, просветлением памяти у И. Кривозерцева, как видим, не проходит. Между тем, показания лжеца И. Кривозерцева занимают важное место в «доказательствах» всех, начиная со времен И. Геббельса, клеветников.

Кстати сказать, утверждения пана Ю. Мацкевича об

обнаружении немцами могил совершенно не совпадает с версией, предложенной первоначально самими гитлеровцами. В одной из директив Геббельса обстоятельства обнаружения могил излагаются так: «…случайно обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался о том, что там, по-видимому, лежат горы трупов…» До чего проницательным был этот безымянный обер-лейтенант! Летом и осенью 1941 года никто из немцев, проходивших службу в нескольких десятках метрах от места расстрела, ни о чем не догадался. И весной, а затем и летом 1942 года смекалистых среди них тоже не нашлось. А зимой 1943 года, когда могилы были заметены снегом, нашелся провидец. Как же это он сквозь снег могилы-то увидел? Да по двум крестам, сообщается в директиве министра пропаганды, поставленным теми самыми поляками, что в 1942 году обнаружили могилы. Что же получается? А то, что полицейский аноним «догадался о горах трупов» крайне своевременно, а поляки пришли к немцам со своим «открытием», когда оно им в качестве заготовки для пропагандистской кухни еще не требовалось. И, конечно, лопается версия, согласно которой на могилы им указал И. Кривозерцев. С версиями у подчиненных министра пропаганды вышел явный перебор и потому концы с концами никак не сходятся.

Несомненно, гитлеровское руководство, как сейчас модно говорить, раскручивать «по-деловому» тему «катынского расстрела» весной 1943 года подтолкнуло сокрушительное поражение немецких войск под Сталинградом. В работу включился сам Геббельс. Как известно, он был большим любителем давать всевозможные указания, рекомендации, советы. Он давал их даже обожаемому фюреру. А уж оставить без внимания подготовку столь важной для фашистов провокации, как обвинение Советского государства в собственном преступлении, без личных указаний он, конечно, никак не мог. К сожалению для всех антисоветчиков, эти указания сохранились. Впрочем, их это обстоятельство, кажется, совершенно не волнует. А, может, они просто делают такой вид при постыдной игре с фактами? Но уж вид, что документы им не известны, делают – это точно, демонстративно игнорируя их существование. Оставленный лично Геббельсом след в этой гнусной пропагандистской кампании можно не замечать только при большом-большом желании. Документы гитлеровского министерства просвещения и пропаганды сохранились. В советское время они находились в Центральном Государственном архиве СССР, да и сегодня, может быть, лежат на тех же полках. Однако инструкции Геббельса – «Директивы господина

министра», данные им своим подчиненным в апреле 1943 года, – даже не надо искать в архиве. Их еще в конце 1990 года опубликовал «Военно-исторический журнал».

«Директивы…» писались с учетом того, что сотрудники министерства, привлеченные к пропагандистской акции, не должны знать правды, за исключением, тех, кто принимал участие в провокации, находясь непосредственно в Катыни. И хотя «Директивы…» нашпигованы фашистской риторикой, как салями салом, – это деловой документ, своего рода методические указания. Геббельс чрезвычайно обстоятельно разъясняет подчиненным, что они должны делать, как делать и почему должны поступать именно так, а не иначе, о чем можно, а о чем нежелательно и даже нельзя писать в газетах и говорить по радио. И так как, напомню, это деловой документ, предназначенный для своих, Геббельс в указаниях довольно откровенен, порою просто циничен: «По отношению к англичанам мы нахально скажем: «Не врите столько, Красный Крест уже на пути в Катынь». Действительно, так заявлять – нахальность: руководители Красного Креста 17 апреля, в день, когда министр пропаганды давал эти указания, еще не ответили Германии на ее предложение. Что совсем не мешало Геббельсу в той же самой «Директиве…» указывать: «…нужно сказать следующее: «Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды».

Шеф гитлеровской пропаганды посчитал необходимым обратить внимание сотрудников министерства: «… фюрер придает значение тому, чтобы еврейский вопрос был связан с Катынским делом». Это, разумеется, принципиальная установка. Но министр и о частностях не забывает: «Вообще нам нужно чаще говорить о 17-18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом просили разрешить послать домой письмо и т. д., т. к. это действует особенно потрясающе». Может быть, и просили. Геббельсу это могло быть известно.

Особенно откровенен Геббельс на конференции (это что-то вроде совещания), состоявшейся 17 апреля. В отчете о ней сообщается: «…министр подчеркивает, что катынское дело приняло такой размах, которого он не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживаясь принципов, которые определены здесь на конференции, если бы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника…». Обращает на себя внимание его распоряжение: «Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически

подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать. Министр, между прочим, считает, чтобы присутствовал кто-нибудь из круга министерской конференции, чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКБ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу».

Много вопросов вызывают только эти указания шефа гитлеровской пропаганды. Скажем, было бы вполне естественным требование Геббельса прикомандировать к Международной комиссии хорошо воспитанных и знающих иностранные языки офицеров. Но зачем для сопровождения специалистов по судебной медицине необходимо подбирать ловких людей с исключительной политической подготовкой? И какие такие вещи, которые не соответствовали «немецкой линии», могли увидеть иностранцы в могилах поляков? Как вообще что-то в могилах могло не соответствовать «линии», если люди в них захоронены за год с лишним до начала войны, то есть, если немцы не имели к ним ни малейшего отношения?

Ответы напрашиваются сами собой. Геббельс явно опасался, что при вскрытии могил члены Международной комиссии или каких-то делегаций, которые немцы планировали направлять в Катынь, обнаружат что-либо (а так и вышло – с пулями, с идентификацией тел), опровергающее их утверждение о расстреле поляков по приказу советских властей. Конечно, это не прямое, а лишь косвенное, но очень убедительное свидетельство виновности фашистов в расстреле поляков. Но все послевоенные пособники Геббельса – американские сенаторы, английские парламентарии, польские и советские, а ныне российские ученые мужи и дамы, все эти Горбачевы, ельцины, фалины, «демократические» журналисты и прочая антисоветская и русофобствующая публика – начисто игнорируют это доказательство преступления фашистов. Да что там косвенные свидетельства, они и более убедительные доказательства виновности немцев не признают! Их немало нашла Специальная Комиссия и о них речь, как и о других, пойдет ниже, а пока вернемся в 1943 год.

Руководство Международного Красного Креста предложило

советскому правительству направить своих представителей в Катынь. Но оно решительно отвергло предложение о каких-либо контактах с оккупантами. После этого и МКК отказался послать в Катынь свою делегацию.

Немцы не растерялись и очень быстро создали собственную «международную комиссия». Антисоветчики обычно представляют ее весьма авторитетной комиссией, состоявшей из профессоров судебной медицины и криминологии европейских университетов, а также других представителей науки. Верно, но для полной ясности необходимо уточнить: все 12 её членов, кроме одного, были гражданами завоеванных государств или стран-сателлитов Германии, а во главе стоял в буквально смысле слова свой человек – проф. Г. Бутц, немец, гражданин Германии. Он же и написал потом заключение комиссии, которое ее члены подписали не в Катыни, не в Смоленске, а на каком-то военном аэродроме, на котором самолет с членами комиссии сделал промежуточную посадку по пути в Берлин.

Комиссия экспертов прибыла в Катынь по крайней мере через месяц после того, как немцы стали готовить могилы к осмотру их иностранными комиссиями и делегациями. Точная дата неизвестна, но в «Директиве господина министра от 6 апреля 1943 г.» говорится: «Там работает сейчас известный химик из Кенигсберга…» Как можно понять из текста «Директивы…», к этому времени часть могил была уже вскрыта. Так что время у гитлеровцев подготовиться к приему гостей было.

«Международная комиссия» находилась в Катыни с 28 по 30 апреля и за это время «исследовала все трупы (комиссия указывает точное количество – 982 трупа), которые были эксгумированы до ее прибытия». За два рабочих дня несколько судебных медиков провели патологоанатомическое исследование почти тысячи трупов! Какой-то немыслимый профессиональный подвиг! Конечно, немыслимый. И его никто не совершал. Уже из следующей фразы отчета видно, что специалисты с европейскими именами к этим исследованиям имели, как говорится, весьма касательное отношение: «Их (трупов) патологоанатомическое исследование в большинстве случаев было выполнено доктором Бутцем и его сотрудниками». Любопытный, конечно, факт, но еще любопытнее заключение судебных медиков, подписанное не на основании обследования трупов – им всего-то девять тел показали, а на основе… Но я лучше процитирую заключение: «Из показаний свидетелей и судя по письмам, дневникам, газетам и т. д., найденным на трупах, следует, что расстрелы происходили в марте и апреле 1940 года». Профессора судебной медицины европейских университетов устанавливают время смерти не по

состоянию трупов, а по обнаруженным на них бумажкам! Если бы куры в европейских странах умели читать, они передохли бы от смеха. Но куры не читают, а читавшие и читающие этот более чем странный документ европейцы, а вместе с ними обитатели других континентов находят вполне естественным столь противоестественный для судебно-медицинских экспертов способ установления времени смерти.

Создали немцы и еще одну комиссию, состоявшую исключительно из поляков, – Техническую комиссию Польского Красного Креста. О целях ее создания и условиях работы на совещании в министерстве пропаганды совершенно определенно высказался некий майор Бальцер. А Геббельс облек его предложения в форму собственной директивы. Идентификация тел, по мнению этого майора, должна быть проведена в пропагандистских целях, а для этого следует «привлечь членов польского Красного Креста под немецким контролем». Однако поначалу поддержавший предложение майора о необходимости идентификации тел, Геббельс через десять дней пошел на попятную: «Вообще работы по раскопке и идентификации должны по возможности проводиться по мере надобности только тогда, когда туда прибывает какая-нибудь комиссия». Что случилось? Да то, чего Геббельс и опасался. Стали обнаруживаться «вещи», которые не соответствовали немецкой линии. Выяснилось, например, что среди убитых не все офицеры, а некоторые офицеры – евреи по национальности. Это обстоятельство не укладывалось «в линию» о расстреле поляков по приказу евреев. Что, одни евреи расстреливали других? Разумеется, «при фанатичной жажде правды» Геббельсу не составляло большого труда найти подходящее объяснение. Тем не менее, такие несовпадения с «линией», вероятно, воспринимались министром, как совершенно нежелательные. Русскую пословицу «от греха подальше» он, скорее всего, не знал, но поступил вполне предусмотрительно.

Стоит ли сомневаться, что поляки в Катыни могли делать только то, что им позволяли немцы? Между тем, польский профессор Ч. Мадайчик, автор «Катынской драмы», ссылаясь на члена этой комиссии М. Водзиньского, ассистента Института судебной медицины в Кракове, ничуть не смущаясь, утверждает, что «деятельность группы проходила под наблюдением немцев, но она работала без ограничений».

У пана профессора, надо отметить, весьма своеобразное представление о том, что такое работа без ограничений. Что и подтверждает сохранившейся отчет о деятельности Технической комиссии, написанный сразу после окончания работ ее

руководителем К. Скаржиньским. В нем, в частности, объясняется, чем занимались члены этой комиссии: «Рабочие разрезали все карманы, извлекая содержимое, вручая все найденные документы членам ПКК. Как документы, так и найденные предметы вкладывались в конверты, носящие очередной номер, причем тот же номер, выбитый на металлической пластинке, прикреплялся к трупу… Члены комиссии, занятые поисками документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать».

Из дальнейшего текста справки К. Скаржиньского следует, что членам Технической комиссии давали потом просматривать лишь паспорта, а «…дневники, воинские приказы, некоторые письма и т. п. забирались германскими властями для перевода на немецкий язык. Все ли они были возвращены и вложены в соответствующие конверты, комиссия утверждать не может». Но сотрудники секретариата тайной полиции даже не позволили полякам вкладывать в эти конверты очищенные от грязи документы. «Эту операцию выполняли немцы», сообщает автор отчета… Своеобразное все-таки у пана профессора Ч. Мадайчика представление о том, что такое работать без ограничений…

Работавшие «без ограничений» члены Технической комиссии подтвердили обвинения геббельсовской пропаганды. Однако они были не первыми поляками, которых немцы привезли в Катынь. 10 апреля, то есть до объявления по радио об обнаружении могил, немцы доставили в Катынский лес неких докторов К. Ожеховского и Э. Гродзского, какого-то пана К. Пороховика и нескольких других панов. Зачем немцы привезли в Катынь этих панов, не совсем понятно. Может, они чем-то заслужили особое доверие фашистов? И после нужного немцам заявления, которое сделают паны, другим полякам, которых предполагалось привозить в Катынь, ничего другого не останется, как вторить соотечественникам? Как мы знаем, Геббельс допускал возможность отклонений от немецкой «линии» и требовал от подчиненных принять меры к тому, чтобы это не произошло. Панам дали возможность посмотреть могилы, показали документы, письма, дневники. После чего они и сделали то, что требовалось немцам: уверенно заявили, что убийство офицеров произошло не позднее апреля 1940 года.

Через неделю немцы привезли в Катынь еще одну группу поляков. Эти тоже сказали, что «массовое убийство могло быть совершено не позднее весны 1940 г.». Для нас это заявление интересно тем, что его сделали члены делегации, часть которых, как пишет Ю. Мацкевич, «осталась и приняла участие в работе по извлечению и опознанию трупов». Иными словами, какая-то часть

членов Технической комиссии Польского Красного Креста в начале определила дату смерти соотечественников, а потом уже приняла участие в работе по извлечению их тел из могил для установления времени расстрела. То есть до патологоанатомической экспертизы, проводимой, напомню, немецкими специалистами. Получается, что поляки, казалось бы, самые заинтересованные в объективности люди, по-существу без проверки согласились с утверждением гитлеровцев. Впрочем, если европейские светила не постеснялись сделать свои выводы, не проведя необходимых медицинских исследований, то чего же ждать от членов какой-то Технической комиссии?

Но у них или у тех работников Польского Красного Креста, которые выписывали свидетельства о смерти, все-таки хватило мужества на весьма смелый поступок. В выписанных свидетельствах они не проставили дату смерти. Это был пусть не в прямой форме, но явный отказ подтвердить утверждения немцев о расстреле поляков весной 1940 года.

Два опровержения Москвы

На немецкие обвинения Москва ответила незамедлительно. Назвав их «неуклюже составленной брехней», ТАСС заявил, что немцы «жульнически умалчивают о том, что именно близ деревни Гнездово находятся археологические раскопки…». Вероятно, люди, готовившие заявление ТАСС, не имели никакого представления о польских офицерах, а главное – совершенно не сознавали, насколько серьезны для СССР немецкие обвинения. Сейчас вряд ли возможно установить, кто да что сделал весной 1943 года не так, но нашу промашку немцы тут же использовали.

Только не следует думать, будто заявление ТАСС – полная чушь, что его безответственные авторы написали первое, что пришло им в голову. На ум-то им как раз пришло то, что только и могло прийти людям, пытавшимся в Москве понять, что могли раскопать немцы у станции Гнездово? Но, вероятно, полную информацию от консультировавших их специалистов они не получили.

Дело в том, что Гнездово – это не только железнодорожная станция и маленький поселок. Гнездово – это почти три тысячи курганов, это городище и селище, которые археологи датируют X – началом XI вв. В могилах обнаружено оружие, украшения, посуда, монеты. Именно здесь найдена знаменитая корчага с надписью – самое раннее свидетельство существования на Руси письменности. Так что археологические раскопки в сообщении ТАСС были упомянуты совсем неслучайно. Вот только тела умерших соплеменников древние обитатели городища сжигали…

И Геббельс «вознегодовал». На совещании в министерстве просвещения и пропаганды он «возмущался»: «За каких дураков считают эти нахальные еврейские болваны европейскую интеллигенцию!.. Они говорят об «археологических раскопках»! Посмотрите на снимки убитых польских офицеров в «Вохеншау». Может быть, московские евреи станут после этого утверждать, что мы одели в польскую форму 12 тысяч скелетов из времен 200 года до Христа!» Что говорить, ссылка на археологические раскопки, которые немцы якобы выдали за могилы поляков, оказалась хорошим поводом для издевательства над заявлением ТАСС.

После этих «обличений» Геббельса ТАСС выступил с сообщением, что в районе Смоленска действительно находились польские военнопленные, которые строили дороги, что эвакуировать поляков не удалось, их захватили немцы и расстреляли. Понятно, что подтвердить заявление ТАСС какими-

либо доказательствами мы в то время не могли. Но едва представилась возможность, то есть сразу после освобождения этой территории от оккупантов, Советское правительство приступило к расследованию «Катынского дела». Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников создала под руководством одного из своих членов – академика Н. Н. Бурденко – Специальную Комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

Сто свидетелей академика Бурденко…

В марте 2005 года в российских средствах массовой информации появились сообщения о недовольстве поляков решением Главной военной прокуратуры. Это после того, как папа римский самолично одобрил старания военных прокуроров! После того, как М. Горбачев, а вслед за ним и Б. Ельцин посыпали свои головушки пеплом! Чем же поляки теперь-то были недовольны? А тем, что ГВП России отказалась признать свою Родину виновной в геноциде польского народа.

По этому случаю в Центральном доме литераторов Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ совместно с журналами «Кольцо А» и «Знамя» собрал убитую горем группку людей. Закоперщиком на панихидке по несбывшимся планам поляков выступал интеллектуал по фамилии С. Филатов. Может, читатели помнят: был такой подручный у интеллектуала по фамилии Б. Ельцин. Был там и интеллектуал по фамилии В. Шейнис. Еще помните такого господина? Он горько сетовал и возмущался по поводу того, что из 183 томов уголовного дела, которые собрали военные прокуроры, 116 Главная военная прокуратура полякам предоставить отказалась: в них содержится государственная тайна. Какая такая тайна, вопросил этот интеллектуал, и тут же пояснил: их засекретили, чтобы наказать поляков за отношение к украинской революции. Н-да, титан мысли, этот подержанный временем столп российской «демократии».

Однако вопрос-то он поставил очень важный: в самом деле, какая государственная тайна может быть в документах, связанных с деятельностью уже несуществующего государства? По-моему, засекретить уголовное дело против хотя и давно умерших, но своих политических врагов власть современной России могла – для нее это является и необходимостью – только в одном случае: если в нем содержатся свидетельства непричастности руководителей СССР к убийству поляков.

Среди других интеллектуалов в выступлениях отметилась литературовед и публицист и к тому же доктор филологических наук М. Чудакова. Дама, как можно судить по отчету в Интернете, для начала поведала своим единомышленникам о том, как она убедилась в том, что отчет комиссии Н. Бурденко – ложь. Произошло это еще во времена молодости будущего доктора наук. В те далекие годы М. Чудакова занималась русской

литературой 30–40 годов и однажды, раскрыв газету с Сообщением Комиссии, сразу поняла: отчет этот – ложь. «Неестественно крупный текст (доктор филологических наук, видимо, имела в виду шрифт – авт.), его расположение на развороте и стилистика отчета» просто «кричали» ей об обмане. Вероятно, крик был в таких огромных децибелах, что навсегда отшиб у аспирантки способность понять, что столь важное сообщение не могло быть напечатано в подвале последней полосы, что стилистика отчета комиссии Н. Бурденко – это стилистика любого отчета, если он почти полностью состоит из описаний чего-либо, протоколов опросов свидетелей, документов. Увы, увы, увиденный в далекой молодости «неестественно крупный текст», да еще на развороте, да еще «со стилистикой» так необратимо повлиял на мыслительные возможности интеллектуалки, что она и по сей день даже не может сообразить: и самый громкий крик – совсем не основание обвинять в подлости людей. А люди-то в комиссии подобрались весьма уважаемые. Их фамилии указаны в начале Сообщения: кроме Н. Бурденко – писатель А. Толстой, митрополит Николай, Председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А. Гундоров, председатель Исполкома обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С. Колесников, нарком просвещения РСФСР академик В. Потемкин, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Е. Смирнов, председатель Смоленского облисполкома Р. Мельников. Далее в Сообщении приводятся фамилии судебно-медицинских экспертов, привлеченных Комиссией для участия в своей работе: в их числе – крупные специалисты: главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Научно-исследовательского института судебной медицины В. Прозоровский, заведующий кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктор медицинских наук В. Смольянинов, главный патолог фронта профессор Д. Выропаев.

Ладно, пусть не та стилистика, не тем шрифтом набрали, не на том месте расположили. Но, как известно, не место красит или не красит. И в документах главное все-таки – их содержание. Что же в самом Сообщении Специальной Комиссии вызывает сомнения, недоверие? Да все, утверждают духовные наследники д-ра Геббельса. Я это «все» в их «исследованиях» встречал множество раз. Хотя бы сделали исключение для содержавшегося в Сообщении описания месторасположения могил, упоминаемых в нем фамилий свидетелей, найденных в могилах писем и вещей. Так нет! Все – ложь! И только. Анализа же подготовленного членами Комиссии документа, даже отдельных содержащихся в

нем фактов «правдолюбцы» старательно избегают. И тут все понятно: опровергнуть факты невозможно, их можно только игнорировать, замалчивать. Этим продолжатели дела главного гитлеровского пропагандиста с усердием и промышляют.

Выше я упоминал, что работа по выяснению обстоятельств гибели поляков началась сразу после освобождения Смоленска от захватчиков. Достаточно ясные указания на этот счет содержатся в Сообщении. Но вот читаю у очередного геббельсовского наследника «размышления» о том, почему Комиссия приступила к работе лишь в январе 1944 года, он даже точную дату указывает: с 16 по 23 января. Да только потому, конечно, объясняет он, что советским властям требовалось время на уничтожение следов своего преступления. И вопросец подкидывает, ответ на который напрашивается лишь один: нет. А вопрос такой: можно ли за неделю выполнить тот объем работ, который проделала Специальная Комиссия, судя по ее Сообщению? Ведь одних свидетелей опросила более ста. Когда ж успела?

Откуда же взял этот ретивый обличитель злодеяний тоталитарного режима дату? С потолка? Нет. Из… Сообщения Комиссии Н. Бурденко. В нем можно прочитать, что «комиссия… в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела…». Эта фраза из включенного в Сообщение акта судебно-медицинской экспертизы, подписанного 24 января членами судебно-медицинской комиссии, которую возглавлял В. Прозоровский. Именно в эти дни комиссия «произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу…» Заключение экспертов имело решающее значение для доказательства того, что преступление совершено немцами, и, несомненно, именно поэтому члены Специальной Комиссии полностью включили «Акт судебно-медицинской экспертизы» в свое Сообщение. О начале же работы Специальной Комиссии в Сообщении говорится, что член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Бурденко, его сотрудники и судебно-медицинские эксперты прибыли в Смоленск 26 сентября 1943 года и «провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний». 26 сентября – это через сколько же дней или недель после изгнания оккупантов? На следующий день! Смоленск Красная Армия освободила 25 сентября 1943 года.

Чем занималась Комиссия? Об этом можно узнать из опубликованного Сообщения, стилистика которого так пагубно отразилась на интеллектуалке М. Чудаковой. В нем говорится: «По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех

членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливается время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами».

Свидетелей убийства поляков не нашлось, за исключением расстрела двух офицеров, хотя, строго говоря, и их казнь никто не видел. Но из показаний местных жителей, как из отдельных керамических плиточек создается мозаичное полотно, сложилась картина разыгравшейся в Катынском лесу трагедии. И она действительно кричала – о злодеянии гитлеровцев.

Прежде всего, члены Специальной Комиссии стали выяснять то, в чем, конечно, они лично не сомневались: а были ли поляки в 1941 году в Смоленской области? Оказалось, что польских офицеров даже в первые месяцы оккупации видели многие смоляне. В Сообщении упоминается несколько фамилий: староста деревни Борок В. Солдатенков, врач из Смоленска А. Колачев, священник А. Оглоблин, дорожный мастер Т. Сергеев, жительница Смоленска А. Московская, председатель колхоза дер. Борок А. Алексеев, водопроводный техник И. Куцев, священник В. Городецкий, дежурный по ст. Гнездово И. Савватеев… Крестьянин Н. Даниленков из колхоза «Красная Заря» показал, что в августе-сентябре 1941 года встречал поляков, работавших на шоссе группами по 15–20 человек.

Учительница начальной школы в дер. Зеньково М. Сашнева сообщила Комиссии, что в августе 1941 года она прятала у себя польского офицера. «…Поляк был в польской военной форме, – приводится в Сообщении выдержка из протокола ее опроса, – которую я сразу узнала, так как в течение 1940–1941 г.г. видела на шоссе военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе… Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии…

Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры».

На следующий день поляк ушел. Перед прощанием он назвал свою фамилию, которую М. Сашнева записала в книге. Члены Комиссии попросили учительницу показать им эту книгу. Она ее представила: «Практические занятия по естествознанию», автор Ягодовский. На последней странице оказалась запись: «Лоек Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огродная дом № 25». Лейтенант Юзеф Лоек значится в составленных немцами списках, как расстрелянный большевиками весной 1940 года в Катынском лесу.

Нашлись свидетели облав, которые немцы устраивали осенью 1941 года на поляков, бежавших из лагерей. Бывший староста деревни Новые Батеки М. Захаров показал, что осенью 1941 года немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса. Уже упомянутый Н. Даниленков тоже рассказал о поиске немцами поляков: «У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина – кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Аналогичные показания дал свидетель Т. Фатьков, тоже колхозник: «Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе-сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Самые важные для выяснения обстоятельств гибели поляков показания дали жительницы д. Борок А. Алексеева, О. Михайлова и З. Конаховская. Староста деревни В. Солдатенков по приказу немецкого коменданта направил их для обслуживания личного состава немецкой части, расположившейся в Катынском лесу. Передвижение женщин по территории было ограничено: им запретили удаляться от дачи, ходить в лес, на работу и с работы они ходили по установленному немцами маршруту и только в сопровождении солдат. Даже по даче они не могли передвигаться

без вызова и сопровождения немецких солдат. В Сообщении Специальной Комиссии приводятся довольно пространные выдержки из протоколов показаний А. Алексеевой и О. Михайловой. Вот что рассказала членам Комиссии А. Алексеева:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны.

…Переводчик Иоганн, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела…

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после их заезда на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу дополнительно прибывали солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с

оружием уходили в лес, очевидно, к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же нас не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходил на даче. Тогда я заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей – двух ефрейторов. Один был высокий, рыжий, другой – среднего роста, блондин.

Из этого всего я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину.

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а, тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню, а затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150–200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев. То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую форму, с характерными для них четырехугольными фуражками. Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и,

укрывшись в кустах у дороги, стала ждать. Примерно минут через 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы. Тогда мне все стало ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случаи, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по наряженной обстановке, которая царила в это время на даче… Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону…».

Показания О. Михайловой Специальной Комиссии отличаются от рассказа А. Алексеевой лишь деталями: «В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче. Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира.

Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел оберст-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Гленевский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как

поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Конвоируемых немцами поляков, которых солдаты группами по 20–30 человек вели на «Козьи Горы», видели (и слышали в лесу выстрелы) и другие жители окрестных населенных пунктов. Такие показания дали крестьянин с хутора «Козьи Горы» П. Киселев, плотник станции Красный Бор в Катынском лесу М. Кривозерцев, бывший начальник станции Гнездово С. Иванов, дежурный по той же станции И. Савватеев, председатель колхоза в деревне Борок А. Алексеев, священник Купринской церкви А. Оглоблин и другие. Вероятно, показания некоторых свидетелей вызывали у членов Комиссии какие-то сомнения, а, может быть, они просто стремились собрать побольше доказательств преступлений гитлеровцев. Как бы там ни было, но показания наиболее важных свидетелей, таких, как уже упоминавшиеся А. Алексеева, П. Киселев или заместитель бургомистра Смоленска Б. Базилевский, которые Комиссия имела возможность в какой-то мере проверить, она перепроверяла.

Оказался в распоряжении Комиссии и еще один свидетель, правда, безмолвный, но, тем не менее, красноречивый. Нашли его, скорее всего сотрудники НКВД или военной контрразведки, в здании городского управления Смоленска. Это 17 страничек из делового дневника бургомистра города Б. Меньшагина. Бывший адвокат, видимо, чтобы не запамятовать важные указания хозяев, записывал их в дневнике. Среди многих других записей есть несколько прямо относящихся к трагедии в Козьих горах: на странице 10, помеченной 15 августа 1941 года, – «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру», а на 15 странице (без даты) – «Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)». (Летом – осенью 1941 года Умнов служил у оккупантов начальником русской полиции. – Авт.). Надо добавить, что в Сообщении Комиссии не приводится еще множество показаний свидетелей (если не большинство): вероятно, ее члены сочли, что в официальном документе дополнительных свидетельств фашистских преступлений не требуется.

… и семь свидетелей доктора Геббельса

Специальная Комиссия опросила примерно сто свидетелей. Вряд ли стоит сомневаться в том, что, если бы она продолжила свою работу, показаний, свидетельствующих о преступлении гитлеровцев, оказалось бы значительно больше. Немцы утверждали, что у них тоже есть свидетели – очевидцы расстрела поляков весной 1940 года. Всего они назвали семь человек. Не много. Не помогли и обещания местному населению вознаградить свидетелей. Судя по докладной записке полицейского Фосса начальству, на призывы никто не откликнулся. Исключая, возможно, И. Кривозерцева – ему могла попасться на глаза листовка, а, может быть, он отправился в гестапо, когда по окрестным деревням пошли разговоры о том, что немцам нужны «свидетели» расстрела поляков. Допустим и третий вариант: в гестапо могли знать, а местные русские полицейские наверняка знали, что И. Кривозерцев – сын кулака, всеми фибрами своей душонки ненавидевший Советскую власть, и когда ему немцы, так же, как и П. Киселеву, предложили стать «очевидцем», он без колебаний согласился.

Разумеется, члены Комиссии проявили желание встретиться с людьми, которые своими показаниями подкрепили заявление немцев. К сожалению, двое из семерых умерли до освобождения Смоленска Красной Армией, трое, включая И. Кривозерцева, «ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно», констатировала Комиссия. Двое оставшихся дали ей показания.

Парфен Киселев, 1870 года рождения, был для немцев самым ценным свидетелем, так как его хутор находился в тех же Козьих Горах, и, следовательно, его показания должны были вызывать наибольшее доверие. Он рассказал, что впервые его вызвали в гестапо еще осенью 1942 года. На допросе немецкий офицер через переводчика, показал П. Киселев членам Специальной Комиссии, «стал расспрашивать меня – давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положение сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники

НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня – какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда на слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место, и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.»

Немец повторил П. Киселеву, что поляков здесь расстреляли, а ему, Киселеву, это надо подтвердить. За показания гестаповец обещал П. Киселеву большое вознаграждение. Но он продолжал стоять на своем: ничего о расстрелах не знаю, да и быть их не могло в этой местности. Офицер же настаивал на том, чтобы П. Киселев дал нужные немцам показания. На этом они пока и расстались.

Рассказ П. Киселева – единственное указание на то, что местные гестаповцы проявили интерес к могилам осенью 1942 года. Почему он у них возник, почему угас, неизвестно. Вторично они вызвали П. Киселева в гестапо лишь в феврале 1943 года. В это же время гестаповцы стали требовать аналогичных показаний и от других жителей окрестных деревень. О втором вызове в гестапо П. Киселев показал:

«В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не буду. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишете, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

Понятно, что дело «на этом» закончиться не могло. В спектакле, который немцы собирались разыграть в Катынском лесу, они отводили П. Киселеву заметную роль. Он должен был встречаться с членами делегаций, которые немцы стали регулярно привозить в Катынь, и рассказывать им байку о

расстреле чекистами польских офицеров. В начале весны П. Киселева первый раз повели в лес. По дороге переводчик предупредил его, что он должен в точности пересказать содержание подписанного им документа. Первыми слушателями оказались «польские делегаты», которые стали задавать П. Киселеву вопросы на русском языке. На свою беду П. Киселев за месяц забыл, что именно он подписывал в гестапо, стал путаться, и в конце концов, заявил, что ему о расстреле поляков ничего не известно.

«На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму», – рассказывал о своем опыте общения с гестаповцами П. Киселев Специальной Комиссии. – После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождающихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой. (Значительную потерю слуха и повреждение плеча подтвердило врачебно-медицинское обследование, проведенное, скорее всего, по поручению Специальной Комиссии. – Авт.).

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие публично выступать с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием – по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу.

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам

могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить…»

До поры до времени П. Киселев справлялся с отведенной ему ролью. Но однажды один из «делегатов» задал ему прямой вопрос: он своим глазами видел, как расстреливали поляков? Как ни удивительно, но этот естественный вопрос немцы не предусмотрели. Вернее, на втором допросе они потребовали, чтобы П. Киселев называл себя очевидцем. Однако перед самым его выпуском «на сцену» в Катынском лесу немцы, очевидно, забыли предупредить Киселева о необходимости выдавать себя за свидетеля расстрела. Ему сказали, что он должен говорить, что видел, как весной 1940 года в лес привозили поляков, что их расстреливали по ночам, что «это дело рук НКВД». Так он и говорил, а от прямого вопроса растерялся и сказал, что видел польских военнопленных до войны, так как они работали на дорогах». Раздосадованный переводчик прогнал «свидетеля».

Больше «услугами» П. Киселева немцы не пользовались. Однако и не забыли о нем. Перед отступлением из Смоленска они нагрянули на его хутор, но хозяина не застали. Предполагая, что они его могут убить или увести с собой, П. Киселев скрылся. Вероятно, в отместку немцы сожгли хутор.

Показания Специальной Комиссии П. Киселев закончил просьбой «верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток».

Таким же образом были получены нужные немцам показания и от второго из семи свидетелей, названных в изданной германским МИДом книге, – служившего при немцах старостой в дер. Новые Батеки Матвея Захарова. В 1940 году он работал сцепщиком на ст. Смоленск, то есть находился несколько далековато от Катынского леса, чтобы видеть, что происходило в лесу, но немцев это обстоятельство не смутило. Сам М. Захаров рассказал об это так: «В начале марта 1943 года ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии я его не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришел в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего

поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения – я не знаю.

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит меня сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен…»

Прошло несколько дней, и М. Захарова вызвали к высокому немецкому начальству. Услышать его рассказ о зверствах сотрудников НКВД пожелал какой-то генерал. М. Захаров – единственный из смолян, удостоившейся такой «чести». Трудно, конечно, сказать, чем вызван был генеральский интерес к показаниям бывшего сцепщика вагонов. Возможно, в Берлине хотели убедиться в том, что подготовка к спектаклю, зрителями которого должны были стать не только привозимые в Катынь члены всевозможных делегаций, но и общественность всего мира, идет в полном соответствии со сценарием. Перед встречей с генералом переводчик объяснил М. Захарову, что если он не подтвердит свои показания, то первый допрос в гестапо ему покажется цветочком. Боясь повторения пыток, М. Захаров сказал генералу, что подтверждает свои показания. Потом ему приказали поднять вверх правую руку и объявили, что он принял присягу и может отправляться домой.

Специальная Комиссия выяснила, что немцы усиленно искали других «свидетелей» среди железнодорожников и сотрудников органов внутренних дел. Их интерес к ним понятен: как и показания П. Киселева, свидетельства этой категории работников должны были вызывать наибольшее доверие. Они даже пытались заставить рабочего гаража управления внутренних дел Е. Игнатюка выдать себя за шофера, который на воронке́ перевозил поляков со станции в лес. Случайно арестованный рабочий попал на допрос к начальнику полиции некоему Алферчику. Он обвинил рабочего в агитации против немецких властей, а затем потребовал, чтобы тот дал показание, будто работал шофером в гараже УВД. Натолкнувшись на отказ, полицейский начальник разозлился и, как рассказал Е. Игнатюк Специальной Комиссии, «вместе со своим адъютантом, которого

он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками». После экзекуции Алферчик потребовал, чтобы Е. Игнатюк дал показания о том, что он как шофер принимал участие в перевозке в 1940 году польских офицеров в Катынский лес, где они были расстреляны сотрудниками НКВД, и даже присутствовал при казни. За дачу таких показаний Алферчик обещал Е. Игнатюку работу в полиции, где ему «будут созданы хорошие условия». В случае отказа от предложения, предупредил начальник полиции, его расстреляют. Тем не менее, рабочий отказался от «заманчивого» предложения. Последний раз в русской полиции его допрашивал следователь по фамилии Александров. Он требовал, чтобы рабочий дал такие же показания, какие хотел получить от него Алферчик. Е. Игнатюк опять отказался, его опять избили и отправили в гестапо. Чем закончились допросы в гестапо, в Сообщении Специальной Комиссии не указывается.

Не удалось получить весьма нужные немцам показания от железнодорожников – бывшего начальника станции Гнездово С. Иванова, дежурного по станции И. Савватева и других работников. С. Иванов (Из Сообщения Специальной Комиссии неясно: исполнявший в июле 1941 года обязанности начальника движения Смоленского участка Западной железной дороги С. В. Иванов и начальник станции Гнездово весной 1940 года С. В. Иванов – один и тот же человек или это однофамильцы?) показал, что в марте 1943 года его вызвали в гестапо. Офицер вначале поинтересовался, какую должность он занимал на станции Гнездово до оккупации, а затем спросил, известно ли ему о том, что «весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры».

«Я сказал, что знаю об этом, – вспоминал перед членами Специальной Комиссии С. Иванов. – Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего не известно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940–1941 г.г. вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то, значит, так было на самом деле. «Поэтому, – продолжал офицер, –

вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являетесь очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения…»

В том же духе разговаривали в гестапо и с И. Саватеевым. И он тоже вначале отказался подписать протокол. Но все-таки не выдержал угроз и подписал его.

Однако в целом «улов» свидетелей оказался небольшим. Запугать удалось не многих смолян. Тогда немцы решили их купить. В самом Смоленске, в ближних деревнях они расклеили листовки с таким содержанием:

«Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевикам в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово – Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездово в Козьи Горы или кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые

могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс лейтенант полевой полиции»

Всего несколько человек немцам удалось запугать или, возможно, подкупить. Советские люди отказались продавать свою совесть, свою родину.

Объективные данные

Но, разумеется, главным доказательством расстрела польских офицеров немцами явились не свидетельские показания, а более зримые, вещественные доказательства. То, что называется *объективными данными.* Не знаю, насколько уместен в этих заметках Акт судебно-медицинской экспертизы, проведенной советскими специалистами под руководством В. Прозоровского, но я решил процитировать документ полностью.

«По указанию Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская комиссия в составе… в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около $60 \times 60 \times 3$ метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около $7 \times 6 \times 3{,}5$ метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

а) личности покойных;

б) причины смерти;

в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

(Материалы Комиссии изложены в опубликованном Сообщении, а содержание протоколов обобщено в цитируемом ниже Заключении. – Авт.)

Заключение

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытию могил и извлечению трупов их них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на

925 извлеченных трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведенного на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах под подкладкой мундиров, в поясках брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддается разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги и ботинки надеты, шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки – свидетельствуют, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трех случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырех случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твердым, тяжелым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже – двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на краю его. В небольшом числе случаев входные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже – в темных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочке и веществе мозга найдены деформированные, слабодеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев – менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе – свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклоненной голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга явилось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твердым, тяжелым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности – в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах

имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчетливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме микроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытию могил и изъятию трупов и пребывания их на воздухе они подверглись действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 года. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основание утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях – в Гедеоновке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, в Красном бору и т. д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьих Гор» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований – считает установленным факт умерщвления путем расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрем-декабрем 1941 года;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г. – доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытия трупов расстрелянных польских военнопленных;

Отмечает полную идентичность метода расстрела польских

военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе – Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже».

Аналогичную советским судмедэкспертам точку зрения высказал в книге «Катынские доказательства», изданной в 1945 году, чешский профессор Ф. Гаек, член Международной комиссии. «Я, – писал он, – на основании наблюдений и вскрытия нескольких трупов установил, что трупы, безусловно, не могли лежать там 3 года, а только очень короткий срок, максимально не более одного года».

Часть документов, обнаруженных при проведении судебно-медицинской экспертизы, упоминается в Сообщении Специальной Комиссии. Члены Комиссии посчитали, что они заслуживают особого внимания. Этих документов немного – всего девять: письмо, бумажная иконка, две открытки, пять квитанций. Но каждый из этих документов, так как на них проставлены даты, позволяет со всей определенностью сказать, что поляки не были расстреляны весной 1940 года. Самая ранняя дата стоит на письме, отправленном из Варшавы в адрес Советского Красного Креста, в Центральное бюро военнопленных, которое располагалось в Москве на ул. Куйбышева в доме № 12. В письме, написанном 12 сентября 1940 года, Софья Зигонь просит сообщить о местопребывании ее мужа Томаша Зигоня. На конверте имелся немецкий почтовый штемпель: «Варшава, сент. – 40», а также штемпель московского почтамта: «Москва, почтамт 9 экспедиция, 28 сент. 40 года.» На конверте имелась резолюция с неразборчивой подписью на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15 нояб. – 40 г.» А в карманах одежды на одном из трупов нашли целых три квитанции. Одна свидетельствовала о том, что администрация Старобельского лагеря 16 декабря 1939 года приняла от Владимира Рудольфовича Арашкевича золотые часы, которые 25 марта 1941 года были проданы Ювелирторгу. Две квитанции подтверждали прием администрацией лагеря № 1-ОН от того же В. Арашкевича 6 апреля 1941 года 225 рублей, а 5 мая 1941 года еще 102 рублей. А на неотправленной открытке, написанной Станиславом Кучинским Ирене Кучинской, проживавшей по адресу: Варшава, Багателя, 15, кв. 47, стоит дата – 20 июня 1941 года».

Опубликованное в печати Сообщение Комиссии основано на совершенно секретной справке, которую подготовили члены Специальной Комиссии. Текстуальные совпадения в двух документах значительны. Можно даже говорить, что Сообщение в

весьма большой степени повторяет справку. Однако официальное Сообщение Комиссии не аутентично секретной справке. Предназначенный, как говорится, для внутреннего пользования, этот документ более обстоятелен, насыщен большим количеством всевозможных деталей – от фамилий до фактов. И есть в справке одно свидетельское показание, которое я не обнаружил в Сообщение. А показание интересное. В нашем сегодня мы можем лишь предполагать, почему маленькое, но весомое доказательство преступления немцев не вошло в обнародованное Сообщение. Может быть, свидетельство не показалось достаточно убедительным?

18 ноября 1943 года показания Комиссии давал К. Зубков. Он был в числе смоленских экскурсантов, которых немцы привозили в Катынский лес для демонстрации им «жертв большевистских злодеяний». В справке не указаны ни его конкретный адрес, ни место работы. Но из показаний можно сделать вывод, что К. Зубков в период оккупации Смоленска работал врачом в одном из медицинских учреждений города: он дал подробное описание трупов. Это важная часть его показаний, вероятно, не главное в его рассказе. Он дал описание веревок, которыми были связаны руки убитых поляков. Они «сохранились хорошо, были витые, светло-желтого цвета. Распустившийся конец одной из них давал повод считать, что веревки сделаны из бумаги, по-видимому, немецкого происхождения, так как бумажные веревки в Советском Союзе не делаются». Это «по-видимому» и решило, скорее всего, судьбу этой части показаний К. Зубкова, в официальное сообщение его не включили: «по-видимому» – не доказательство.

О бумажных веревках написал в книге «Катынский детектив» Ю. Мухин. Но, к сожалению, он не указал источник, из которого «извлек» эти веревки. И наследники доктора Геббельса этим немедленно воспользовались: он-де эти веревки сам и «свил». Кстати, его книга вышла из печати спустя года четыре после публикации справки…

Немцы готовятся

По опубликованным материалам невозможно установить точную дату начала подготовки немцев к посещению Катыни иностранными делегациями. Но так ли уж она важна? Специальная комиссия установила, что к вскрытию могил немцы приступили или в конце марта, или в начале февраля. Так что времени для подготовки могил к их осмотру специалистами и просто любопытными, которых немцы привозили в Катынь, у них было достаточно.

В Сообщении Специальной Комиссии об этом говорится совершенно определенно: «Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть их провокационную версию». Для этих целей оккупанты использовали советских военнопленных из лагеря № 126. Но откуда Специальной Комиссии это стало известно?

О том, что немцы из этого лагеря отобрали около 500 наиболее физически крепких военнопленных, членам Специальной Комиссии рассказали советские граждане, которых немцы привлекли к работам в лагере. Врач А. Чижов показал, что в начале марта 1943 года немцы якобы для работы на рытье окопов отобрали несколько партий военнопленных. Примерно такие же показания дал врач В. Хмаров, правда, по его рассказу немцы отправляли красноармейцев из лагеря в конце февраля – начале марта. Показания других свидетелей лишь подтверждали рассказы врачей.

Разумеется, отправка из лагеря военнопленных в неизвестном для свидетелей направлении вовсе не означает, что их отправили на раскопки могил. Установить, что именно красноармейцы из лагеря № 126 раскапывали могилы, а затем обыскивали тела поляков, помогла жительница одной из смоленских окраин Александра Михайловна Московская. Члены Специальной Комиссии сами, конечно, никого не разыскивали, поисками свидетелей, разумеется, занимались сотрудники НКВД. А вот А. Московская в начале октября сама попросила вызвать ее для дачи важных показаний.

Она рассказала, что в апреле 1943 года в своем сарае,

который находился на берегу Днепра, нашла советского военнопленного. Понятно, они разговорились. Из разговора с ним А. Московская узнала: «Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер на этих трупах обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (А. Московская точно не запомнила, в чем именно, по рассказу Н. Егорова, находились эти бумаги – **авт.).**

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись.

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как три дня никого из военнопленных не заставляли работать…

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они 3–4 часа в неизвестном направлении. Остановились на какой-то полянке у ямы. Он увидел, что группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою

память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль, и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился… Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день-два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки – Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

Гестаповцы немедленно принялись допрашивать А. Московскую, обвинив ее в укрывательстве военнопленного. Но Александра Михайловна твердо стояла на своем: ни о каком пленном в сарае она не знала. Не выдал ее и Н. Егоров. После нескольких допросов гестаповцы оставили А. Московскую в покое.

Специальная Комиссия установила, что в могилах в Катынском лесу захоронены и тела поляков, расстрелянных в каких-то других местах. Об этом ей рассказала та же А. Московская, ссылаясь на информацию, полученную от Н. Егорова. Однако Комиссии дали показания и свидетели перевозки немцами трупов в Катынский лес.

8 октября в Комиссию обратился работавший до войны в «Росглавхлебе» инженер-механик П. Сухачев. Во время оккупации он работал машинистом на Смоленской городской мельнице. Как-то, во второй половине марта, заговорив с немцем-водителем, он выяснил у него, что тот едет с грузом муки в деревню Савенки, а на следующий день должен вернуться в Смоленск. П. Сухачев, рассчитывая купить в деревне кое-какие продукты, попросил шофера взять его с собой. Немец согласился свозить русского в деревню, но за плату. П. Сухачев с радостью заплатил: поездка на немецкой машине гарантировала его от риска быть задержанным на пропускных пунктах.

Выехали они в тот же день, вернее, вечером того же дня по шоссе Смоленск – Витебск. «Ночь была светлая, лунная, – рассказывал о той поездке членам Комиссии П. Сухачев, – однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость.

Примерно на 22–23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли оттого, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6–7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подъехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот так же тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее машин, я также почувствовал страшный трупный запах».

Видели немецкие машины, перевозившие трупы, и некоторые полицейские из русских. Бывший агент по снабжению Смоленского треста столовых, дослужившийся при немцах до начальника полиции Катынского участка, Ф. Яковлев-Соколов показал, как в начале апреля четыре крытых брезентом грузовых

машины свернули с шоссе в Катынский лес. В машинах сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. Но не это привлекло внимание бывшего снабженца – от машин шел резкий трупный запах.

Еще один полицейский по фамилии В. Егоров, охранявший мост на перекрестках дорог Москва – Минск и Смоленск – Витебск, видел такие машины в конце марта и начале апреля несколько раз. Проходили машины по мосту всегда ночью, и В. Егоров лишь видел силуэты вооруженных людей, сидевших в них. И от этих машин шел сильный трупный запах. О своих наблюдениях полицейский доложил руководству – начальнику полицейского участка в деревне Архиповка К. Головневу. Тот посоветовал ему «держать язык за зубами», заметив: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

Шумиха, поднятая немцами вокруг катынских могил, экскурсии в лес местных жителей привели совсем не к тем результатам, которые ожидали организаторы провокации. По округе поползли слухи о том, что немцы сами расстреляли поляков, а теперь хотят свалить преступление на Советскую власть. Немцы забеспокоились. Русским полицейским было приказано выявлять и арестовывать всех лиц, выражавших неверие или даже сомнение в правдоподобности сообщения о расстреле польских офицеров большевиками. Специальная Комиссия зафиксировала два случая расстрела «маловеров». За свое неверие поплатился жизнью даже один полицейский.

Как в решете воды

Можно ли опровергнуть свидетельские показания, факты, выводы специалистов? Оказывается, запросто, было бы желание. А оно просто огромно у антисоветчиков-русофобов. Члены советской Специальной Комиссии, дескать, написали то, что от них требовали. Ф. Гаека тоже вынудили написать книгу. Ну да, вызвали Н. Бурденко в НКВД и сказали: «Слушайте, академик, напишите-ка Вы, что поляков расстреляли немцы, а то, знаете ли, неприятности у Вас будут». «Как прикажете», – ответствовал главный хирург РККА, лауреат, академик и пр. и пошел писать для И. Сталина фальшивку с грифом «совершенно секретно». (Напомню, что официальное Сообщение о результатах расследования «Катынского дела», опубликованное в «Правде», в значительной мере текстуально совпадает с подготовленной членами комиссии Н. Бурденко секретной справкой о результатах их работы. Но все-таки Сообщение – это не аутентичный справке документ. В нем опущены многие детали расследования и его результатов. Это представляется вполне оправданным: зачем загромождать важный документ не имеющими принципиального значения деталями? Но, на мой взгляд, они являются еще одним подтверждением достоверности приводимых в Сообщении доказательств.)

Читатели не поверят, но американские последователи д-ра Геббельса даже свидетеля энкаведевских угроз нашли. Ну, не свидетеля, скорее, слушателя. Был, оказывается, у академика Н. Бурденко какой-то уж совсем близкий друг, профессор из Воронежа по фамилии Б. Ольшанский, которому он едва ли не на смертном одре поведал страшную тайну: Сталин его заставил. Николай Нилович, как известно, умер в 1946 году, а лучший друг из Воронежа каким-то образом оказался на Западе, где и рассказал в 1951 году под присягой комиссии американского конгресса о признании покойного председателя Специальной Комиссии.

Но некоторым обличителям «злодеяний НКВД», вероятно, показалось, что заявления, даже «под присягой», одного наперсного друга маловато. Для непредвзято настроенных людей показания неизвестного никому перебежчика (кстати, еще и вопрос, был ли этот Б. Ольшанский другом академика) все-таки звучат неубедительно. И вот читаю на сайте РИА-Новости (www.rian.ru) в биографии Н. Бурденко: «В конце войны был назначен председателем комиссии по расследованию массовых убийств в Катыни. (Во-первых, комиссия, которую возглавлял

Н. Бурденко, все-таки называлась иначе. Во-вторых, знают ли в РИА-Новости, когда закончилась война или когда была создана комиссия?) По свидетельству современников, в частных беседах признавал, что эти расстрелы – дело рук НКВД». Ну, действительно, чего мелочиться, если безо всяких трудностей из одного прохвоста можно сделать несколько современников Н. Бурденко? При этом, правда, умнейшего человека выставляют каким-то недоумком, вроде графа Липского, который в «частных беседах» рассказывает о тайне особой государственной важности. Но зато «доказательств» лживости выводов комиссии Н. Бурденко стало сразу больше. (В практике расследований не редкость, когда для выводов пользуются сообщениями из «вторых рук». Члены Специальной Комиссии также использовали полученную таким образом информацию. Однако в каждом таком случае – их, кажется, всего было два – они искали подтверждение ей через другие источники. А в системе «доказательств» современных последователей доктора Геббельса ссылки на то, что кто-то кому-то что-то сказал, – не эпизод, а довольно распространенный прием. Видимо, никому из них и в голову не приходит, что постоянно аргументировать свою позицию тем, что «одна баба сказала» – не солидно, а «размножать» «свидетелей» – это уж откровенно не порядочно. Но понять нынешних сподвижников доктора Геббельса можно: где им взять другие «доказательства»?)

Между прочим, советские и российские пособники Геббельса обычно обходили и обходят ответом вопрос: а множеству людей, привлеченных к работе Комиссии Н. Бурденко, им, как и членам Комиссии, включая митрополита Николая, тоже под угрозой расправы приказали держать язык за зубами? И более чем ста свидетелям, давшим устные и письменные показания Специальной Комиссии, тоже приказали молчать, предварительно заставив дать лживые показания? И еще нескольким тысячам, пожалуй, даже десяткам тысяч человек, о которых я скажу ниже, тоже приказали помалкивать?

(По поводу этих и подобных инсинуаций мне представляется необходимым сделать еще одно нелирическое отступление. Доморощенные антисоветчики, присвоившие себе название демократов, и старательно убеждавшие граждан СССР, а ныне убеждающие граждан России в том, что Советский Союз был государством тотального беззакония, вероятно, и сами поверили собственной клевете. Ведь, чтобы понять, могло ли такое-то событие произойти в Советском Союзе, подчас и не надо обладать обширными знаниями. Достаточно уметь задавать себе нужные вопросы и искать на них ответы, то есть обладать самыми элементарными качествами, необходимыми исследователю. И

тогда, например, если ты честный человек, и знаешь, что за шесть лет Второй мировой войны погибло 50 миллионов человек, никогда не будешь, утверждать, что в Советском Союзе было расстреляно 100 миллионов человек или пусть 18–20 миллионов, как, ничуть не смущаясь своего бреда, объявила музыкальная чета Растропович-Вишневская. Ты не будешь утверждать, что кто-то в стране мог привести в исполнение приговор, подписанный не имеющими на это законного права людьми, даже, если они – самые большие начальники НКВД или даже члены Политбюро.)

А что можно сказать о книге чешского профессора Ф. Гаека? Я оставляю в стороне нравственный аспект предъявленных ему обвинений, хотя просто нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: по утверждениям или намекам «группы поддержки» оберклеветника Геббельса, все, кто разоблачал его «доказательства» – трусливые, продажные, словом, аморальные личности. Посмотрим, так сказать, в корень. В 1946 году чехословацкие коммунисты были в обществе влиятельной силой. Но власть-то им не принадлежала. Во главе государства стоял вполне буржуазный и весьма популярный на Западе политик Э. Бенеш, а руководитель компартии К. Готвальд занимал всего лишь пост заместителя председателя правительства. Даже будучи убежденным, что терроризирование свидетелей – обычная практика советской госбезопасности, утверждать, что в тех условиях НКВД запугал профессора, можно лишь при большой глупости или при большом желании.

Не смущают антисоветчиков и русофобов и вещественные доказательства преступления гитлеровцев. На месте расстрела поляков обнаружены гильзы от патронов, которые выпускала немецкая фирма «Геншов и К», и пули «преимущественно калибра 7,65». Патроны использовались при расстреле поляков, пули – от этих патронов. Это обстоятельство даже Геббельса привело в смущение. До самых последних чисел мая немцы никак не могли придумать объяснение этим фактам.

У непредвзятых исследователей, кажется, не должно быть никаких сомнений в том, что эти «следы» оставили гитлеровцы. Однако поляки, проводившие экспертизу Сообщения Специальной комиссии (этот документ, в котором использованы, как уже отмечалось, данные из совершенно секретной Справки для руководства страны, был опубликован впервые еще 26 января 1944 года), все без труда объяснили: патроны именно этого калибра до 1929 года СССР экспортировал из Германии. Этому утверждению не хватило сущего «пустячка»: доказательства, несмотря на огромное желание, найти его не удалось. Оказывается, Советский Союз не экспортировал и сам не

производил пистолеты, к которым подходили бы патроны этих калибров, так что нам совершенно незачем было их закупать у Германии. Ну и что! Тут же стали тиражировать другое «доказательство»: такие пистолеты закупала у Германии Польша, «оккупировав» восточную Польшу, Красная Армия захватила эти пистолеты, а потом передала их НКВД. И эту фальшивку можно разоблачить: наверняка где-то хранятся сведения о сданном поляками оружии, но какие российские прокуроры будут в наши дни их разыскивать? К сказанному можно добавить, что обе версии впервые «застолблены» в акте… судебно-медицинской экспертизы, написанном профессором Г. Бутцем. Так что советско-российские и польские антисоветчики и русофобы используют немецкое изобретение. Но кое-что и свое добавили.

Литератор Ю. Мацкевич, которого немцы в 1943 году привозили в Катынь, нашел в этих пулях и патронах доказательство того, что немцы не совершали преступления. Так как даже человек, всего лишь мало-мальски осведомленный о планах гитлеровского руководства, о настроениях немцев летом и осенью 1941 года, не поверит, что поляк мог написать что-либо подобное, я процитирую пана Мацкевича дословно. Иначе читатели решат, что я что-то не так понял. «Если бы немцы, – уверяет литератор, – то они воспользовались оружием и патронами, которых у них было вдоволь после поражения Красной Армии». Похоже, пан Мацкевич держит своих западных читателей – поделку свою он, прежде всего, для них изготавливал – за тех аборигенов, что съели мистера Кука. Но сам-то пан, живший во время немецкой оккупации под Вильнюсом (он литовский Вильнюс называет, конечно, Вильно) хорошо знал, с какими планами немцы начинали войну, какие настроения владели ими в ее первые месяцы. И знал, что камуфлировать уничтожение поляков под действия своего врага – Советского Союза тогда ни одному фюреру не могло прийти в голову… Но вынужден это утверждать все по той же причине: туговато у панов и их подельников с доказательствами.

На книге этого пана я хочу несколько задержаться. В его «Катыни» «доказательств» преступления Советов, как грачей на недавно вспаханном поле. Часть «доказательств» – это интерпретация общеизвестных событий и фактов, которая должна подвести читателей книги к мысли, а затем и утвердить их в ней, что польских офицеров расстреляли по приказу советского партийного руководства. Эти «доказательства» – не что иное, как мнение, которое в сознании людей, которым оно настойчиво внушается, трансформируется в их убежденность. Пан Мацкевич со мною, конечно бы, не согласился, но думаю, что все-таки

признал бы: указанные им «улики» не являются прямыми. Вторая часть «доказательств» – письменные и устные источники, ссылаться на которые может кто угодно. Я, например, к ним тоже обращаюсь в надежде объяснить своим читателям, что все они – фальшивки.

Однако есть одно «доказательство», о котором автор мог бы сказать: «Я сам его видел»! Это «доказательство» я хочу процитировать полностью: «Когда я приехал в Катынь, уже раскопали все семь могил. Первое, что бросилось в глаза, – замусоренный лес вокруг уже пустых могил». Автор разъясняет, чем был замусорен лес: личными вещами убитых – щеточками, гребешками, спичками, мундштуками и прочей мелочью. «Со всем этим выбрасывали еще кое-что: **газеты** (подчеркнуто Ю. Мацкевичем – **авт.).** Немцы сохранили несколько газет как экспонат, а остальные повыбрасывали в лес.

Итак, датировка этих газет, найденных на телах убитых, указывает, если рассуждать здраво и честно, на не подлежащее никакому сомнению время массового убийства: весна 1940 года. Разве что…

Разве что немцы, еще до публичного осмотра трупов, сумели тайно и тщательно обыскать их карманы и изъять из них газеты с позднейшими датами. Но и этого мало: еще нужно было вложить в карманы газеты более раннего времени. Из этого следует, согласно советской версии, что немцы, задумав такой сложнейший маневр, должны были где-то достать, купить или иным способом раздобыть сотни и сотни советских газет от марта-апреля 1940 года…

Нет! Это немыслимо. Никакая человеческая сила, никакая техника не смогла бы обыскать, открывать карманы на одежде этих трупов, вынуть из них одни вещи, затем вложить другие, снова застегнуть карманы, положить трупы обратно, утрамбовать слой за слоем! Да еще догадаться завернуть какие-то мелочи в специально подобранные по датам обрывки газет, или сделать из них стельки для сапог. А кому-то вложить в карманы махорку, завернутую в «Голос Радзецки» как раз от 7 апреля 1940 года!.. Абсурд. Засыпать могилы и через месяц (согласно советской версии – см. Часть II) раскопать их и показывать экспертам, добиваясь участия Международного Красного Креста в расследовании.

Итак, не подлежит никакому сомнению: только большевики могли совершить это преступление».

Не требуется проводить глубокий анализ, чтобы увидеть, что пан Мацкевич и в этом случае за доказательство выдает свое мнение. Он так считает (мы должны сейчас допустить, что пан

вполне искренен с читателями, во что я, прочитав его «Катынь», поверить никак не могу), следовательно, так и было. Чувство отвращения не позволило бы кому бы там ни было, ни при каких обстоятельствах залезать в карманы одежды трупов, убеждает пан литератор своих читателей, значит, никто и не залезал. А я полагаю, что если бы немцы приставили к голове пана Мацкевича автомат и сказали: «Ну-ка обыскивай трупы, или мы тебя самого в могилу уложим», гордый и брезгливый пан, не очень мешкая, нашел бы в себе «человеческие силы» и полез в карман ближайшего трупа. Что и делали сотни советских военнопленных. Впрочем, если верить Ю. Мацкевичу, другой пан, вероятно, не столь гордый и брезгливый, доктор Водзиньский, на его глазах «вынимал из карманов одну за другой газеты». Исключительно по собственной инициативе. И каких-то особых человеческих сил запускать руку в карманы одежды мертвецов ему не требовалось.

А некоторые «доказательства» Ю. Мацкевича у меня вызывают недоумение: при всем желании я не понимаю, что этот очевидец хочет сказать. Он с явным сарказмом пишет о махорке, завернутой в газету «как раз от 7 апреля 1940 года». Немцы, по мнению автора, положить махорку в карман трупа не могли. Ладно, не могли. Значит, ее положил в карман сам хозяин махорки, а объяснений, почему газета с махоркой от 7 апреля 1940 года оказалась в кармане человека, расстрелянного осенью 1941 года, может быть много. Или хитроумные большевики всунули зачем-то пакет с махоркой в карман офицера перед расстрелом? Предполагая, например, что весной 1943 года Смоленская область будет оккупирована немцами, они обнаружат могилы с убитыми поляками и вызовут Международную комиссию. Больше никак не объяснишь. Но до такой дури даже интеллектуалы из фонда г-на Филатова еще не договорились. Все-таки и они понимают, что обнаруженная на трупе махорка, завернутая в газету, изданную в апреле 1940 года, никак не свидетельствует против большевиков.

Ю. Мацкевич считает, что немцы не могли достать, купить или иным способом раздобыть сотни советских газет и, следовательно, не могли сфальсифицировать улики. Ну, купить в киосках «Союзпечати» нужные им газеты немцы, разумеется, не могли, а вот достать их каким-то «иным способом» – без всяких проблем. Печатали же они во время своих побед с целью деморализовать советских людей фальшивые экземпляры «Правды», почему же не могли повторить этот опыт после Сталинградского разгрома? Вполне могли. И что стоит с учетом этого личное мнение пана Мацкевича, которое он выдает за доказательство?.. Такова же цена и других «доказательств» автора

«Катыни». Это точка зрения – и только. Но у автора, как видим, не было даже оснований для ее формирования.

Прежде, чем закончить разговор о «доказательствах» неутомимого очевидца советских злодеяний, хочу привлечь внимание читателей к тому, с какой ловкостью пера создавал их Ю. Мацкевич. (Хотя, признаться, мне очень хочется надеяться, что читатели и без меня заметили этот писательский дар автора.) Тут и патетическое «нет». И повтор одной и той же мысли: невозможно было вложить в карманы одежды разлагающихся трупов газеты. И использование подряд нескольких глаголов – достать, купить, раздобыть, что должно усиливать читателями восприятие внушаемой им мысли. И, вероятно, немало людей воспринимают. Совершенно не задумываясь над вопросом: а зачем немцам надо было вкладывать в карманы газеты? Перед ними стояла задача: убедить мировую общественность, и прежде всего, наших союзников, в том, что убийство офицеров произошло весной 1940 года, то есть в том, что их расстреляли советские власти. Но для этого немцам не надо было вкладывать в карманы убитых военнопленных апрельские газеты, делать из них стельки для сапог. Напротив, представляется, что им необходимо было изъять из карманов все, в том числе и газеты, что служило свидетельством того, что поляки были живы после апреля 1940 года. А уж если они в карманы что-то и вкладывали, то только такие предметы или документы, которые должны были подкрепить их версию.

Во время чтения «Катыни» у меня мелькнула мысль: а ведь задержись Красная Армия с освобождением Прибалтики, самой Польши от немецких захватчиков, глядишь, и успели бы немцы отправить пана литератора в освенцимский крематорий. Не успели… Пан остался жить, дожил до почтенного возраста, трансформировался в писателя и всю долгую жизнь с наслаждением обличал своих спасителей в преступлениях фашистов. Словом, отблагодарил гордый пан русское быдло…

И последнее, что считаю нужным сказать об этом пане. На конференции в министерстве просвещения и пропаганды 17 апреля Геббельс поддержал предложение какого-то Берндта направить в Катынь комиссию из представителей всех европейских наций, которая затем должна будет составить общую декларации. Он подчеркнул, что «яркая антибольшевистская декларация произведет глубокое впечатление». И добавил: «Вообще отовсюду должны быть посланы полуофициальные личности…» Через несколько дней после того, как Геббельс дал это указание, будущего автора «Катыни» привезли на место расстрела поляков. А я сейчас, прочитав творение пана

Мацкевича, могу сказать: с поручением Геббельса он справился на отлично. Конечно, его «Катынь» – это не общая декларация представителей европейских наций, но весомый индивидуальный вклад в антисоветский пропагандистский котел.

На Руси когда-то говорили: столько правды, как в решете воды. Решето-то у мацкевичей есть, даже не одно… Но воду-то они в них удержать никак не могут. К сожалению, очень многие люди, оказавшись в паутине слов, завороженные псевдогуманистическими заклинаниями вольных или невольных гитлеровских пособников, к тому же одураченные многолетними, еще с советских времен, утверждениями о царившем в Советском государстве беззаконии, не замечают этого.

Где убивали поляков?

Но пора посмотреть и на место преступления: говорят, опытному следователю оно о многом может рассказать. Однако, чтобы понять, что весной 1940 года, впрочем, как и в другое довоенное время, в Катынском лесу нельзя было организовать массовый расстрел людей, никакой опыт не требуется, необходимо совсем немножко здравого смысла.

Репортажи с места захоронения польских офицеров неоднократно проходили по различным телевизионным каналам. Они, по-моему, дают о нем ясное представление. Сегодня это достаточно обустроенная территория, но видно, что могилы находятся в лесу, именно в лесу, а не в каком-то подлеске-перелеске. Нетрудно представить, какой глухоманью были эти места в довоенные годы. Читатели этих заметок уже знают из цитированных мною показаний свидетелей, а некоторые, возможно, из других источников, что это далеко не так. Но, убежден, что все, кто не знает, где именно находятся могилы, так и думают: убивали поляков в чащобе, конечно, подальше от людских глаз.

В Сообщении Специальной Комиссии есть описание Катынского леса: «Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало».

Могилы поляков находятся менее чем в двухстах метрах от дороги между двумя областными центрами – Смоленском и Витебском. В семистах метрах от зданий функционировавшего здесь до войны дома отдыха Смоленского УВД. И практически на территории… пионерского лагеря. Да-да, в довоенные годы здесь располагался пионерский лагерь, принадлежавший смоленской областной Промстрахкассе. Место и в те годы было людным, исхоженным.

А теперь представьте, читатели, его в апреле или в мае 1940 года, когда, якобы, сотрудники НКВД расстреливали поляков. От станции Гнездово, что в двух с половиной километрах отсюда, машина за машиной – воронки – везут поляков. В двухстах метрах от шоссе, по которому в обе стороны катят полуторки, трехтонки, крестьянские телеги и, возможно, идут пешеходы, гремят выстрелы. На их звуки наверняка «заглядывают» отдыхающие в доме отдыха смоленские милиционеры, может быть, со своими

женами. А через недельку, когда начались школьные каникулы, на свежевырытых могилах зарезвились детишки. (Кстати, в 1941 году их из лагеря вывезли лишь в июле.) В здравом смысле и не имея желания любой ценой обвинить Советский Союз в убийстве поляков, можно представить такую картину?.. Пустой вопрос…

А вот такую… В конце лета или в начале осени 1941 года немцы принимают решение расстрелять поляков. Где это сделать? В самих лагерях невозможно: офицеры – не бараны, они оказали бы сопротивление. Да и куда девать тысячи трупов? Не проще ли вывезти куда-нибудь живых поляков, но недалеко от лагерей? Конечно, маленькими партиями. И, конечно, в такое место, в котором были бы условия для проживания расстрельной команды: убить-то предстояло несколько тысяч человек – «работенка» не из легких.

Козьи Горы с милицейским домом отдыха отвечали всем требованиям. По показаниям местных жителей, «с захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждающие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра…».

Да, очень удобным стало осенью 1941 года это местечко для черных дел. И пострелять можно было без лишних глаз, и расслабиться от «трудов».

Ничего подобного, говорят свидетели у Ю. Мацкевича, никаких ограничений немцы не устанавливали. Это сотрудники ГПУ установили забор, а территорию охраняли с собаками. Тем не менее, местные жители пролезали под забором, чтобы собирать в лесу грибы и ягоды. Видать, смелыми были – даже собак не боялись, а собаки, напротив, – то ли трусливыми, коль на нарушительниц не гавкали, то ли ручными. Свидетели даже рассказали Ю. Мацкевичу, как часовые насиловали местных девчат, которые пролезали под проволокой, чтобы собирать в лесу ягоды. А об одном эпизоде рассказали с такой подробностью, словно слышали о нем от жертвы или насильника.

Может, в полиции панской Польши и было у часовых за правило насиловать женщин, которые оказывались рядом с их постами. Но представить себе, чтобы часовые НКВД, даже не один, а несколько, могли насиловать девчат из ближайших деревень, – для этого надо иметь очень большую фантазию. А уж допустить, что в те годы такие преступления, тем более

получившие широкую огласку в народе, остались безнаказанными – на это никакой фантазии не хватит. Конечно, если человек понимает, чем была для простых людей в те годы Советская власть.

Поделился с Ю. Мацкевичем своими воспоминаниями о катынском заборе и И. Кривозерцев. Он якобы рассказал, что: «В 1929 году, не помню уж в каком месяце (месяц не запомнил, а год десятилетний мальчуган в памяти все-таки сохранил, отметим эту памятливость гитлеровского пособника – авт.), приехала комиссия ГПУ осмотрела этот лес и забрала его себе. С того времени его огородили проволокой, а со стороны дороги поставили деревянный забор и ворота. А над воротами вывеска: «Запретная зона ГПУ Вход посторонним лицам воспрещается».

Есть упоминание о заборе и в донесении полицейского Фосса. Но тоже со ссылкой на свидетелей. Сам полицейский чиновник ни забора, ни даже следов его не видел. Очевидец Ю. Мацкевич – тоже, иначе бы обязательно рассказал о своих наблюдениях. Куда же исчезло после оккупации Смоленской области немцами это явное свидетельство каких-то темных дел НКВД? Не иначе, как командир какой-то отступающей на восток части Красной Армии, увидев забор с воротами и вывеской, подумал, что его, тем более вывеску, ни в коем случае нельзя оставлять врагу, приказал его выкопать и забрать с собой. Вместе со следами…

Ю. Мацкевич сочинял свою «Катынь» для западного читателя и потому, не боясь разоблачений, писал любую чушь. Он знал: его читатели настолько убеждены в том, что советские люди живут в мире всевозможных ограничений свободы, что поверят ей. А уж существование какого-то забора тем более не может вызвать у них никаких сомнений. Но в русском-то издании поставленный Ю. Мацкевичем в лесу забор был совсем не к месту. Однако в воспаленных от злобы мозгах антисоветчиков, занимавшихся подготовкой книги к изданию на русском языке, такая мысль даже не мелькнула, и они перетащили деревянно-проволочный забор в русское издание. Не озаботившись даже снятием с него вывески «ГПУ». А это ведь разговорная в сороковых годах аббревиатура, такой организации тогда в Советском Союзе уже не существовало…

В 1923 году ВЧК преобразовали в ОГПУ – Объединенное главное политическое управление при Совнаркоме СССР. Но и такой организации к весне 1940 года давно не существовало. ОГПУ было ликвидировано еще в 1934 году. Так что вывеску с аббревиатурой «ГПУ» сотрудники ОГПУ никак не могли повесить ни на каком заборе. Ее повесил И. Кривозерцев, а, может быть, и сам Ю. Мацкевич. Он мог и не знать о расформировании ОГПУ а

на Западе не только до войны, но и некоторое время после ее окончания советский орган государственной безопасности называли «ГеПеУ». Ю. Мацкевич вполне мог считать, что название «ГПУ» сохранялось до образования Министерства государственной безопасности. Но как бы там ни было, потом забор вместе с вывеской стали перетаскивать, как доказательство преступления советской власти, из одной публикации в другую. И нет в этом ничего удивительного: в «демократической» России обличители советской власти освобождены от необходимости задумываться над тем, что говорят и пишут. Подчас – в ущерб собственным интересам.

Все они оказались даже не в состоянии задуматься, что заявление Специальной Комиссии о том, что в Катынский лес перед войной был свободный доступ, поставило бы в глазах тысяч и тысяч людей под сомнение достоверность всего Сообщения. Если бы этот пресловутый забор существовал в действительности! Ведь его бы видели жители всех окрестных деревень. О нем наверняка знали бы их городские родственники, слышали жители и отдаленных деревень. Его видели бы водители и пассажиры проезжавших мимо забора машин. То есть о его существовании знало бы бог весть какое количество людей. На сколько же ртов работникам НКВД требовалось «накинуть платок», чтобы все они все молчали! Л. Берия, говорят, был весьма могущественным человеком. Ну, допустим. Но не до такой же степени, чтобы навеки вечные заставить молчать тысячи и тысячи самых разных людей. Ведь никто из них, а многие наверняка дожили до горбачевской «перестройки», когда разоблачать «злодеяния сталинизма» перестало быть просто безопасным, а стало откровенно выгодным занятием, никак не поспособствовал опровержению выводов Специальной Комиссии.

Кстати, ее члены тоже «не прошли» мимо забора. Они выясняли у местных жителей, существовали ли какие-нибудь ограничения для посещения леса. Нет, в один голос говорили свидетели. И рассказывали, что Козьи Горы были открыты для жителей всех окрестных деревень. А учащийся ремесленного училища связи Е. Устинов, который покинул пионерский лагерь за два дня до начала войны, прямо сказал, что никаких ограждений в лесу не было «и всем доступ в лес и в то место, где впоследствии немцами демонстрировались раскопки, был совершенно свободный».

Фронт холодной войны

Наши союзники по антигитлеровской коалиции начали против нас наступление на фронтах холодной войны, едва стихли залпы Второй мировой. Линия одного из фронтов как раз прошла по Катынскому лесу. Открыли его союзники на… Нюрнбергском суде над нацистскими преступниками. Сделано это было под видом установления истины, когда адвокаты нацистских преступников заявили, что предъявленное советским представителем их подзащитным обвинение не обосновано. И суд голосами западных представителей постановил провести собственное расследование.

Приняв такое решение, суд превысил свои полномочия. С позиций обычного судопроизводства это кажется странным, но Нюрнбергский суд не имел права проводить собственное следствие. Согласно разработанному для него Уставу, статье 21, обвинение считалось доказанным, если его подтверждали надлежащим образом оформленные документы, представленные обвинителями. Столь принципиальное отступление от обычной судебной практики было сделано потому, что нацисты совершили такое огромное множество преступлений, что расследовать их в судебном заседании не имелось никакой возможности. Почему в случае с «катынским эпизодом» судьи, представляющие страны-союзницы, решили отступить от выработанных решений? Уже упоминавшийся профессор Ч. Мадайчик зачем-то рассказал о любопытном факте: оказывается, судья трибунала Роберт Х. Джексон признал в 1952 году, что получил на этот счет соответствующее указание от американского правительства.

А в 1946 году так как трибунал решение принял, советская сторона вынуждена была доказывать свои обвинения. Она вызвала в суд трех свидетелей. Первым давал показания профессор В. Прозоровский. Он ответил на вопрос суда, почему считает, что поляки были убиты осенью 1941 года. Вторым свидетелем стал член Международной комиссии, работавшей в апреле 1943 года в Катыни, болгарский судмедэксперт М. Марков.

Что показал доктор М. Марков, занимавший в 1943 году штатную должность сотрудника кафедры судебной медицины Софийского государственного университета? Вот выдержки из протоколов Нюрнбергского трибунала:

«Смирнов (советский прокурор): Прошу Вас ответить на следующий вопрос: свидетельствовал ли судебно-медицинский осмотр трупов о том, что они находились в земле в течение трех лет?

Марков: По моему мнению, эти трупы находились в земле меньше трех лет. Я считал, что труп, аутопсию которого я проводил, находился в земле около года или полгода.

Смирнов: В практике болгарских судебных органов принято при освидетельствовании трупа составлять по этому поводу судебный медицинский акт, включающий две части: описательную часть и выводы. В составленном Вами протоколе есть заключение или нет?

Марков: Мой протокол состоит из описательной части без заключения.

Смирнов: Почему?

Марков: Потому что, судя по представленным нам документам, я понял, что нам заранее стараются внушить, будто трупы находились в земле три года…

Смирнов: В момент подписания обобщенного протокола было ли совершенно ясно, что убийства в Катыни в любом случае совершены не ранее последней четверти 1941 года и что 1940 год в любом случае исключается?

Марков: Да, мне было ясно, и именно по этой причине я не подписал заключение к протоколу, составленному мною в Катынском лесу».

Постольку по существу его показаний возразить никто и ничего не мог, то их обычным для всех антисоветчиков путем поставили под сомнение. Вот так, как это сделал советский кандидат военных наук Ю. Зоря. (Кстати, один немецкий профессор по фамилии V. Falin в письм ме «лучшему немцу года» выделил этого ученого, хотя и в компании с двумя ему подобными, из массы прочих обличителей «советских злодеяний». На беду Советского Союза, а потом и России, немецкий профессор V. Falin в то время, когда писал письмо, был заведующим Международным отделом ЦК КПСС В. Фалиным, а «лучший немец» занимал высший пост в КПСС.) Так как кандидат наук Ю. Зоря (может, он и доктором наук успел стать перед тем, как ушел в конце 90-х годов в иной мир) хорошо понимал, что в нынешние времена его никто не обяжет доказывать правдивость своих утверждений, то он со спокойной душой написал: «Кое-что Меркулову и Абакумову удалось. Можно полагать, что в результате «подготовки» болгарского свидетеля изменил свои показания профессор Марков». Фраза для ученого мужа весьма безграмотна, но в объяснениях не нуждается. Но по поводу того, что удавалось или не удавалось В. Меркулову с В. Абакумовым, а рассуждения о подготовке ими свидетелей – одна из любимых тем всех «обличителей», мы поговорим чуть позже. Сейчас о самом профессоре.

Впервые свое мнение он высказал ещё до начала Нюрнбергского процесса, в феврале 1945 году в Софии. Ясное дело: это еще тогда В. Меркулов и В. Абакумов постарались! Только вот в чём загвоздка. И в Болгарии народная власть, без содействия которой советскому НКВД вряд ли удалось бы «уломать» болгарского профессора, была установлена несколько позднее допроса свидетелей на Нюрнбергском процесс, буквально за две недели до его окончания. Кстати, даже в 1947 году в Болгарии существовала мощная оппозиция коммунистам, настолько мощная, что руководство Советского Союза некоторые ситуации, там складывавшиеся, рассматривало как кризисные. Да и что помешало бы профессору, находясь в американской зоне оккупации, отказаться от данного В. Меркулову и В. Абакумову обещания свидетельствовать против немцев? Так же, как немецкие власти не могли «достать» М. Маркова в Болгарии, так и советские ничего не могли предпринять против него в Нюрнберге.

Кстати говоря, немцы очень настойчиво добивались от Марко Маркова подписания протокола в полном объеме. Спустя много лет после поездки М. Маркова в Катынь, Георгий Михайлов, бывший в 1943 года ассистентом М. Маркова, вспоминал: «Одна из целей, которую преследовало германское правительство, организуя Международную комиссию в Катыни, состояла в том, чтобы ее участники после возвращения в свои страны выступили с публичными заявлениями о зверствах большевиков. Доктор Марков ничего такого не сделал. На него был оказан нажим, но он упорно отказывался. Затем немцы, уже обнаружившие, что в его протоколе нет заключения, выслали ему этот документ с требованием написать заключение и подписаться под ним. Доктор Марков вернул его, оставив без ответа. Протоколы высылались и возвращались снова. И это повторялось несколько раз. Доктор Марков демонстративно отказывался написать требуемое от него неверное заключение. Неоднократно к нему приходил и сам германский полномочный министр Бекерле. Так дело дошло до открытого столкновения. Доктор Марков заявил ему, что он является болгарским подданным и Бекерле ничего не может ему приказывать.

Его отношения с немцами чрезвычайно обострились…»

И опять: не поддерживает человек версию Геббельса – значит, его заставили, значит, идет против собственной совести… Марко Марков оказался мужественным человеком. Нет, уверяют всякие зори, он – пошедший на поводу у руководителей НКВД трус… Какое, все-таки, у этих зорей представление о совести?.. (Хочу обратить внимание читателей и вот на какое обстоятельство. Все

антисоветчики об угрозах и запугивании людей работниками советских органов внутренних пишут как о чем-то самом собою разумеющемся. Но ведь никто из них не привел ни одного доказанного факта, который можно было использовать в качестве примера хотя бы для аналогии. Ну, например, доказано, что НКВД запугал такого-то болгарского гражданина или такого-то польского гражданина, следовательно, можно предположить, что его сотрудники вполне могли и катынских свидетелей застращать. Нет ни одного подобного факта, что совершенно не мешает нынешним «фанатикам правды» выстраивать из домыслов «доказательства».)

В качестве третьего свидетеля советская сторона представила бывшего заместителя бургомистра Смоленска профессора Б. Базилевского. Лично он, который в Сообщении Специальной Комиссии выглядит скорее жертвой оккупантов, чем их подручным, ничего не видел. Но у него накануне расстрела польских офицеров состоялся разговор со своим шефом – бургомистром Б. Меньшагиным. В. Базилевский обратился к нему с просьбой посодействовать освобождению из лагеря для военнопленных № 126 некоего Жиглинского, педагога по профессии. Чем он приглянулся профессору астрономии, в Сообщении не указывается, но для нас это и неважно. Существенно то, почему бургомистр не выполнил просьбу заместителя, хотя и пытался: он с ней обращался к коменданту Смоленска фон Швецу. Последний отказал бургомистру, объяснив ему, что «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе». Когда бургомистр передал разговор с комендантом своему заместителю, тот удивился: «Что же может быть жестче существующего в лагере режиме?»

«Меньшагин, показывал далее Б. Базилевский на заседании Комиссии, странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков приказано просто уничтожить».

– Как это так! Как это понимать! – воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», – ответил Меньшагин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить.

Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках»? Меньшагин помедлил, а потом все же ответил: «С ними покончено. Фон Швец сказал мне, что

они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

Видя мою растерянность, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

В. Базилевский передал Комиссии содержание своего разговора с сотрудником комендатуры Гиршфельдом, прибалтийским немцем. Он, по сути, изложил В. Базилевскому точку зрения гитлеровского руководства на будущее польского народа. Для нас сегодня рассуждения мелкого военного чиновника из смоленской комендатуры о судьбе польского народа, о том, что неполноценные поляки должны послужить «удобрением почвы» не представляют какой-либо информационной ценности. Но это сегодня, когда опубликованы официальные документы, протоколы различных совещаний, приказы высшего руководства рейха. Когда мы знаем, что свои планы уничтожения польского народа руководство гитлеровской Германии не только обсуждало, но и претворяло в жизнь. Когда мы знаем, что пеплом сожженных в крематориях поляков немцы действительно удобряли поля, что Польша потеряла шесть миллионов человек… Но ведь ни смоленскому бургомистру, ни его заместителю, ни академику Н. Бурденко вместе со всеми другими членами Комиссии, ни сотрудникам НКВД СССР, которые знали больше, чем члены всех существовавших комиссий, и которые, у меня нет сомнений, оказывали помощь Специальной Комиссии, эти планы не были известны.

Однако интеллектуалка М. Чудакова под воздействием крупного шрифта со стилистикой уже не в состоянии задумываться, что в 1943 году не только Б. Базилевский, но и Л. Берия не могли придумать такое доказательство преступления гитлеровцев. Но на других-то разоблачителей «сталинских злодеяний» стилистика Сообщения Специальной Комиссии, кажется, не оказала столь пагубного воздействия. Тем не менее, никто из них не задумался, что рассказ Б. Базилевского хотя и косвенное, но убедительное свидетельство правдивости выводов Комиссии Н. Бурденко. Хотя кто их знает, может быть, и задумывались? Впрочем, не сомневаюсь, что мало кто из этих неутомимых антисоветчиков и русофобов читал когда-либо Сообщение Комиссии. Зачем оно им?.. (Я уже достаточно много цитировал отрывков из Сообщения и, надеюсь, читатели смогли получить представления и о стилистике отчета, и о его

содержании).

Адвокаты гитлеровской версии обычно представляют Б. Базилевского послушным рупором НКВД. Ю. Зоре дискредитировать самому такого свидетеля, вероятно, показалось недостаточным. И он нашел, – думаю, ему это именно так представлялось, – куда более эффектный ход. Он «выставил» свидетелем защиты немецкой версии самого бургомистра!

Когда-то этому пособнику фашистов по совокупности его заслуг перед оккупантами дали 25 лет. (Профессиональная разоблачительница «сталинских злодеяний» Н. Горбаневская, которая, кстати, помогала переводчику «Катыни» Ю. Мацкевича перетаскивать поставленный паном писателем забор вокруг Катынского леса в русское издание, уважительно величая немецкого прихвостня по имени-отчеству, уверяет, что такой большой срок ему дали, чтобы он не мог рассказать правду о Катыни. Интересно, как она объяснила бы, почему его не расстреляли? Могила-то понадежней тюрьмы: оттуда и через 25 лет ничего не расскажешь.) В годы войны Б. Меньшагин был уже не молод, ему перевалило за сорок, но до торжества клеветы своих бывших хозяев не дожил немного, он умер в 1984 году. А в начале 70-х годов надиктовал книжку «Воспоминаний», которая вышла в Париже в 1988 году. И, конечно, заявил, что ничего подобного он своему заместителю не говорил.

В собственных интересах Ю. Зоре следовало бы лишь констатировать утверждение бывшего смоленского бургомистра и на этом остановиться. Но кандидат наук, вероятно, посчитал, что даже для самых доверчивых читателей, даже для таких, которые и слышать не хотят ничего, кроме обвинений Советского Союза, простая ссылка на Б. Меньшагина – малоубедительный аргумент. И он, видимо, в надежде на то, что прямая речь бывшего бургомистра будет восприниматься более убедительно, даёт ему слово.

Надо отметить, что Б. Меньшагин сначала сидел в смоленской тюрьме, а затем его перевезли в Москву, во внутреннюю тюрьму НКВД – явный признак того, что показаниям бургомистра придавали большое значение. И вот что он вспомнил о допросах: «Ведь все следователи задавали мне вопрос, что мне известно о Катынском деле? Я им говорил то же, что я сказал сейчас в начале беседы. А на вопрос: кто убил – отвечал, что я не знаю. Они мне говорили: «Мы к этому ещё вернемся и тогда запишем ваши показания». «Но, добавляет Б. Меньшагин, несмотря на то, что я просидел там в качестве подследственного шесть лет, даже более шести, допроса о катынском убийстве у меня так и не состоялось».

Если бы Ю. Зоря не так сильно жаждал уличить свою Родину в преступлении нацистов, то он бы задался вопросом, который в данной ситуации просто напрашивается: зачем **всем** следователям задавать Б. Меньшагину вопросы о Катыни? Положим, смоленские следователи исходили из выводов Специальной Комиссии, не сомневались в том, что поляков расстреляли немцы, и хотели получить в доказательство этого от бургомистра какие-либо дополнительные свидетельские показания. Но в самом НКВД зачем добиваться от него показаний по этому делу, если он сам организовал расстрел поляков? Или надеялись заставить Б. Меньшагина дать показания против недавних хозяев? Совсем не похоже…

Тем не менее, показания, которые, по крайней мере, не свидетельствуют в пользу его бывших «работодателей», Б. Меньшагин дал. Добровольно. Правда, значительно позже, в апреле 1970 года. А сказал он о расстреле поляков так, как только и мог сказать русский, находившийся на службе оккупантов, но не посвященный ими в детали убийства. Тогда, в апреле 1970 года, он давал во Владимирском областном суде показания в качестве свидетеля по делу украинского националиста С. Каравинского. Бывший бандеровец попытался передать из тюрьмы для дальнейшей пересылки на Запад 69 листов папиросной бумаги. Среди других записей на них обнаружили «Прошение» Б. Меньшагина, адресованное в Международный Красный Крест и правительствам многих иностранных государств. В этом «Прошении» утверждалось, что польских военнопленных расстреляли советские чекисты, а самого его, Б. Меньшагина, посадили в тюрьму не за измену Родине, а как «местного жителя, который стал свидетелем уничтожения польских офицеров представителями советских органов». (Мадам Горбаневская и по этому делу успела отметиться. В обзорном материале «Катынь в Русском Интернете», эта дама, не боясь гнева божьего, утверждает, что бандеровцу дали дополнительный срок за то, что он «пытался во Владимирской тюрьме добраться до Меньшагина и доведаться о Катыни». Ну, гнева божьего она не боится, как и все другие подельники доктора Геббельса, и в этом нет ничего удивительного: их боги – антисоветизм и русофобия – безо лжи давно бы ушли в небытие. Но их совершенно не смущает и возможность людского разоблачения! В своем обзоре Н. Горбаневская упоминает «Воспоминания» Б. Меньшагина, электронная версия которого вывешена на сайте Сахаровского центра. Но на этом же сайте вывешен приговор Владимирского областного суда по делу С. Каравинского. То есть убедиться в том, что дама лжет – это буквально минутное дело.

Н. Горбаневская не может не понимать, что ее легко разоблачить любому пользователю Интернета, и тем не менее сочиняет очередную антисоветскую сказочку… Я все-таки не способен понимать этих «правозащитников».)

Б. Меньшагин показал на допросе в суде, что «связи с Каравинским не поддерживал», что «никаких заявлений по «Катынскому делу» Каравинскому писать не поручал». А затем он сделал заявление, которое никак не влияло на решение суда по рассматривавшемуся делу, и делать которое ему не было необходимости. Он сказал, что «ему, как бургомистру, обстоятельства уничтожения польских офицеров неизвестны. Однако он убежден, что польские военнопленные были расстреляны немецкими фашистами».

Убежденность, как говорится, к делу не подошьешь, она не доказывает факт расстрела поляков немцами. Но на чем-то уверенность Б. Меньшагина была основана? Не на той ли информации, что он получил от фон Швеца? Я хочу обратить внимание читателей на это его заявление на заседании Владимирского суда. Он сказал, что ему неизвестны «обстоятельства уничтожения польских офицеров». И сказал, вне всякого для меня сомнения, правду. Из русских об «обстоятельствах» знали лишь три женщины, работавшие на даче в Катыни осенью 1941 года. Да и то далеко не обо всех. Но Б. Меньшагин во Владимирском суде не стал повторятьто, что он, как позже написал в «Воспоминаниях», говорил на допросах следователям, то есть, что он не знает, кто расстрелял поляков. Почему? Возможно, к тому времени, когда во Владимирском суде слушалось дело С. Каравинского, Б. Меньшагин знал, что следствие располагает неопровержимыми данными о его некоторой осведомленности о расстреле польских офицеров? Впрочем, в системе доказательств убийства поляков немцами причины пересмотра своей старой позиции и осторожного высказывания бывшим бургомистром своего мнения не имеют значения. Важно то, что он еще осенью 1941 года оставил письменное доказательство преступления немцев – в виде уже упоминавшегося мною рабочего блокнота.

Однако ни один зоря даже не обмолвился о мнении бывшего бургомистра, которое он высказал на суде. Ладно, допустим, не знали. Но о блокноте бургомистра упоминается и в Сообщении Специальной Комиссии. Рядовые обличители сталинского руководства, я уже высказывал эту мысль, вряд ли утруждали себя чтением этого документа. Но в среде кандидатов и докторов наук, полагаю, с ним знакома не только интеллектуалка и к тому же литературовед и публицист М. Чудакова. Но, как и все, что не

ложится в «линию» гитлеровского министра пропаганды, и этот факт обличители «советских зверств» в упор не видят. Разве это не показательно?

В «Воспоминаниях» Б. Меньшагин мельком называет одну цифру, которая подтверждает, что немцы в Смоленске выполнили указания министра пропаганды и подготовились к посещению Катыни иностранными делегациями. И цифра в системе доказательств расстрела поляков немцами очень важная.

Члены созданной немцами Международной комиссии прибыли в Катынь в последних числах апреля. Члены польской Технической комиссии приехали туда раньше, а три ее члена еще раньше. Из их отчета, из книги Ю. Мацкевича, из многочисленных публикаций на эту тему в российских средствах массовой информации можно сделать совершенно определенный вывод: извлечение тел из могил происходило в присутствии поляков. Отсюда многие читатели должны сделать вывод о том, что немцы, обнаружив могилы, их не трогали и, следовательно, никакой фальсификацией заниматься не могли.

Однако могилы были вскрыты, выше об этом говорилось, еще до приезда первых польских делегаций. Из них было извлечено, как утверждают все документы и почти все авторы всевозможных публикаций, около тысячи трупов.

А вот о чем рассказал Ю. Меньшагин. 17 апреля специалист по пропаганде зондерфюрер Шулле пригласил его съездить на место расстрела. Поехали на следующий день. В лесу бургомистр и его спутники увидели, как «из могил русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались.

А по краям лежали трупы. Ну, число трупов было около пяти-шести с половиной тысяч». Пять тысяч или даже шесть с половиной тысяч трупов! А члены Международной комиссии экспертов сообщают, что к 30 апреля было эксгумировано всего 982 тела. Но если во время осмотра могил Международной комиссии из них было извлечено 982 трупа, а, скорее всего, и меньше, так как эксгумация наверняка продолжалась и во время пребывания судебно-медицинских экспертов в Катыни, то что следует из рассказа Ю. Меньшагина? Да только то, что немцы перед их приездом вновь уложили трупы в могилы. В таком случае напрашивается вопрос: зачем немцам потребовались такие манипуляции с телами убитых? Да только, конечно, для того, чтобы при раскопках кто-нибудь, вроде членов Международной комиссии или польской Технической комиссии, не мог «натолкнуться» на что-нибудь, не соответствующее «немецкой линии».

Да, картина, нарисованная Ю. Меньшагиным, весьма

отличается от той, что складывается при чтении документа, написанного доктором Бутцем, или «Катыни» Ю. Мацкевича. Чем это объяснить? Может быть, бывший смоленский бургомистр по каким-то одному ему ведомым причинам вздумал на старости лет поддержать выводы комиссии Н. Бурденко? Боюсь, что такое предположение сильно разгневает г-жу Горбаневскую, и она обвинит меня в клевете на честного антисоветчика Б. Меньшагина. И будет абсолютно права. Его «Воспоминания», в которых есть несколько эпизодов, которые никак не соответствуют правилам антисоветской пропаганды, в целом не дают никаких оснований думать, что Ю. Меньшагин за 25 лет пребывания во владимирской тюрьме превратился из фашистского пособника в лояльного советской власти гражданина. Просто Ю. Меньшагин, рассказывая о давно ушедших годах, вспомнил один-другой из запомнившихся ему эпизодов своей жизни, их записали на пленку. Потом они вошли в книгу. И только. Так что никаких оснований сомневаться в рассказе Б. Меньшагина нет. Усомниться можно в достоверности рассказа членов польской Технической комиссии, по утверждению которых немцы никак не препятствовали их работе…

Однако, пожалуй, пора вспомнить и о болгарском профессоре, которого к выступлению на Нюрнбергском процессе «успели подготовить» В. Меркулов и В. Абакумов, как пишет Ю. Зоря. (Между прочим, поддерживать советское обвинение в этой части должен был помощник советского обвинителя Н. Зоря, отец будущего ниспровергателя этих обвинений. Но за несколько дней до начала слушаний по этому вопросу Н. Зоря был найден мертвым в своем номере. Следствие пришло к выводу, что смерть стала результатом «неосторожного обращения с оружием». Нет, утверждает сын, отца убили. Возможно. Вряд ли в той обстановке можно было провести всестороннее, глубокое расследование. А злобные польские антисоветчики, весьма заинтересованные в устранении компетентного, а, скорее всего, даже единственного в группе наших обвинителей человека, который досконально знал вопрос, вполне могли организовать убийство. Нет, нет, утверждает сын, его убили по приказу Берии… Надо понимать так, что папа кандидата наук только прикидывался советским человеком. На самом деле он был тайным врагом советского государства. И на Нюрнбергском процессе намеревался разоблачить преступление Советов. Берия прознал о тайных намерениях Н. Зори и приказал его убить… Но, как утверждает П. Судоплатов, а он в данном случае хорошо знает, о чем говорит, так как лично занимался тайными операциями: «Берия же в 1945–

1953 годах не имел к этим делам никакого отношения и даже не знал о них». Впрочем, для того, чтобы не обвинять Л. Берию в этом преступление, достаточно знать его биографию: с 1945 года он не занимался делами государственной безопасности. Можно ли от такого исследователя, как Ю. Зоря, ждать объективных выводов, пусть читатели решат сами.)

Итак, как уверяет Ю. Зоря, гражданина иностранного государства, который к тому же в Нюрнберге, как и чех Ф. Гаек, мог укрыться за спинами американцев, получается, можно было заставить дать ложные показания. А гражданина собственной страны, который, между прочим, добровольно сдался советским властям, который и в Нюрнберге находился бы под охраной советских солдат, «подготовить» было нельзя? Скорее наоборот. Однако Б. Меньшагин сказал, что ничего не знает, и его оставили в покое. Такая вот «подготовка»…

Но я немного ушел в сторону от зала судебного заседания. А там после свидетелей обвинения появились и свидетели защиты. И среди них не кто-нибудь, а сам оберстлейтенант Арнес. Правда, оказалось, что русские женщины, обслуживавшие немцев на даче Смоленского управления НКВД в Катынском лесу, несколько перепутали: Арнес оказался Аренсом. Он заявил суду, что в Катыни осенью 1941 года стоял не строительный батальон, а полк связи. И что он, Аренс, ничего о расстреле не знает, он вообще приступил к исполнению служебных обязанностей лишь в ноябре 1941 года.

Заслушав свидетелей защиты, трибунал не получил никаких доказательств непричастности немцев к расстрелу поляков. Ведь утверждение подполковника Аренса, что он не мог руководить расстрелом, не являлось ни подтверждением, ни опровержением лживой байки Геббельса. Суд оказался перед необходимостью искать документы этой воинской части, искать ее офицеров, хотя бы названных женщинами, солдат, делать очные ставки, выяснять массу деталей, связанных с заявлениями советских обвинителей и защитников подсудимых. Иначе говоря, суд должен был начать по существу предварительное следствие. Что было просто немыслимо. И трибунал голосами членов суда, представлявших союзников, постановил изъять «Катынское дело» из обвинения. На этом решении суда все последующие годы много спекулировали. И при этом, я бы сказал так, бессовестно жульничали. Ч. Мадайчик в статье «Катынь», опубликованной в 1996 году в книге Российского государственного гуманитарного университета «Другая война. 1939–1945 годы» утверждал: «Советский прокурор… вынужден был закрыть дело, так как свидетели защиты опровергли все представленные обвинения». Если пан

Мадайчик защищает правое дело, то зачем лжет: ведь советский прокурор ничего не закрывал, а свидетели ничего не опровергли – они лишь утверждали, что было так-то? И только.

Не прошел мимо допроса Аренса и кандидат наук Ю. Зоря. Он без смущения написал, что «допрошенный в качестве свидетеля Аренс, командир части 537, «тот самый, который, согласно советской версии, руководил карательным отрядом, расстрелявшим польских военнопленных… доказал, что летом он вообще не командовал 537-й частью…». Ю. Зоре вторят и другие единомышленники: доказал Аренс, доказал… Ничего он не доказал, он показал, заявил, утверждал, сказал… Ведь Арене ни чем не подтвердил свое заявление.

Следующую серьезную попытку оклеветать Советский Союз бывшие союзники предприняли в 1951 году. Тогда американский конгресс создал специальную комиссию по вопросам Катыни. На следующий год госдепартамент обратился к советскому послу с «пожеланием» получить от Советского правительства какие-либо доказательства по поводу расстрела поляков. Москва отреагировала на выходку американцев решительно и определенно. В ноте правительству США от 29 февраля 1952 года Советское правительство расценило «пожелание» как попытку «оклеветать Советский Союз и реабилитировать таким образом общепризнанных гитлеровских преступников». Тогда, в 1952 году, осудило провокацию американцев и правительство Польши.

Попытки очернить Советский Союз предпринимались все последующие десятилетия. В этой кампании особое место занимает публикация в 1957 году западногерманской газетой «Зибен Таге» так называемого «Рапорта Тартакова» – донесения начальника Минского областного управления НКВД о ликвидации трех лагерей. Сегодня ту публикацию называют следствием добросовестного заблуждения сотрудников редакции. Оказалось, что «рапорт» – фальшивка, вроде даже гитлеровская, состряпанная еще в 1943 году. Допустим, в редакции искренне верили, что печатают подлинный советский документ. Однако после того, как стало известно, что «рапорт» изготовлен немцами – я не знаю, когда именно стало это известно, но ясно, что ни год и ни два назад, но даже, если и год, – можно было задаться вопросом, с какой целью немцы это сделали? И, ответив на него, критически посмотреть на другие «доказательства»? Не только можно, сторонники геббельсовской версии обязаны были это сделать. При условии, конечно, что они хотят установить истину. Разумеется, никакого урока никто из публикации той фальшивки извлекать не стал. Больше того, этот уличающий фальсификаторов документ пытаются представить просто чей-то

шуткой.

Вероятно, в конце 1970 года была задумана крупномасштабная провокация. На 19 апреля 1971 года антисоветчики наметили провести в Лондоне, как сейчас говорят, презентацию книги «Катынь – беспрецедентное преступление». На этот же день Би-Би-Си запланировала показ «документального» фильма о расстреле поляков. Министр иностранных дел СССР А. Громыко обратился в ЦК КПСС с предложением сделать МИД Англии представление «в связи с этой враждебной Советскому Союзу кампанией». Советский посол посетил английское министерство иностранных дел и от имени посольства выразил удивление и возмущение стремлением «некоторых кругов в Англии вновь вытащить на свет инсинуации геббельсовской пропаганды с тем, чтобы очернить Советский Союз, народ которого своей пролитой кровью спас Европу от фашистского порабощения.

Посольство ожидает, что Министерство иностранных дел и по делам Содружества примет надлежащие меры к недопущению распространения в Англии упомянутых выше клеветнических материалов, рассчитанных, по замыслу их авторов, на то, чтобы вызвать ухудшение отношений между нашими странами».

Конечно, антисоветчики не унялись. На следующий год в Англии начался сбор средств на строительство памятника «жертвам Катыни» в лондонском районе Кенсингтон-Челси. 8 сентября 1972 года Политбюро ЦК КПСС приняло решение поручить МИД СССР сделать устное представление английскому посольству в Москве. В нем говорилось, что «антисоветская кампания вокруг затеи с «памятником» не может не вызвать законных чувств глубокого возмущения». МИД СССР вновь выразил «надежду, что английское правительство примет все надлежащие меры со своей стороны для противодействия этой провокационной акции, которая может лишь причинить ущерб советско-английским отношениям».

И вновь английское правительство проигнорировало обращение Советского правительства. Власти района Кенсингтон-Челси одобрили проект памятника с надписью, возлагающей на Советский Союз ответственность за гибель 14500 польских военнопленных в Катыни и других местах. В связи с этим советский посол еще раз посетил МИД Англии и заявил, что позиция английского правительства «в этом вопросе находится в явном противоречии с его заверениями о стремлении улучшать отношения с Советским Союзом». Посол опять выразил надежду на то, что английское правительство примет «надлежащие меры, чтобы положить конец этой враждебной Советскому Союзу

кампании…» Как бы не так!.. Призывы Советского правительства, конечно, не принимались во внимание.

А месяца за полтора до этого представления, в июле, государственная радиостанция Би-Би-Си сообщила, что правительство Англии располагает документами, подтверждающими, что «вина за преступление в Катынском лесу лежит не на фашистской Германии, а на Советском Союзе». В июне 1975 года в здании английского парламента состоялась пресс-конференция. Ее организаторы призвали Международный суд в Гааге «разобраться в этом деле». А лондонская газета «Дейли телеграф» сообщила, что появился еще один «документ, проливающий новый свет на судьбу более 10 тысяч поляков, которые, как полагают, были казнены русской тайной полицией». Сообщив эту приятную для всех антисоветчиков новость, сам документ газета, конечно, не опубликовала, но радиостанция «Свободная Европа» в передачах на Польшу тут же стала «раскручивать» газетное сообщение. Католические священники в самой Польше немедленно подхватили эту тему, и хотя осторожно, но достаточно внятно стали говорить в проповедях о 10 тысячах безвинно уничтоженных лучших представителях польского общества. Чуть позже, в ноябре, на частном владении в шведской столице по инициативе польских эмигрантов был открыт памятник «жертвам Катыни».

В конце марта 1976 года Международный отдел ЦК КПСС, Министерство иностранных дел СССР, Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР направили в ЦК КПСС письмо, которое подписали Ю. Андропов, В. Кузнецов и К. Катушев. Учитывая, что «центры идеологической диверсии, особенно крупные западные радиостанции, весьма часто начали возвращаться к так называемому «Катынскому делу» в известной геббельсовской интерпретации», авторы предложили и с советской стороны принять соответствующие меры. Они были намечены в постановлении Политбюро ЦК КПСС, принятом 5 апреля. Постановление предусматривало консультации с польскими друзьями по противодействию и нейтрализации антисоциалистических и антисоветских акций и кампаний. Министерству иностранных дел поручалось в тесном контакте с дипломатическими представителями ПНР давать решительный отпор провокациям. Интересен четвертый пункт Постановления, – я процитирую его полностью, так как думаю, что и читателям он будет небезынтересен – в котором говорилось: «КГБ СССР по неофициальным каналам дать понять лицам из правительственных кругов соответствующих западных стран, что новое использование различного рода антисоветских фальшивок

рассматривается Советским правительством как специально задуманная провокация, направленная на ухудшение международной обстановки».

Да, в те годы руководство государства не давало спуска негодяям.

В советском тылу Катынского фронта

Теперь это общеизвестный факт: холодная война против Советского Союза самым активным образом велась в наших тылах – в партийных и государственных органах, в средствах массовой информации, в учреждениях культуры, везде, где капиталистический мир мог проводить против нас политические, экономические, идеологические диверсии. «Катынский фронт» оказался очень важным участком этой войны в последние ее годы, когда предательство гражданами СССР интересов своей родины приняло невиданные в мировой истории масштабы.

Однако истина требует сказать, что «лучший немец» М. Горбачев активную роль в поддержке геббельсовской версии не играл. Хотя его к этому настойчиво подталкивали. Особенно будущий немецкий профессор V. Falin. Как можно судить по опубликованным документам, вначале в Политбюро ЦК КПСС обсуждались лишь вопросы благоустройства территории, посещения кладбища поляками, о проведении консультаций с польской стороной. Но уже с начала 1989 года в этих документах стали звучать новые нотки. Слабые, но отчетливые.

Кажется, первый раз они проявились в докладной записке заведующего Международным отделом В. Фалина в ЦК КПСС «О намерении Польской Стороны перенести в Варшаву символический прах из захоронений польских офицеров в Катыни (Смоленская обл.)». В ней В. Фалин вроде бы лишь констатирует ситуацию, которая к этому времени сложилась в советско-польских отношениях из-за «катынского дела». И хотя в записке нет выражений типа «вызывает беспокойство», обеспокоенность автора тем, что затягивается развязка «такого рода болезненных узлов», просматривается легко. Вроде бы естественное беспокойство: товарищу по должности положено его проявлять. Вот только выводы Специальной Комиссии он называет **нашей официальной версией.** Мол, есть версия, выдвинутая академиком Бурденко, а есть и версия, предложенная доктором Геббельсом. А у поляков, к тому же, имеются и «свидетельства необоснованности аргументации, использованной Чрезвычайной комиссией Н. Бурденко в опубликованном в 1944 г. докладе». Намек на то, как следует «развязывать», прозрачен, однако от каких-то конкретных предложений будущий немецкий профессор пока воздерживается.

Через две недели В. Фалин опять обращается в ЦК КПСС с

докладной запиской, но на сей раз в компании с Э. Шеварднадзе и В. Крючковым. Они пишут, что в последнее время в Польше «центр внимании приковывается к Катыни. В серии публикаций, авторами которых выступают как деятели, известные своими оппозиционными взглядами, так и ученые и публицисты, близкие к польскому руководству, открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 года.

В заявлении уполномоченного польского правительства по печати Е. Урбана эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей. Правда, вина за катынское преступление возложена на «сталинское НКВД», а не на Советское государство.

Что же предлагает теперь, всего через две недели, если быть совсем точным, через 16 дней, шеф Международного отдела ЦК КПСС в соавторстве с главными защитниками интересов страны внутри и за её пределами? «Видимо, нам не избежать объяснения с руководством ПНР и польской общественностью по трагическим делам прошлого», пишут авторы. Но разве мы не объяснялись с польской общественностью и с любой другой? Объяснялись, но, оказывается, не так. «Возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся, и на этом закрыть вопрос». Авторы не осмеливаются прямо сказать, что Советский Союз должен признать свою ответственность за расстрел поляков. Однако трактовать как-то иначе это предложение невозможно. Только почему Советский Союз должен признать преступление гитлеровцев своим? Что, где-то в архивах обнаружились документы, неоспоримо свидетельствующие о вине советских властей за гибель поляков? Тогда, как бы морально это ни было тяжело для авторов докладной записки, они просто обязаны были сделать такое предложение. Нет, предлагая взять на себя вину за расстрел поляков, пойти на такой шаг, который приведет к тяжелым для СССР последствиям, авторы не располагали какими-либо новыми фактами. О чем и пишут – правда, не прямо а, как в том анекдоте, где врач удаляет гланды через прямую кишку – в этой же докладной: «Советская часть Комиссии (имеется в виду комиссия советских и польских ученых) не располагает никакими дополнительными материалами в доказательство «версии Бурденко», выдвинутой в 1944 году».

В последний мартовский день 1989 года Политбюро ЦК КПСС обсудило вопрос о Катыни. Любопытно, как сформулирован первый пункт постановления, в котором речь идет о поручениях Прокуратуре СССР, Комитету государственной безопасности

СССР, Министерству иностранных дел СССР, Государственно-правовому, Международному и Идеологическому отделам ЦК КПСС. Им в месячный срок поручалось «представить на рассмотрение ЦК КПСС предложения о дальнейшей советской линии по катынскому делу». Сам Эзоп позавидовал бы такому языку. (А меня занимает в-общем-то пустячный вопрос: знали или нет члены Политбюро, что Геббельс тоже толковал о «линии»?)

Но все, кому давалось поручение, хорошо поняли, что от них требуется, и в месячный срок, даже досрочно, 22 апреля (день рождения В. И. Ленина так отметили, что ли?) представили свои соображения. В новой докладной записке предлагалось то, что действительно необходимо было в сложившейся ситуации сделать: провести тщательную проверку. Из опубликованных документов не ясно, было ли принято соответствующее постановление, но проверка началась. Об этом свидетельствует письмо Генерального прокурора СССР Н. Трубина в Аппарат Президента СССР.

О чем же информировала Прокуратура Союза Аппарат Президента? О том, что «Главной военной прокуратурой по указанию Генерального прокурора СССР и в соответствии с распоряжением Президента СССР расследуется уголовное дело о судьбе 15 тысяч польских военнопленных из числа высшего командного состава, офицеров и других лиц, содержавшихся в 1939–1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД… и в течение апреля-мая 1940 года отправленных в УНКВД соответственно Смоленской, Харьковской и Калининской областей…

В ходе следствия проверены все архивные учреждения Главного архивного управления СССР, запрошены соответствующие архивные подразделения КГБ и МВД СССР. Установлены и допрошены бывшие работники НКВД СССР… разысканы и дали показания очевидцы трагической судьбы польских военнопленных».

Что же дала проверка всех архивов, розыск и допрос должностных лиц, и даже очевидцев трагической судьбы поляков? Вот что пишет о результатах расследования сам Генеральный прокурор: «Установлено, что в соответствии с директивным письмом Наркома внутренних дел СССР Берия № 5866/5 от 31 декабря 1939 года в адрес начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР и соответствующим УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей, было предписано обеспечить работу следственной группы НКВД СССР, возглавляемую лейтенантом госбезопасности Белолипецким, с тем, чтобы подготовить следственные дела на военнопленных для

доклада на Особом совещание НКВД СССР (прошу обратить внимание читателей на то, где предполагалось рассматривать дела военнопленных – **на Особом совещании – авт.).** В исследованных архивных документах обнаружены списки военнопленных, которых партиями в течение апреля-мая 1940 года отправляли одновременно из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей в распоряжение УНКВД соответственно Смоленской, Харьковской и Калининской областей.

Собранные материалы свидетельствуют, что военнопленные отправлялись конвойными подразделениями Главного конвойного управления НКВД СССР железнодорожным транспортом по 90 – 100–125 человек соответственно по 2–3 вагона с 3 апреля по 10 мая 1940 года.

Следствие по делу продолжается».

Итак, следователи выяснили: 1) дела на военнопленных должно было рассмотреть Особое совещание, 2) из лагерей, подведомственных Управлению по делам военнопленных, поляков перевезли в какие-то лагеря, подведомственные областным управления НКВД, и 3) перевозили поляков до середины мая 1940 года (а этому факту огромное значение придают все адвокаты Геббельса). Словом, никаких доказательств расстрела поляков сотрудниками НКВД не найдено (дата окончания перевозок из одних лагерей в другие, как бы не тужились геббельсовские адепты, доказательством служить никак не может).

Письмо Генерального прокурора Н. Трубина датировано 17-м мая 1991 года. Но еще за девять месяцев до него В. Фалин опять предложил М. Горбачеву «определиться». Секретное письмо начинается словами «Уважаемый Михаил Сергеевич!», а заканчивается уверением «Ваш Фалин». Чего же хотел «его» Фалин от неуважаемого к этому времени миллионами советских людей Горбачева? Для начала он пугает «уважаемого» тем, что «Рядом советских историков (Зоря Ю. Н., Парсаданова В. С, Лебедева Н. С), допущенных к фондам Особого архива Центрального Государственного архива Главного архивного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции, выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР военнопленных и интернированных и Управления конвойных войск НКВД за 1939–1940 годы, имеющие отношение к т. н. катынскому делу». И приводит уже известные читателям из письма Н. Трубина сведения. И никаких других!

Вывалив на голову генсека не имеющие принципиального значения для выводов факты, В. Фалин тут же утверждает: «Таким

образом, документы из советских архивов позволяют даже в отсутствие приказов об их расстреле и захоронении проследить судьбу интернированных польских офицеров… Выборочное пофамильное сопоставление списков на отправку из Козельского лагеря и списков опознания, составленных немцами весной 1943 года во время эксгумации, показало наличие прямых совпадений, что является доказательством взаимосвязи наступивших событий.» Доказательством взаимосвязи эти совпадения, бесспорно, являются. Так же, например, как есть связь между тем, что В. Фалин был высокопоставленным государственным и партийным функционером в СССР, а потом стал немецким профессором. Не занимал бы высокие посты, вряд ли его пригласили бы занять «хлебную» профессорскую кафедру. Останься поляки в Козельском лагере, их судьба могла сложиться как-то иначе.

Гибель военнопленных из Козельского лагеря под Смоленском вовсе не указывает – это даже доказывать неловко – на виновников их расстрела. Учитывая, что немцы заявили об обнаружение могил в 1943 году, то формально подозревать можно как самих немцев, так и сотрудников НКВД. Это так очевидно, что напрашиваются вопросы: неужто у столь высокопоставленного работника ЦК КПСС не хватило ума понять простую истину? Тогда, конечно, в его необоснованном выводе не было злого умысла, и он, как говорят юристы, лишь добросовестно заблуждался? В противном случае не остается ничего другого, как предположить, что «уважаемого Михаила Сергеевича» заведующий Международным отделом ЦК КПСС считал таким дураком, которому можно «впарить» любую чушь. Но ведь это означает, что будущий немецкий профессор вполне сознательно подталкивал руководителя партии к признанию за СССР преступления фашистских извергов! По правде говоря, жутковато от таких мыслей…

В судьбе поляков, даже в интерпретации В. Фалина, есть большой пробел, он бьёт в глаза: ведь по-прежнему ничего не известно о том, что делали поляки или что с ними делали после того, как посадили в вагоны? Вопрос – кто убил поляков? – несмотря на разъяснения В. Фалина в его «меморандуме», остается без ответа. Тем не менее, он предлагает Горбачеву: «Сообщить В. Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ нами не найдено прямых свидетельств (приказов, распоряжений и т. д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников катынской трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных, а также Управления

конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н. Бурденко». На основании означенных индиций можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни дело рук НКВД и персонально Берия и Меркулова».

Прочитав об «означенных индициях» я сразу вспомнил Фиму Собак, домашнего скорняка Эллочки Щукиной. Как сообщили нам И. Ильф и Е. Петров, мадмуазель Собак была, несомненно, культурной девушкой. Ей было известно одно такое слово, которое Эллочке не могло даже присниться. Но «индиции», вне всякого сомнения, не могли присниться и самой Фимочке. Да что там какому-то домашнему скорняку из двадцатых годов прошлого века! Очень быстро я выяснил, что «индиции» не снились и весьма образованным профессорам-обществоведам XXI века. Не оказалось «индиций» и в нескольких словарях русского языка и иностранных слов. Вот слово «индикт» встречалось почти во всех словарях, а означенные будущим немецким профессором «индиции» – ни в одном. Однако не даром говорится: кто ищет, тот найдет. Обнаружил я их случайно в толковом словаре болгарского языка.

Зачем же В. Фалин в записке, написанной на нормальном русском языке, использовал исключительно редко употребляемое слово? Хотел продемонстрировать М. Горбачеву свою эрудицию? Нет, воспользовался он им не для того, чтобы показать М. Горбачеву, который и русский язык знает плохо, свою ученость. В. Фалин наверняка был уверен, что выпускник юридического факультета МГУ М. Горбачев его поймет. Индиции – юридический термин, означающий указание, в данном случае – на наличие доказательств нашего преступления. Так что В. Фалин этими «индициями» тонко подвел правовую основу для обвинений советского руководства в преступлении. Доказательств нет, но указания на то, что они существуют, есть. Так чего же тогда не поддержать доктора Гебельса!

Не только В. Фалину, Ю. Зоре, очень многим гражданам Советского Союза хотелось взвалить на свою Родину ответственность за смерть поляков. А как усердствовали прокуроры из Главной военной прокуратуры! Без преувеличения, из кожи вон лезли! И жаловались 3 сентября 1991 года «уважаемому Михаилу Сергеевичу», что «19 августа с. г. соответствующие должностные лица УКГБ по Тверской области оказали определенное негативное воздействие и давление на совместную советско-польскую следственную и экспертную группу». Но первый заместитель Главного военного прокурора генерал-лейтенант юстиции Заика Л. М. и заместитель Главного

военного прокурора генерал-майор юстиции Фролов В. С, ну и подписанты, естественно, «проявили решительность, верность долгу и закону». За что, сообщают они М. Горбачеву, удостоились благодарности от польских должностных лиц и даже от Полевого бискупа Войска Польского генерала бригады С. Лешека Глудзя. Да что там благодарность какого-то попа, хоть и с лампасами! Сам папа римский Иоанн Павел выразил свое особое удовлетворение проделанной военными прокурорами работой. Вон какой чести сподобились! Так что, «уважаемый Михаил Сергеевич», вы уж в случае чего, не допустите «неправильной оценки деятельности тт. Заики и Фролова В. С. на занимаемых должностях». Старший помощник Генерального прокурора А. Розанов обнадежил: учтем старание генералов от юстиции, случись какая реорганизация – найдем им должностишки по заслугам. Любопытно, ответил за президента Советского Союза помощник прокурора, пусть и старший. Но заканчивался ноябрь 1991 года… Гибла на глазах и не без стараний военных прокуроров страна, хотя, может быть, мысль о том, что они участвуют в ее уничтожении, прокурорские головки и не посещала.

Загадки «Особой папки»

В последние годы документы из Особой папки стали своего рода козырными картами, а правильнее сказать, «клубничкой» в любой антисоветской кампании. Как я понял бывшего заведующего Общим отделом ЦК КПСС В. Болдина, никаких особых папок, в собственном смысле этого слова, не существовало. В книге «Крушение пьедестала», в которой он нарисовал довольно ярко портрет своего многолетнего шефа (на портрете – очень ничтожный человечек), автор несколько строчек посвятил описанию архива первого сектора Общего отдела ЦК – Кремлевского архива Политбюро ЦК. Это «хранилище, частично размещенное в бывшей квартире Сталина и в глубоких подвалах здания правительства в Кремле. Все документы хранились в специальных контейнерах при постоянной температуре и влажности. Отдельный отсек занимали документы так называемой «особой папки» и материалы, хранящиеся в закрытых еще в 30-е годы пакетах».

В двух таких пакетах находились и документы по Катыни. Сам В. Болдин их не читал, даже в руках не держал. В закрытых конвертах он передал их М. Горбачеву. Тот «вскрыл их, быстро пробежал несколько страничек текста, запечатал пакеты, проклеив липкой лентой. Возвращая документы, сказал:

– В одном речь идет об истинных фактах расстрела поляков в Катыни, а во втором – о выводах комиссии, работавшей после освобождения Смоленской области в годы войны. Храните получше и без меня никого не знакомьте. Слишком все это горячо».

Эту фразу Горбачева можно понять так, что в конвертах он обнаружил какие-то бумаги, подтверждающие расстрел поляков нами. Во всяком случае, В. Болдин в этом не сомневался и даже слегка «потоптался» на бывшем шефе за его ложь: М. Горбачев долго отрицал существования каких-либо других данных, кроме тех, которые были опубликованы еще в годы войны. Какие документы обнаружил М. Горбачев? По каким-то соображениям он решил скрыть их содержание? Вряд ли «лучший немец» и сейчас об этом расскажет.

Однако действительно ли в «особой папке» содержатся «достоверные данные», подтверждающие нашу вину? Давайте и мы почитаем эти документы. Для этого нам даже не потребуется просить допуск в Кремлевский архив. Они опубликованы. Многие читатели видели один из них и на экранах своих телевизоров: его неоднократно показывали как свидетельство преступности

«сталинского режима» и как доказательство конкретного преступления – расстрела поляков. Правда, не весь документ, а лишь подписи И. Сталина, К. Ворошилова, В. Молотова, А. Микояна и подпись «Л. Берия» в конце письма. А голос за кадром сообщал: в этом письме Берия предлагает расстрелять поляков.

В начале письма Л. Берия информирует И. Сталина о том, что в лагерях для военнопленных и тюрьмах находится «большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных организаций, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.» Тремя абзацами ниже Л. Берия уточняет: в лагерях содержится 14.736 человек, из них поляков – 97 процентов. Далее сообщает, что в тюрьмах «содержится 18.632 арестованных (из них 10.685 поляков).» (Удивительно точные цифры приводятся в письме наркома внутренних дел. Удивительно, потому что в действительности в эти дни Л. Берия еще не знает, сколько же поляков находится в лагерях. Он только 7 марта прикажет начальнику управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР П. Сопруненко «организовать составление точных списков содержащихся в лагерях». Между тем, само письмо датируется «не позднее 4 марта»). И так как все поляки – закоренелые, неисправимые враги советской власти, «НКВД СССР считает необходимым: 1. предложить НКВД СССР…» Конечно, мысль изложена коряво, но слабое знание русского языка – отличительная черта многих антисоветчиков и русофобов. Главное, что НКВД считал нужным сделать, в письме сформулировано четко. А, по его мнению, дела на 14.700 человек, находящихся в лагерях, и на 11.000 арестованных необходимо рассмотреть в особом порядке: без вызова арестованных, без предъявления обвинения, без постановления об окончании следствия и предъявления обвинительного заключения и применить к ним высшую меру – расстрел. Вынесение решения Л. Берия предлагал возложить на тройку «в составе тт. МЕРКУЛОВА, КОБУЛОВА, БАШТАКОВА (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР)». В списке тройки фамилия Кобулова вписана от руки, вместо фамилии Берии.

Уже количество военнопленных, дела на которых предлагалось рассмотреть в особом порядке, вызывают недоумение: что это за пристрастие у наркома к «круглым» цифрам? Никаких объяснений в письме не находится. А ведь

такой вопрос мог возникнуть и у И. Сталина, у членов Политбюро ЦК ВКП(б), Л. Берия просто обязан был предусмотреть его. Но это, разумеется, пустяк. Сами предложения Л. Берии совершенно не вяжутся с теми задачами, которые были возложены на него всего немногим более года назад.

В последние годы о Л. Берии написано много. Иногда авторы публикаций отдают должное его организаторским способностям. Однако это единственное положительное качество, которое находят в нем авторы в последние полвека. Л. Берия, судя по опубликованным материалам, – негодяй, подлец, садист, убийца и т. д. и т. п. В публикациях много вымысла, подчас откровенно неумного, как, например, рассказ Ф. Бурлацкого об «упорных слухах» будто М. Горького отравили по приказу Л. Берии. Да ведь Алексей Максимович умер в июне 1936 года, когда Л. Берия работал в Тбилиси и вряд ли даже думал, что в ноябре 1938 года его назначат наркомом внутренних дел СССР. Возможно, единственная книга, в которой фигурирует Л. Берия и к которой можно относиться если не с полным, то все-таки с большим доверием, – это воспоминания работавшего под его руководством П. Судоплатова. Только и у него бывший нарком внутренних дел СССР выглядит иногда весьма непривлекательно.

Но нас в данном случае интересует не вообще его работа на посту наркома, который он занимал с конца 1938 года по 1945 год, а деятельность за очень небольшой промежуток времени, на рубеже осени 1939 – весны 1940 годов. Для начала давайте вспомним, с какой целью Л. Берию назначили наркомом внутренних дел? К великому сожалению, сегодня мало кто знает, что вопрос о необоснованных репрессиях первым поставил не Н. Хрущев, как людям внушают тоже уже полвека, а И. Сталин. Еще в докладе на пленуме ЦК ВКП(б) в начале марта 1937 года И. Сталин сказал о том, что «некоторые наши руководители страдают отсутствием должного внимания к людям… избивают их огулом, без меры, исключают из партии тысячами, десятками тысяч.» Менее чем через год ЦК ВКП(б) уже специально рассмотрел вопрос о том, что партийные организации и их руководители, проводя «большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают серьезные ошибки, извращения…» В принятом в середине января 1938 года пленумом ЦК ВКП(б) постановлении, проект которого написал вне всякого сомнения И. Сталин (стиль его), говорится что «Пора понять, что существо большевистской бдительности состоит в том, чтобы уметь разоблачать врага, как бы хитер и изворотлив он ни был, в какую бы тогу он не рядился, а не в том, чтобы без разбора или «на всякий случай» исключать десятками и

сотнями из партии всех, кто попадется под руку.

Пора понять, что большевистская бдительность не только не исключает, а наоборот, предполагает умение проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы…»

Постановление обязывало партийные организации реабилитировать оклеветанных людей, а если дискредитирующие их материалы были помещены в печати, то и опубликовать соответствующие реабилитирующие постановления. Но понять обязанности, возложенные на Л. Берию в конце 1938 года, когда он был назначен наркомом внутренних дел, нам лучше поможет документ, не предназначенный для всеобщего сведения. Авторы адресовали его только исполнителям: руководителям партийных комитетов – от республиканских до районных, всем прокурорам – от союзных республик до районов, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам краевых и областных управлений, городских и районных отделений НКВД. Подписали документ Председатель СНК В. Молотов и Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин. Это было Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «О арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», принятое 17 ноября 1938 года. В нем без всяких обиняков указывалось, что «массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг. при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры». В Постановлении отмечалось, что «недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимо, что СНК СССР и ЦК ВКП(б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 г., 17 июня 1935 г. и, наконец, 3 марта 1937 г. давали категорические указания о необходимости… ограничить аресты и улучшить следствие».

В годы, когда Н. Хрущев играл руководящую роль в КПСС, о публикации Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, как и всех других постановлений ЦК партии и правительства по этим вопросам, не могло быть и речи. Но и его наследники не осмелились обнародовать хотя бы Постановление, принятое 17 ноября 1938 года. Если бы советские люди о нем знали, клеветать на советскую предвоенную действительность было бы нашим врагам потруднее. Во всяком случае, нагло врать, что советские судьи руководствовались точкой зрения прокурора СССР А. Вышинского, который якобы утверждал, что признание обвиняемым вины – это «царица доказательств», им бы не удалось. В этом Постановлении прямо говорится о недопустимости рассматривать признание вины как

доказательство преступления. Порядок расследования, при котором «следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины», назван втором крупнейшим недостатком в работе органов НКВД… Начался пересмотр сотен тысяч уголовных дел, освобождение невинно осужденных людей. Однако говорить и писать об этом с хрущевских времен и до наших дней в СССР, в России не принято… (Мне хочется поделиться с читателями информацией, которая не имеет отношения к расстрелу поляков, но в заметках, в которых речь идет о массовых репрессиях, не является столь уж неуместной. Найти ее не составляет труда: она вывешена на сайте Российской Прокуратуры, но так как не у всех есть возможность «заглянуть» в Интернет, то я и посчитал возможным рассказать о ней в этих заметках. Речь идет о сообщении Прокуратуры о результатах выполнения ее органами Закона РФ «О реабилитации жертв политический репрессий», принятого в октябре 1991 года. Сообщение заканчивается утверждением, что проверка подходит к концу, во многих регионах она практически завершена. Начиная с октября 1991 года по второе полугодие 2005 года, всеми органами прокуратуры проверено 648 813 дел на 918 370 человек. Из них полностью реабилитировано, то есть признано необоснованно осужденными 649732 человек, 129 947 человек прокурорские работники признали невиновными лишь частично, а 138 691 человек признаны осужденными вполне обоснованно. Совершенно не ясно, каким принципом руководствовались следователи, пересматривая дела на осужденных людей. И в 1938 году, и даже в 1990 они выясняли, совершал ли осужденный какие-либо действия, направленные против СССР? Разумеется, это совсем не значит, что после XX съезда КПСС прокурорские работники на основании данных им прав реабилитировали лишь действительно невиновных людей. Сомневающимся я бы порекомендовал прочитать, например, «Мемуары» Вальтера Шелленберга, руководителя зарубежной разведки гитлеровской Германии. Из них, в частности, можно узнать, какие документы о контактах маршала М. Тухачевского с немецкими генералами были «подброшены», как сейчас модно писать, по приказу фюрера И. Сталину, а заодно – как добросовестно накануне войны работал в Токио на Германию агент немецкой разведки «Пост», известный у нас как легендарный советский разведчик Рихард Зорге.

Но и «жертвы сталинских репрессий» вроде маршала М. Тухачевского и еще неизвестного, но, совершенно очевидно, огромного количества врагов Советского государства до развала СССР признавались, даже комиссией под председательством

такой аморальной личности, как бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев, не виновными только в том случае, если в их действиях «не находили» состава преступления с точки зрения советских уголовных кодексов. А кого же могли признать невиновными прокуроры нынешней России, политического антипода Советского Союза? В сообщении приводится несколько примеров. Реабилитирован патриарх Тихон и его окружение, ученый Тимофеев-Ресовский, участники Ярославского мятежа в июле 1918 года, участники Кронштадтского мятежа в феврале-марте 1922 года. Иными словами невиновными признаны церковные иерархи, доказательств вины которых перед Советской властью хватило бы еще на несколько судебных процессов. Невиновным, по мнению нынешних прокуроров, оказался русский ученый, добровольно проводивший свои исследования в интересах фашистской Германии. Безвинно пострадавшими признаны даже люди, задержанные с оружием в руках… В свете этих примеров есть необходимость задуматься, кем же все-таки были «жертвы политических репрессий»? И кого прокуроры современной России отказались реабилитировать? Есть, есть все причины задуматься над этими вопросами.)

К сожалению, в этих заметках нет возможности изложить Постановление, поэтому я вынужден ограничиться лишь ссылками на ту его часть, которая имеет прямое отношение к судьбе поляков, точнее, к письму наркома внутренних дел СССР в ЦК ВКП(б), И. Сталину. Первый пункт Постановления запрещал НКВД и Прокуратуре проводить массовые аресты. Вторым **пунктом ликвидировались «судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции. Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности предписывалось передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР** (подчеркнуто мною – авт.».

В пятом пункте Постановления органы Прокуратуры обязывались в точности соблюдать требования УПК по осуществлению прокурорского надзора. Прокуроры должны были немедленно устранять нарушения правил и «принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т. п.». Заканчивалось Постановление предупреждением «всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой (судебной) ответственности.»

Для того чтобы в органах внутренних дел соблюдались законы, выполнялись директивы партии и правительства, Л. Берия и был в эти самые дни, что готовилось Постановление, назначен народным комиссаром. И, вероятно, его первым приказом на посту руководителя комиссариата внутренних дел, и уж во всяком случае одним из первых, был приказ «О порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.», подписанный им 26 ноября. Для понимания обстановки тех лет, когда руководители партии и государства с одной стороны были обеспокоены не прекращающейся ни на один день борьбой против Страны Советов, а с другой – нарушением в рабоче-крестьянском государстве прав граждан – это тоже чрезвычайно важный документ.

Мы сейчас, даже не зная никаких конкретных фактов, можем смело утверждать, что и Постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б), и приказ наркома внутренних дел нарушались. Не бывает, чтобы десятки тысяч человек, занятых общим делом, в одинаковой мере добросовестно следовали инструкциям, полностью выполняли приказы, распоряжения, постановления. Но когда перед носами телезрителей «помахивают» бумажкой с подписями членов Политбюро, им хотят показать нечто несравненно большее, чем решение о расстреле польских офицеров. Им внушают, что Советский Союз – это государство полнейшего произвола, беззакония, государство, в котором несколько высших руководителей партии могли по своему усмотрению приговаривать без следствия и суда к смерти тысячи людей. Им-де достаточно было принять решение, поручить, кому сочтут нужным, издать соответствующий приказ для непосредственных исполнителей – и нет людей.

Но вольно профессорам вроде В. Фалина или немецким бюргерам, которых он учил уму-разуму, полагать, что в Советском государстве могли расстреливать людей по чьим-то желаниям. Если бы профессору из германского университета В. Фалину ненависть к И. Сталину не туманила мозги, если бы немецкие или американские обыватели располагали информацией, они, вероятно, поняли, что подобное не могло происходить в Советском государстве. Да что люто ненавидящий И. Сталина В. Фалин или далекие от советской действительности иностранцы! Вполне нормальные советские граждане не понимают, что И. Сталин не свою власть защищал, а советскую. А советская власть защищала себя, только опираясь на законы. Законы, как и время, были суровы, но ведь это, как говорится, совсем другой вопрос. И нарушения были немалые, но это были именно нарушения политики, а не политика государства, его

руководства.

Так что письмо наркома внутренних дел Секретарю ЦК ВКП(б) с предложением оформить вопреки недавно принятому ЦК партии и правительством решению расстрельные дела через наркоматовскую «тройку» – несуществующую судебную инстанцию – фальшивка. Забегая несколько вперед, сразу скажу – фальшивки и все другие «документы» из Особой папки. Конечно, чрезвычайно интересно, как они оказались в тщательно охраняемом архиве? Но эта тайна, скорее всего, никогда не будет раскрыта, хотя пока такая возможность существует: фальшивку положили в архив сравнительно недавно.

Разумеется, несоответствие предложения наркома внутренних дел расстрелять поляков по решению тройки упомянутому Постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) – это не единственное доказательство того, что письмо является не очень умелой подделкой. Об одном, самом главном, речь пойдет ниже, а пока об ушах фальсификаторов, которые вылезают и из других «документов» Особой папки. Что это за «документы», и какие уши из них торчат?

В Особой папке, кроме письма Л. Берии с грифом «сов. секретно», оказались выписка из заседания Политбюро ЦК ВКП(б) с грифом «строго секретно», «предназначенная», видимо, для Л. Берии, письмо председателя КГБ СССР А. Шелепина Н. Хрущеву с грифом «совершенно секретно» и проект Постановления Президиума ЦК КПСС, в котором предусматривалось «разрешить Комитету Государственной безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции, проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5 марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР».

Выписка из Постановления Политбюро – это дословное повторение заключительной части письма Л. Берии, вроде как свидетельство того, что его рассмотрели и приняли. На выписке за неизвестно чьей неразборчивой подписью есть запись: «Изъято из протокола «ОП» 4.Ш.1970 года М. закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К. У» Ссылка на К. Черненко – это явное свидетельство того, что фальшивые документы оказались в Кремлевском архиве после его смерти, то есть во время пребывания на посту Генсека ЦК КПСС М. Горбачева.

А письмо А. Шелепина – это уже подтверждение того, что Постановление было выполнено. В нем председатель КГБ сообщает Н. Хрущеву: «Всего по решению специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в

Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года.

…все дела в количестве 21.957 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности».

Высказав далее опасение, что расконспирация проведенной операции может привести к нежелательным для Советского Союза последствиям, А. Шелепин предлагает «уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

…можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о проведении в исполнение решений троек».

Теперь об ушах фальсификаторов. Прежде всего, хочу привлечь внимание читателей к тому обстоятельству, что обнаруженные в Особой папке письма – это не частные послания высокопоставленных правительственных чиновников. Это подписанные ими документы особой государственной важности. К таким документам, как по содержанию, так и по форме, предъявлялись самые высокие требования. В них не допускались помарки, описки, ошибки, неточности. Они оформлялись в строгом соответствии с принятыми правилами делопроизводства. Столь же высокие требования, разумеется, предъявлялись и к оформлению документов Политбюро.

А что представляют собой в свете этих требований «документы» из Особой папки? Не будем «зацикливаться» на том, что в письмах указывается разное количество расстрелянных поляков. В письме Л. Берии говорится о 25700 поляках, а в письме А. Шелепина утверждается, что «было расстреляно 21.857 человек». Но кто подписывал решения о расстреле: специальная тройка НКВД СССР или обычные тройки? Допустим, руководитель советской службы государственной безопасности был столь нелюбопытным человеком, что совершенно не заинтересовался таким «пустяком». В конце концов, какая для мертвых поляков разница, кто подписывал решения о их расстреле! Допустим, А. Шелепин даже не подозревал, что судебные тройки были ликвидированы еще в декабре 1938 года. Но как он мог сослаться на «тройку НКВД»? Откуда эта «тройка» взялась в его письме, если единственные документы, в которых

она фигурирует, хранились в Кремле и были не известны А. Шелепину? И что же, руководитель КГБ был столь безответственным человеком, что даже не позаботился в письме Первому секретарю ЦК КПСС об единообразии в изложении фактов? Ладно, допустим, был, и настолько, что даже не стал при написании письма руководителю КПСС затруднять себя правильным названием документа особой государственной важности, на который он ссылается, с какой-то хлестаковской легкостью превратив Постановление Политбюро в Постановление ЦК партии. Но неужто А. Шелепин не знал, что партия, в которой он состоял, стала называться «КПСС» лишь с октября 1952 года? Что никакого «Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года» и быть не могло? Нет, такие допущения ни в какие ворота не проходят…

Далее, совершенно секретные письма не имеют никаких атрибутов, обязательных для такого рода документов. Письма написаны не на бланках ведомств, а на обычной бумаге, письмо А. Шелепина – от руки. На них не указано количество отпечатанных экземпляров, отсутствуют регистрационные номера, даже исходящие, хотя это, наверное, главное – отсутствие исходящих номеров: их подлинность практически невозможно проверить по архивам НКВД и КГБ СССР. А на письме Л. Берии отсутствует и дата.

Столь же удивительна и выписка из Постановления Политбюро ЦК ВКП(б). Во-первых, она напечатана на бланке 30-х годов. Во-вторых, на ней указаны две даты: «5 марта 1930 г.» и «5.Ш.40 г.». В-третьих, судя по этой выписке, вопрос о расстреле поляков в повестке дня заседания Политбюро стоял 144 (сто сорок четвертым)! Несколько участников различных совещаний и заседаний, проходивших в кабинете И. Сталина, оставили о них свои воспоминания. Однако, как готовились заседания Политбюро ЦК ВКП(б), какие вопросы выносились на обсуждение, как проходило их обсуждение, об этом практически ничего не известно. Но о повестке дня заседаний Политбюро ЦК КПСС упоминает В. Болдин: «Обычно на заседания выносились один-два крупных вопроса, требующих широкого и всестороннего рассмотрения, и ряд мелких, которые часто не обсуждались вообще, а члены Политбюро, ознакомившись с проектами, соглашались их принять». Наверняка эти принципы формирования повесток заседаний существовали и раньше. Но, разумеется, ставить знак равенства между заседаниями Политбюро ЦК, проходившими под председательством словоблуда М. Горбачева, превратившего деловые обсуждения в десятичасовую говорильню, и заседаниями Политбюро ЦК,

проходившими под председательством И. Сталина, не терпевшего пустопорожней болтовни, нелепо. Так что 144 вопроса в повестке дня заседания Политбюро, а, не имея никаких указаний на то, что этот вопрос обсуждался последним, можно допустить, что были и другие, – плод чьей-то больной фантазии, или результат совершенно искаженных представлений автора (авторов) фальшивки о работе Политбюро ЦК ВКП(б). А, в-четвертых, на выписке нет никаких признаков, что ее кто-то отсылал, получал, читал, возвращал. Вот такие «документы» оказались в Особой папке…

Первым на все многочисленные ошибки в их форме и содержании обратил внимание в своей книге «Катынский детектив» Ю. Мухин. Мимо сделанного им анализа не прошли и отечественные подпевалы доктора Геббельса. И, конечно, отмели все доводы Ю. Мухина. «Мне удалось установить точно дату письма Берии – это 3 марта», – порадовала доктор наук Н. Лебедева подельников. Казалось, что она вслед за этими словами немедленно, для посрамления всех антифашистов, утверждающих, что «документы» из Особой папки – фальсификация, тут же скажет, где, в каких архивах она обнаружила столь важное доказательство обоснованности своих обвинений, в чем оно, это доказательство, заключается. Но Н. Лебедева предусмотрительно промолчала.

«Точной даты» доктору наук показалось недостаточно. Она объявила, что точно знает и день, когда И. Сталин и Л. Берия впервые обсудили вопрос о расстреле поляков. Вообще-то могла назвать и час: в журнале посетителей И. Сталина время их встреч фиксировалось до минут. Но почему-то ограничилась только днем – 27 февраля. Мне не пришлось услышать сообщения доктора наук Н. Лебедевой о сделанных ее открытиях, я прочитал о них в Интернете. Но, кажется, никто из интеллектуалов, которым она сказывала свои сказки, прослушав их, не воскликнул: «Ты что, докторша, совсем свихнулась! У тебя что, глюки? Кто же сейчас может знать, о чем в своем кремлевском кабинете говорил И. Сталин Л. Берии 27 марта 1940 года?» Нет, никто ничего не сказал «лучшему, как величает ее Ч. Мадайчик, знатоку документов по Катыни», но сомневаюсь, чтобы поверили. Или они и друг друга за дураков держат? В этом случае могли и поверить…

Образчик критики аргументов антифашистов – статья С. Романова «Псевдоревизионизм во всей «красе», вывешенная на сайте Katyn. codis. ru. Автор, несомненно, убежден, что он не оставил в ней камня на камне от выводов Ю. Мухина. И напрасно. Желание побольнее уесть противника часто высвечивает в наших

«демократах» те качества, которые они, понятно, предпочитают держать в тени. В данном случае, С. Романов с хода продемонстрировал свое невежество. Ведь ревизионизм – это пересмотр, а псевдо – мнимость, ложность, сомнительность. Так как вся критика Ю. Мухина направлена на аргументы защитников версии Геббельса, то и получается, что его разоблачения – всего-навсего мнимый пересмотр немецкой версии, на самом деле он с гитлеровскими обвинениями согласен. Для С. Романова было бы лучше не пользоваться иностранными словами, но, видимо, уж очень хочется выглядеть, как всем им, интеллектуалом… Но это к слову, а что можно сказать по делу?

К делу сам С. Романов не спешит перейти. Для начала он старательно дискредитирует Ю. Мухина, выставив его просто несерьезным человеком, который к тому же нередко аргументы подменяет грубостью, да еще является антисемитом. Только подготовив таким образом читателей, С. Романов переходит к опровержению выводов Ю. Мухина.

Мне не известны политические или национальные пристрастия Ю. Мухина. Возможно, он действительно не питает симпатий к евреям. Я по многим причинам отношусь крайне отрицательно к антисемитизму, а в не последнюю очередь потому, что он ставит на одну доску и евреев, принявших участие в разграбление страны, и евреев, ставших такими же жертвами этого грабежа, как и все другие народы России. Но никакими пожеланиями, призывами г-на Путина и даже законами о борьбе с экстремизмом, принимай их Госдума хоть ежедневно, подъем антисемитизма в России не остановить. Это в Советском Союзе, в стране композитора Исаака Дунаевского и скрипача Давида Ойстраха, комбрига Давида Драгунского и командарма Якова Крейзера, поэтов Михаила Светлова и Самуила Маршака, одного из создателей атомной бомбы Юлия Харитона и шахматиста Михаила Ботвинника и многих, многих тысяч известных и неизвестных евреев, отдавших себя служению народу, трудно было быть антисемитом. А в стране Ходорковского, Гусинского, Березовского и всех тех, кому пока официально не предъявили обвинений в многочисленных преступлениях, в стране тех, кто защищает интересы грабителей Отечества, кто ставит на одну доску русских советских коммунистов и немецких фашистов, антисемитизм – неизбежное явление.

Но даже если Ю. Мухин и антисемит, что из этого? Зачем убеждать в этом читателей, если его книга посвящена не еврейскому вопросу, а разоблачению немецкой фальшивки? Спорь, неуважаемый С. Романов, по существу! Но неслучайно С. Романов не спешит ринуться в бой с оппонентом. Доказательно

возразить Ю. Мухину он не может. Например, по поводу неправильного и неряшливого оформления бумаг из Особой папки пишет: «Далеко не всегда документы оформляются, как следует». Ну, так привел хотя бы один пример небрежного оформления документов высших партийных и государственных органов, писем их руководителей. Нет примера, неоткуда его взять. По поводу обсуждения письма Л. Берии на заседании Политбюро: «Каганович и Калинин не стали бы противоречить Сталину». Надо понимать так, что у С. Романова есть немало доказательств того, что обычно Л. Каганович и М. Калинин И. Сталину не противоречили, следовательно, и на этот раз тоже. Впрочем, С. Романов почему-то не стал утверждать, что они не противоречили, высказал лишь предположение. Ну что это за доказательство? А ведь мог бы и последовать примеру доктора наук Н. Лебедевой. Если она заявила, что знает, о чем говорили И. Сталин и Л. Берия, то С. Романов мог столь же твердо заявить, что он знает, о чем не говорили Л. Каганович и М. Калинин? Хоть какой-то намек был бы на доказательство. (В. Молотов, рассказывая писателю Ф. Чуеву о встречах И. Сталина со своими соратниками, не специально отвечая на вопрос, а так, между прочим, сказал: «…мы обедали, обсуждали, разговаривали, а поспорить – спорили, делились между собой и с ним».) А это по поводу невозможности принятия на Политбюро незаконного решения: «…если «верхушке» что-то было надо, то это делалось очень и очень быстро»…Все-таки меня очень интересует: эти романовы действительно не понимают, кем они выглядят в глазах других, или в самом деле считают народ сборищем идиотов, которые доверчиво слопают любую навешенную на их уши лапшу?

Словом, все замечания Ю. Мухина отметены самым решительным образом. Ну, небрежно оформлены документы, что из того – в жизни все бывает! И А. Шелепин мог назвать «ВКП(б)» «КПСС». Вон даже в цековском постановлении говорится: «восстановить Жемчужину П. С. членом КПСС». (Неужели, С. Романов искренне полагает, что в марте 1953 года после переименования партии можно было восстанавливать и в ВКП(б)? И можно, например, писать или говорить: 17 июля 1920 года газета «Известия ЦК РКП(б)» опубликовала письмо ЦК КПСС «На барона Врангеля!»?) И такой изувер, как Берия, мог такому сатрапу, как Сталин, предложить что угодно. А последний принять. Кто ему осмеливался перечить! Всё они там могли!

Не могли. И в данном конкретном случае тоже. Есть этому доказательства, которые обнаружили… те самые ученые и прокуроры, что удостоились лестных слов от самого папы

римского. А нашли они в архивах приказ П. Сопруненко начальнику Старобельского лагеря об уничтожении учетных дел на военнопленных, убывших из этого лагеря, и акт о сожжении этих документов. Так что «в опечатанном помещении» никак не могли храниться «все дела», о чем якобы писал Н. Хрущеву председатель КГБ СССР. Но это фактик, а не факт. А факт вот какой, я его уже называл: директивное письмо наркома внутренних дел СССР Л. Берии начальнику управления по делам военнопленных НКВД СССР и начальникам управлений НКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей. В нем, читатели, думаю, помнят, этим должностным лицам предписывалось обеспечить работу следственной группы НКВД, которой было поручено подготовить следственные дела на военнопленных для доклада на **Особом совещании НКВД СССР** (подчеркнуто мною – **авт.).** Вот кто, выходит по письму Берии, рассматривал дела поляков, а не тройка «в составе тт. Меркулова, Кобулова и Баштакова.

На «документах» «Особой папки» на этом можно поставить точку. (Особое совещании НКВД требует отдельного разговора). Но прежде, чем это сделать, я процитирую несколько строк из книги Ю. Мухина «Катынский детектив». Грубовато написал автор, но характеристику фальсификатору или фальсификаторам дал точную: «Фальшивку готовил дурак, абсолютно не представляющий себе ни что такое государство, ни как оно функционирует. Дурак, который об истории СССР знает исключительно то, что писал ранний Солженицын, или поздний Волкогонов, – кумиры дебильных деток бывших партаппаратчиков». Действительно, если бы автор фальшивки хотя бы немножко потрудил себя познакомиться с историей СССР и ВКП(б) не по кухонным разговорам и писаниям антисоветчиков вроде Солженицына, Радзинского и Волкогонова, а заглянув, по крайней мере, в те документы, в которых говорится о составе руководящих партийных и советских органов накануне войны, он или они заметил (заметили), что «потеряли»… третью часть членов Политбюро. На «письме Л. Берии» стоят подписи четырех членов Политбюро – И. Сталина, В. Молотова, К. Ворошилова и А. Микояна, а также есть приписка: М. Калинин и Л. Каганович на заседании отсутствовали, но высказались «за». Итоги голосования отражаются в протоколах заседаний, а не на документах, которые на этих заседаниях обсуждаются. Поэтому появление на «письме Л. Берии» подписей И. Сталина и трех других членов Политбюро можно объяснить только одним: желанием создателей фальшивки дать «зримые» доказательства причастности руководителей партии к расстрелу польских офицеров. Но они не знали, что на

состоявшемся после XVIII съезда партии Пленуме ЦК в Политбюро было избрано девять человек, кроме указанных на «письме» – А. Андреев, А. Жданов и Н. Хрущев. Поэтому у них и получилось, что в заседании Политбюро приняло участие менее половины его членов. И. Сталин, как известно, не был формалистом, но не до такой же степени, чтобы позволить себе председательствовать на заседании Политбюро, на котором отсутствует более половины его членов… Тем более, обсуждать на таком заседании вопрос особой государственной важности.

Права Особого совещания

Как говорится, на белый свет «документы» Особой папки были извлечены несколько позднее, чем пошли разговоры о том, что дела на поляков рассматривались Особым совещанием при НКВД СССР. Лишь М. Горбачев знал, что между бумагами, которые ему приносил В. Болдин, и документами, обнаруженными в других архивах, есть принципиальной важности противоречие. Но промолчал.

Почему? Боюсь что-либо утверждать определенное, но, думаю, что даже М. Горбачев, утаивая информацию, делал это без злого умысла. И В. Фалин, которого, откровенно говоря, мне уже и упоминать надоело, но что делать, если в кремлевском закулисье он наиболее энергично подвигал М. Горбачева к признанию советской вины за расстрел поляков, вряд ли сознавал, что означает выявленная информация. И – это, конечно, поразительно – Генеральный прокурор СССР Н. Трубин не ведал, что творил, когда писал М. Горбачеву: «Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения **Особого совещания при НКВД СССР** (подчеркнуто мною – **авт**.) …» Так в чем же дело? А в том, что, похоже, абсолютно никто из них тогда не имел ни малейшего представления о функциях Особого совещания при НКВД СССР. Возможно, и не все читатели имеют о них ясное представление.

Я уже высказывал мысль о том, что сознательные и невольные антисоветчики, десятилетиями тиражируя пропагандистские измышления о сталинском произволе, правовом бесправии советских граждан, и себя убедили в этом. Историки, юристы, журналисты, старательно искавшие доказательства советской вины или просто писавшие о ней, разумеется, слышали о тройках, трибуналах, Особом совещании, рассматривавших дела по обвинениям в политических преступлениях. Но для них эти органы советского правосудия были всего-навсего некими бутафорскими сооружениями. В их представлении все они существовали лишь для оформления приговоров, которые выносил режим или лично И. Сталин своим противникам (хотя бы задумались, как это возможно!). Ну тройка, ну трибунал, ну Особое совещание – какая разница! Поэтому ни у кого, даже у юристов, и сомнения не зародилось в том, что Особое совещание при НКВД СССР, протоколы которого они так старательно искали, не могло приговорить поляков к расстрелу. Не было у Особого совещания такого права – приговаривать

людей к смертной казни.

Сразу же после вступления в должность наркома уже упоминавшимся приказом № 00762 «О порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.» Л. Берия произвел в деятельности *Особого совещания* ряд изменений. В частности, он приказал максимально сократить количество дел, направляемых на его рассмотрение. При нем был создан Секретариат, на который нарком возложил проверку соответствия дел, направляемых на Особое совещание, Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б). Но руководящим документом для Особого совещания осталось «Положение об Особом совещании при народном комиссаре внутренних дел».

Впервые у рядовых граждан возможность познакомиться с его функциями появилась в январе 1991 года. Тогда читатели «Военно-исторического журнала» узнали о Постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовные кодексы союзных республик». Наверняка это Постановление в свое время было опубликовано, но кто о нем помнил, знал в восьмидесятых-девяностых годах? ЦИК СССР установил особый порядок расследования и рассмотрения дел «о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти». Этим же Постановлением было создано и Особое совещание при НКВД СССР. Как можно понять из публикации журнала, позднее Особому совещанию на короткий срок предоставили право выносить смертные приговоры. Но документально это предположение не подтверждается.

Весной 1936 года А. Вышинский, возглавлявший в то время союзную прокуратуру, проинформировал И. Сталина о том, что Особое совещание и тройки осудили в 1935 году 150 823 человека. По мнению А. Вышинского – слишком много. Он предложил И. Сталину ограничить компетенцию Особого совещания.

(Кстати, однажды случай свел с А. Вышинским одного из героев этих заметок – Б. Меньшагина. И произошла встреча в страшном, как уверяют все без исключения антисоветчики, 1937 году, когда нарушения законности приняли наибольший масштаб. Б. Меньшагин, рядовой смоленский адвокат, тогда участвовал в процессе по обвинению нескольких человек во вредительстве в животноводстве. Несмотря на то, что суд не исследовал полностью обстоятельства дела, обвиняемых приговорили к расстрелу. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Но Б. Меньшагин, убежденный в том, что суд не собрал доказательств для столь жестокого приговора,

вместе с коллегами отправился в Москву, в союзную прокуратуру.

Постовой объяснил провинциальным адвокатам, что такие вопросы рассматривает старший помощник Прокурора СССР Тадевосян. Последний, несмотря на то, что собирался куда-то уезжать, адвокатов принял, ознакомился с представленными ими документами и сказал, что не может решить их вопрос, что им «надо к Андрею Януарьевичу». Только он, Тадевосян, не знает, когда А. Вышинский сможет их принять, но предложил адвокатам приехать в прокуратуру на следующий день, часам к десяти утра.

В десять часов Б. Меньшагин с товарищами был в приемной Прокурора. Там уже находилось три-четыре посетителя. Минут через сорок смоленских адвокатов пригласили к А. Вышинскому. Неприветливо встретил визитеров хозяин кабинета и сразу же предъявил им серьезное обвинение. В чем?

Не сомневаюсь, каждый, кто представляет А. Вышинского по портрету, созданному антисоветски настроенными журналистами и писателями, решит, что он сказал примерно следующее: «Что вы тут шляетесь! Отнимаете время у занятых людей. Состоялся справедливый суд, вина врагов народа полностью доказана. Выкатывайтесь из кабинета и не попадайтесь мне впредь на глаза». «Шляетесь» сказал, конечно, не в грубой форме. И даже пригрозил в конце разговора наказанием. Но о причине недовольства Прокурора Союза адвокатами, пожалуй, никто не догадается. Предъявленное им А. Вышинским обвинение выглядит в изложении самого Б. Меньшагина так: «Вот вы – защитники. Вы приезжаете сюда: и то не так, и это не вашему, все дело неверное. А что вы там на месте делаете? А там вы: «Согласен с товарищем прокурором, прошу снисхождения», – дальше этого вы не идете».

Б. Меньшагин возразил: именно потому и приехали в Москву, что не согласны со смоленским прокурором. «Так ли это?» – спросил А. Вышинский. – И в протоколе ваше мнение записано?»

– Да так.

– Ну, хорошо. Я приостановлю исполнение приговора, и мы дело проверим здесь. Но предупреждаю: если в деле мы не увидим того, что вы тут понаписали, я тут же против вас возбуждаю дисциплинарное дело».

В конце января 1938 года, через два месяца после вынесения приговора, Б. Меньшагин получил телеграмму: «Приговор по делу Кадетского и других протесту Прокурора СССР Верховным Судом отменен полностью». Не правда ли, этот эпизод из адвокатской практики «страшных лет» несколько не соответствует облику А. Вышинского, созданному свободными от цезуры антисоветчиками, по утверждением которых он якобы только тем

и занимался, что творил беззаконие в угоду И. Сталина. Что же касается Б. Меньшагина, то, на мой взгляд, этот пособник немецких фашистов оказался честнее клеветников-антисоветчиков, ставящих на одну доску коммунизм и фашизм, коммуниста Сталина и нациста Гитлера. И мне еще очень интересно: в демократической России адвокат из Смоленска может ли на следующий день после приезда в столицу попасть на прием к Генеральному прокурору? Или даже московский, если президент В. Путин не определил его совестью народа и не зачислил в Общественную палату?)

Внесудебное «Особое совещание» было создано по постановлению ЦИК и Совнаркома СССР «Об особом совещании при НКВД СССР», принятому 54 ноября 1934 года. Постановление предусматривало:

1. Предоставить Народному Комиссариату Внутренних Дел Союза ССР право применять к лицам, признаваемым общественно-опасными:

а) ссылку на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается Народным Комиссариатом Внутренних Дел Союза ССР;

б) высылку на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах Союза ССР;

в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет;

г) высылку за пределы Союза ССР иностранных подданных, являющихся общественно-опасными.

2. Для применения мер, указанных в ст. 1, при Народном Комиссаре Внутренних Дел Союза ССР под его председательством учреждается Особое Совещание в составе:

а) Заместителей Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР;

б) Уполномоченного Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР по РСФСР;

в) Начальника Главного Управления Рабоче-Крестьянской Милиции;

г) Народного комиссара внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело.

Как видим, право «Особого совещания» осуждать людей законодательно было ограничено пятью годами.

В 1937 году была утверждена новая редакция «Положения об Особом совещании при народном комиссаре внутренних дел». «Положение» начинается с определения прав Особого совещания. Вот они: «1. Предоставить Наркомвнуделу право в отношении

лиц, признаваемых общественно опасными, ссылать на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД; высылать на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР; заключать в исправительно-трудовые лагеря и в изоляционные помещения при лагерях на срок до пяти лет, а также высылать за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными.

2. Предоставить Наркомвнуделу право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет».

Так что не только о расстреле тысяч поляков по решению Особого совещания не может быть речи, оно и одного-то человека в 1940 году не могло лишить жизни. Максимум, к чему могли приговорить польских офицеров – к пяти годам заключения в ИТЛ. Вероятнее всего такое решение и вынесло Особое совещание.

Однако пора рассказать, каким же образом поляки оказались в Катынском лесу? Почему из лагерей для военнопленных их перевели под Смоленск, в особые лагеря № 1, № 2, № 3? Почему это перемещение тщательно скрывалось от мировой общественности?

На территории Советского Союза после воссоединения с Украиной и Белоруссией их западных земель, захваченных в годы Гражданской войны и интервенции Польшей, оказалось довольно много поляков. В современной российской печати приводятся разные цифры: от 217 тысяч человек до 300 тысяч. Однако есть и данные, значительно от них отличающиеся. Их привел в статье «Осень 1939 года: к вопросу о польских военнопленных», опубликованной в начале 1990 года в Военно-историческом журнале, С. Осипов, бывший тогда адъюнктом Института военной истории Министерства обороны СССР. И у меня его подсчеты вызывают доверие. Дело в том, что все цифры, публикуемые в так называемых демократических изданиях, имеют по существу один и тот же источник – отчет ротмистра польской армии Ю. Чапского, которого генерал Андерс уполномочил разыскивать пропавших на территории СССР польских военнопленных. Ю. Чапский, вообще поляки, даже, если исходить из того, что они вели учет честно, так сказать, без приписок, исходили из своих предположений, основанных на каких-то расчетах, но все-таки предположений. А выводы С. Осипова основаны на данных, которые он извлек из военных архивов. И он дает точные «адреса», по которым он обнаружил публикуемые сведения: архив такой-то – ЦГАСА, фонд такой-то, опись такая-то, дело такое-то, лист такой-то. Подводя итоги своих подсчетов, С. Осипов пишет: «Таким образом, абсолютно достоверно можно говорить о том, что на 15 ноября 1939 года в СССР было не более 61 485 польских военнопленных, в том числе 8 472 офицера. С меньшей достоверностью можно говорить о том, что до конца 1939 года был освобожден еще 23 681 человек – уроженец Западной Украины Западной Белоруссии. В таком случае остается 37 804 человека, в том числе 8 472 офицера, 4 678 жандармов и полицейских и 1 157 беженцев. Если допустить, что все обмененные с Германией 13 544 уроженца западных районов Украины и Белоруссии также были освобождены, то в лагерях должно было остаться только 24 260 польских военнопленных и беженцев». Ладно, предположим, что все уроженцы западных районов Украины и Белоруссии, интернированные во время

боевых действий, остались в советских лагерях. Хотя такое допущение невозможно в принципе. Этот факт не оспаривают даже отечественные антисоветчики. И, кажется, вообще никто не оспаривает. Но допустим. Однако и цифра в 61 485 человек весьма отличается от цифр, приводимых антисоветчиками и русофобами. А какое, собственно, сегодня имеет значение, сколько польских военнослужащих оказалось в 1939 году на советской территории? 60 тысяч или в 4–5 раз больше? Для ненавистников Советского государства, России – огромное. Публикуемые ими цифры предоставляют им же простор для антисоветских измышлений.

Военнослужащие в соответствии с общепринятой мировой практикой были интернированы, то есть они были лишены возможности свободно передвигаться, тем более покидать страну. Через полтора месяца правовое положение значительной части польских военнослужащих кардинальным образом изменилось. 31 октября 1939 года в Москве открылась внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. Она рассмотрела декларации Народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии о вхождении в состав СССР. Депутаты приняли законы о включении их в состав СССР и о воссоединении с Украинской ССР и Белорусской ССР. Солдаты и офицеры Войска Польского – жители Западной Украины и Западной Белоруссии становились гражданами Советского Союза, с них немедленно снимались все наложенные на интернированных ограничения. (Поразительно, но даже этот акт историк Н. Лебедева исхитрилась использовать для того, чтобы бросить лишний ком грязи в Советское правительство. Оказывается «сталинское руководство» распустило бывших военнослужащих по домам, потому что не могло их ничем обеспечить, даже питьевой водой…» Все-таки у этой публики весьма специфические представления о способах утверждения правды.)

Как можно понять из одного опубликованного документа, необходимость освободить тысячи человек понравилась не всем руководителям местных органов внутренних дел. Дело в том, что они к этому времени уже «пристроили» часть поляков к общественно-полезному труду, в частности, к сооружению автодороги Новгород-Волынский – Львов.

Новые граждане СССР с производственными планами милиционеров считаться не захотели и стали расходиться по домам. За несколько недель со строительства дороги ушло 1400 человек. Тогда руководство УВД обратилось в прокуратуру с просьбой дать санкцию на их задержание. Полученный им ответ – это своего рода и ответ на вопрос о соблюдении в Советском

Союзе прав его граждан. Прокурор отказался дать санкцию, разъяснив «недогадливым» милиционерам, что граждане страны не могут быть в ней на положении военнопленных.

Но каким же образом интернированные поляки оказались военнопленными: Советский Союз вроде с Польшей не воевал? Не воевал. Зато воевало с нами польское правительство в Лондоне. Когда началась советско-финская война, правительство генерала В. Сикорского объявило в знак солидарности с финнами нам войну и даже собиралось отправить им на помощь бригаду. Для СССР театральный жест прогоревших панов министров не имел никаких последствий. А вот на положении польских граждан, интернированных в СССР, он сказался сразу: они превратились в военнопленных.

Содержание военнопленных перед Второй мировой войной регулировалось Положением о законах и обычаях сухопутной войны (приложением к 4-й Гаагской конференции 1907 г.). В соответствии с этой международной конвенцией военнопленных солдат можно было привлекать к работам. Их и привлекли. Господа офицеры же от обязанности трудиться освобождались. По собственной инициативе, добровольно могли работать. Офицеры польской армии – немцы по национальности работали, а офицеры-поляки таскать носилки вместе с солдатами не хотели.

Сложилась просто нелепая ситуации. Советское государство должно было содержать за свой счет тысячи смертельно ненавидевших его людей, к тому же всегда готовых к антисоветским действиям. (Чуть ниже я предоставлю слово польскому офицеру, который расскажет, какие чувства питали к СССР, а точнее – к России, он и его товарищи.) Не берусь судить, кому в голову пришла идея, как заставить господ офицеров потрудиться? Может, кому-то из работников НКВД, может, кому-то еще, да это совсем и неважно. Идея состояла в том, что польских офицеров нужно осудить как контрреволюционеров. Фактически они таковыми и являлись, но никаких доказательств конкретной антисоветской деятельности большинства поляков, которые можно было бы представить суду, сотрудники НКВД не имели. На такие случаи и существовало Особое совещание при НКВД СССР. На его рассмотрение, в частности, направлялись дела, когда «виновность арестованного несомненна», а доказать ее в судебном заседании работники органов внутренних дел по разным причинам не могли. Польских офицеров осудили, они превратились в обычных заключенных, которые обязаны были работать.

Разумеется, изменения в правовом положении поляков требовалось скрыть от мировой общественности. Их и скрыли. Из

лагерей для военнопленных поляков перевезли в особые лагеря под Смоленском. Переписку с внешним миром офицерам запретили. Сегодня это обстоятельство всеми антисоветчиками трактуется однозначно: переписка поляков прекратилась, потому что их расстреляли.

Когда немцы напали на Советский Союз, поляков попытались эвакуировать в глубь страны. Начальники лагерей обратились к начальнику движения Смоленского участка Западной железной дороги С. Иванову с просьбой выделить вагоны для отправки поляков вглубь страны. Он отказал. «Свободных вагонов у нас не было», – объяснил Специальной Комиссии С. Иванов. Тогда охрана решила увести поляков на восток пешим порядком. Офицеры самым категорическим образом отказались: советскому плену они предпочитали немецкий. Один из бывших военнопленных офицеров писал после войны: «Ненависть к Советам, к большевикам – скажем откровенно, – в целом ненависть к москалям была так велика, что эмоционально порождала стремление выбраться куда угодно, хоть из-под дождя, да под водосточный желоб – под немецкую оккупацию».

Увы, немецкая оккупация закончилась для них быстро. И бесславно. В Катынском лесу, выстрелом в затылок… Немцы не оценили предпочтения польских офицеров. Примерно 30 миллионов поляков, проживавших в довоенной Польше, представлялись фашистам, как известно, явно избыточным количеством.

Здесь уместно поговорить о мотивах убийства поляков. Общеизвестно, что немцы не планировали уничтожить всех славян: ведь кто-то должен был обслуживать нацию господ. Намеревались фашисты сохранить жизнь и части поляков. Но не польским интеллигентам. По поводу их Гитлер дал совершенно четкие указания: «…все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены». Офицеры – это ведь тоже часть интеллигенции, к тому же худо-бедно, но способная на вооруженное сопротивление.

А зачем руководителям Советского Союза было убивать безоружных людей? В части мотива д-р Геббельс сильно подвел нынешних своих последователей: на кремлевских евреев расстрел поляков сегодня никак не спишешь. Но зато фюрер гитлеровской пропаганды показал своим выученикам, как можно съесть собаку и при этом не подавиться ее хвостом. Однажды он написал, что английский народ – это народ «без надежды», что он ведет «роковую» для него войну, в которую его вверг Черчилль. И это колченогий утверждал ровно за месяц до безоговорочной капитуляции Германии. Больная нога приносила И. Геббельсу

немалые нравственные страдания. Но других комплексов он явно не испытывал.

Несмотря на то, что д-р Геббельс не обеспечил своих последователей подходящим для нынешних времен мотивом убийства польских офицеров по приказу руководителей Советского государства, они не должны быть на него в обиде. Ну, не рассчитывал он в 1943 году, что в 1945 ему придется досрочно перебираться на тот свет. Но все-таки идейку насчет мотива успел подкинуть. Больше того, точно указал своим последователям, какие обвинения им следует предъявлять Советскому Союзу, на что необходимо напирать в пропагандистской войне: «…у поляков только один выбор – или быть насильственно истребленными или подчиниться Кремлю».

Прошли годы, и мы читаем у Ю. Зори: «Факт уничтожения органами НКВД польских граждан является одним из элементов политики репрессий, проводившейся в Советском Союзе не только против его граждан, но и граждан других государств». А другой подельник д-ра Геббельса пошел еще дальше: «Это был результат того самого иррационального мышления, которым руководствовались Сталин и Берия, совершая геноцид своего собственного народа». Но никто при этом не берется объяснить, почему Сталин и Берия проводили против польского народа какой-то выборочный геноцид. Одних расстреливали, а других обували, одевали, кормили и даже вооружали! А потом еще за счет Германии прирезали Польше весьма приличный кусок земли…

Подлые инсинуации нацистского преступника с энтузиазмом подхватили сами поляки. Весной 2005 года польский сейм заявил, что он ожидает «от Российской Федерации и российского народа признания, что убийство польских пленных было геноцидом». Конечно, чего уж мелочиться, довольствоваться признанием расстрела офицеров военным преступлением. Русские хотели уничтожить весь польский народ, иначе зачем же требовать, чтобы весь русский, нет, не только, весь российский народ признал геноцид? Впрочем, в формулировках сейм проявил умеренность. Он посчитал, что «это преступление… было частью плана двух тоталитарных государств – Третьего Рейха и Советского Союза – по порабощению Польши путем уничтожения» всего лишь «ее лучших и патриотично настроенных граждан». Между прочим, из этого заявления можно сделать вывод, что генерал В. Андерс и ушедшие с ним поляки не принадлежали к лучшим и патриотично настроенным гражданам Польши. Может быть, этим и объясняется, почему воинство В. Андерса подалось подальше от самых кровопролитных битв Второй мировой войны,

предпочтя бороться за освобождение своей родины подальше от ее границ. Ну, а что другого можно было ожидать от не лучших и непатриотично настроенных граждан?

Заявление сейма заканчивается требованием к российской стороне передать полякам все документы, собранные в ходе следствия. Я двумя руками поддерживаю это требование, правда, с оговоркой: пусть вначале российская власть рассекретит и обнародует материалы следствия. Но, как и депутаты польского сейма, я понимаю, что нынешняя власть на это не пойдет.

Не знаю, известен ли всем этим разоблачителям «сталинских злодеяний» приказ народного комиссара обороны И. Сталина № 55 от 23 февраля 1942 года. В нем есть такие строки: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить немецкое государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию… Иногда в иностранной печати болтают, что советские люди ненавидят немцев, именно как немцев, что Красная Армия уничтожает немецких солдат, именно как немцев, из-за ненависти ко всему немецкому, что поэтому Красная Армия не берет в плен немецких солдат, Это, конечно, такая же глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию.» Скорее всего не знают. Да и зачем им знать правду: клеветать с ощущением незапятнанной совести все-таки приятнее. Впрочем, если бы какому-нибудь из этих незнаек дать прочитать приказ, то, прочитав, он бы, как антисоветчики это делают всегда в подобных случаях, заявил, что сталинские слова – пропагандистский маневр.

О том, что население Германии поддерживало фашистский режим, который принес неисчислимые беды советскому народу, И. Сталин знал лучше других, но выступил против массового уничтожения немцев, как выступил против ликвидации германского государства. Истребление немецкого народа, уничтожение германского государства И. Сталин назвал в этом приказе «идиотской целью». И это говорилось в феврале 1942 года о смертельном враге! А ведь польские правители, несмотря на все их козни и подлость и планы захвата советской территории, польские офицеры, тем более польский народ таким врагом не рассматривались. Ни-ког-да! В политике советского руководства даже нельзя найти намека на какое-нибудь ущемление интересов польского народа. Но ненавидящих советское государство людей это совершенно не смущает.

Все эти зори, фалины, Лебедевы, ельцины и пр. не понимают, что И. Сталин был марксистом, и не понимают, что значит быть марксистом. И поэтому со своим кухонным мышлением обвиняют

И. Сталина во всех мыслимых и немыслимых грехах. Даже самые честные из них не в состоянии уяснить, что подходить к И. Сталину со своим мировоззрением, со своей моралью, буржуазной по самой природе, нельзя: в этом случае И. Сталина не понять. Потому-то некоторые «обличители», но далеко не все, конечно, искренне считают, что офицеров расстреляли по решению Политбюро ЦК ВКП(б). К сожалению, «кухонные образованны», которые даже не скрывают, что свои антисоветские университеты проходили на кухнях со стаканом водки под селедочку или соленый огурчик, никогда и ничего не поймут. Да они и не хотят понимать – сегодня им это просто невыгодно… Однако, может быть, я и ошибаюсь. Возможно, напротив, они все хорошо понимают и именно поэтому так остервенело клевещут на И. Сталина. Сделав из И. Сталина исчадие ада и персонифицировав в нем советскую историю, они тем самым убеждают людей в том, что само социалистическое общество, антипод нынешнего капиталистического строя России, который у нас именуют обществом с рыночной экономикой, является величайшим злом.

К счастью, большинство польских офицеров избежало участи поляков из смоленских лагерей. И даже приняло участие во Второй мировой войне. 30 июля 1941 года по инициативе советской стороны было заключено Соглашение между Правительством СССР и Польским Правительством, которым предусматривалось восстановление между странами дипломатических отношений, взаимная помощь и поддержка во время войны, организация на территории СССР польской армии. 12 августа Президиум Верховного Совета предоставил амнистию «всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на Советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях». Вероятно, освобождение поляков началось немедленно: к 31 августа в польскую армию было призвано почти 30 тысяч человек.

Сформированная в самое трудное для Советской страны время польская армия, как известно, не приняла участие в боях на советско-германском фронте. Использовав, как причину, трудности в СССР с продовольствием, ее командующий генерал В. Андерс добился от советского правительства разрешения вывести армию в Иран. С ним ушло 69 917 солдат и офицеров. 12 тысяч военнослужащих были направлены в Англию. Получилось так, как сказал 3 декабря 1941 года И. Сталин генералу В. Сикорскому:

– Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут… Обойдемся без вас. Отвоюем Польшу и тогда вам ее

отдадим.

Отвоевали. Отдали. Даже в значительно больших размерах, чем те, на которые смели надеяться поляки. И отдали за их нынешнюю жизнь 600 тысяч своих жизней. Теперь родственнички нас благодарят…

Несколько офицеров во главе с полковником З. Берлингом отказались последовать за генералом. В апреле 1943 года полковник стал одним из организаторов польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, положившей началу Войску Польскому, которое закончило войну на развалинах Берлина. Но это уже совсем другая история.

«Чистая правда» под запретом

Книга Юзефа Мацкевича «Катынь», которую я неоднократно цитировал в этих заметках, была переведена на русский язык в 1988 году, незадолго до смерти автора. Это своего рода энциклопедия антисоветских обвинений, «краеугольный труд», как назвал ее автор предисловия к книге на русском языке. Мне, конечно, очень хочется надеяться, что читатели этих заметок уже поняли, из каких углов состоит «труд» пана Мацкевича. Но, чтобы у читателей сложилось более полное представление о книге, о том, что пишут о Советском Союзе современные Геббельсы, я процитирую из нее еще несколько предложений. Вот, например, эти: «Здесь крестьянин не имеет права без разрешения покинуть свою деревню, рабочий – фабрику, горожанин – город… Въезд или вход в промышленный город и окружающую их полосу (от 20 до 100 км) требует особого разрешения…». Ну, а это его утверждение – просто дежурное блюдо на антисоветской кухне: «…в Советском Союзе действительно каждый человек в любую минуту может исчезнуть с лица земли, могут исчезнуть тысячи… но только по воле и с ведома властей». А вот пан Мацкевич делится своими воспоминаниями о пребывании в Катыни: «Штатских было мало, а те, кого мы видели, были оборваны и запуганы». Я здесь обрываю фразу, чтобы спросить читателей, чем, по их мнению, пан Мацкевич объясняет запуганность местных жителей? Тем, что они боялись оккупантов? Как бы не так! «Зная советскую жизнь, я не удивляюсь, тому что любой житель Смоленска старается говорить как можно меньше и больше пожимает плечами». Вот из такого материала сотворен «краеугольный труд» «Катыни» – одной из глав антисоветской летописи. Нет, не знают эти люди, что такое совесть… Да, по-моему, и умом не богаты…

И все-таки националисты не сумели отравить ядом ненависти к Советскому Союзу, к России, к русским всех поляков. В том же 1988 году, в начале декабря, корреспондент ТАСС в Лондоне Юрий Левченко передал в Москву корреспонденцию. Тогда ее в Москве «не заметили». Но она и сейчас представляет несомненный интерес.

Я взял ее текст из газеты «Воля», которую в начале 90-х годов редактировал Ричард Иванович Косолапов. Ю. Левченко на вполне «демократическом» языке сообщал в Москву: «Чудовищной провокацией, призванной замести следы кровавых преступлений гитлеровцев на оккупированной территории, посеять рознь между союзниками и вбить клин между народами

Советского Союза и Польши», – называет выдвинутые фашистской пропагандой в 1943 году и повторяемые кое-где и ныне обвинения СССР в уничтожении тысяч польских военнопленных в 40-х годах Ромуальд Святек, автор только что вышедшей в издательстве «Панда пресс» книги «Катынский лес».

Автор, поляк по национальности, впервые заинтересовался этим вопросом в сталинских лагерях, куда он был брошен, когда в 1949 году приехал из Англии, где жила его семья, на родину своих предков – в Советский Союз. Вместо свидания с родными местами он был арестован и несколько лет вынужден провести в компании с немецкими военнопленными, которые в послевоенные годы использовались на принудительных строительных работах в СССР.

Там он встретился с несколькими гитлеровскими офицерами, которые в годы войны служили под Смоленском и были хорошо осведомлены о событиях, связанных с преступлением в Катыни. Довелось ему говорить и с русскими заключенными, выходцами из Смоленщины, непосредственными свидетелями того, что на самом деле произошло в Катынском лесу.

Позднее, по возвращению в Англию после освобождения по амнистии в 1956 году, он долгие годы работал с архивом, тщательно собирал имеющие отношение к делу документы и свидетельства. Книга «Катынский лес» стала итогом его многолетнего кропотливого труда.

Опираясь на многочисленные фактические материалы, автор убедительно доказывает, что вся история с убийствами в Катынском лесу польских военнопленных офицеров была хорошо спланированной немецким командованием операцией, преследовавшей далеко идущие цели.

Оккупировав Смоленщину в начале войны, фашисты повели настоящую охоту за польскими офицерами, которые до войны содержались в Катынском лагере и были по амнистии освобождены правительством СССР незадолго до начала Великой Отечественной войны. (Ю. Левченко ошибается. Амнистию польские офицеры, напомню, получили 12 августа 1941 года. Поэтому лагерное начальство в первые дни войны и пыталось отправить поляков куда-нибудь на восток – авт.). Поляков хватали и немедленно уничтожали. Счет жертвам шел на тысячи.

В 1943 году, когда в ходе войны наметился перелом в пользу союзников, нацисты, предчувствуя поражение, приняли меры к тому, чтобы замести следы преступлений. Был разработан дьявольский план, направленный на то, чтобы переложить на СССР ответственность за уничтожение польских военнопленных.

По этому плану предписывалось вырыть братские могилы в

Катынском лесу, эксгумировать из всех окрестностей трупы убитых фашистами польских офицеров и перезахоронить их в новом месте, создав видимость «кровавой расправы большевиков над поляками». Для пущей убедительности в братские могилы накидали советские газеты за весну-лето 1940 года – ни днем позже.

Долгие месяцы осуществлялась чудовищная операция. По ночам в окрестностях Катыни натужно гудели тяжелые немецкие грузовики: к свежим могилам свозились выкопанные в Смоленской и соседних областях трупы польских офицеров. Местным жителям было строго запрещено выходить на улицы. Везли в Катынь и живых поляков, за которыми по-прежнему продолжали охотиться. Их расстреливали в лесу известным эсесовским приемом: пуля в затылок.

Когда операция была закончена, геббельсовская пропаганда протрубила о «зверском преступлении большевиков». Были представлены и «свидетели» из числа местных жителей, которые «подтвердили» версию о «расстреле польских офицеров советскими охранниками». Провокация была хорошо продумана, и версия событий в Катыни имеет хождение и по сей день.

В книге Р. Святека документально опровергается клевета фашистской пропаганды. Приводятся показания выживших «очевидцев», которые подтвердили, что «свидетельские показания» вырывались у них в гестапо с помощью пыток.

Подробно цитируются многочисленные рассказы подлинных очевидцев этих страшных событий, которые подтвердили и, дополняя друг друга, доказали, что преступление в Катыни было совершено гитлеровцами.

«Никого не должно удивлять, что нацисты сделали все, что в их силах, чтобы посеять недоверие между поляками и русскими, ибо они боялись их союза», – пишет Святек.

«В завершение этой грустной истории я бы посоветовал полякам раз и навсегда перестать питать неприязнь к своему восточному соседу из-за изменений географии и границ Польши в послевоенный период. На самом деле каждый истинный поляк должен быть не только удовлетворен таким исходом, но и питать чувство благодарности к тем, кто это сделал.

Когда я вернулся из трудового лагеря в 1956 году и посетил западные территории Польши, я понял экономическое значение новых польских границ и в душе даже простил Сталину страдания, которые выпали на мою долю и долю моей семьи, за то, что он был создателем новых польских границ… Поляки часто не знают, чем они владеют, и не хотят знать, что Советский Союз пожертвовал миллионами жизней своих граждан, чтобы поляки

имели свое независимое государство, которого без его помощи они никогда не имели».

Автору 80 лет. Книгу он издал на собственные сбережения. Выпущено в свет всего 1000 экземпляров. Сенсационный материал не находит спроса в Великобритании, где так часто раздаются сетования по поводу «нехватки свидетельств» о происшедшей в Катыни трагедии.

Автор не может даже найти магазин, который согласился бы позаботиться о продаже книги.

«Помогите, чтобы о моей книге узнали люди. В ней чистая правда», – сказал он в беседе с корреспондентом ТАСС.»

Примерно в то же время, что газета «Воля» опубликовала материал корреспондента ТАСС, «Военно-исторический журнал» перепечатал предисловие к книге Р. Святека «Катынь в свете английских документов». Мне кажется, что некоторые выдержки из этого предисловия будут также к месту и в этих заметках. Автор вначале рассказывает о своих мытарствах с изданием книги «Перед лицом Красного трибунала» еще в 1968 году. В целом рукопись издателям нравилась. Кроме одной главы. А именно той, в которой автор ставил под сомнение немецкую версию об убийстве польских офицеров. Не понравилась точка зрения Р. Святека и польской эмигрантской общине в Англии. С трудом Р. Святек нашел издателя, который согласился напечатать книгу, но при условии изъятия из нее главы о Катыни. Автору пришлось уступить.

И все-таки автор не сдался. «По натуре, пишет он в предисловии, я упорный человек, а кроме того, меня раздражала нетерпимость к иному мнению в среде польской эмиграции. Я проявил настойчивость и решил доказать, что прав. Без промедления направился в Лондонский архив, где изучил большое количество документов, относящихся ко временам второй мировой войны, начиная с апреля 1943 года.» К великому изумлению автора, он «там обнаружил чрезвычайно интересную переписку между Москвой и Лондоном». Из нее Р. Святеку стало совершенно ясно, что «в 1943 году британское правительство было полностью убеждено в том, что массовое уничтожение польских офицеров в Катыни дело рук нацистов. Президент США Рузвельт был абсолютно такого же мнения.

Изучив все документы, касающиеся Катыни, я окончательно понял, почему англичане оказывали такое грубое давление на польского премьер-министра того времени Сикорского, чтобы отозвать обратно запрос польского правительства в Международный Красный Крест в Женеву на проведение расследования катынской резни».

Как и все или как и многие польские эмигранты в Англии, Р. Святек верил утверждениям гитлеровцев. Пересматривать свой взгляд на события в смоленском лесу автор стал, как он сам пишет, после того как оказался «в советском лагере в Воркуте среди немецких военнопленных, членов польского ополчения, власовцев, бандеровцев, воевавших на стороне Германии, а также среди различных противников советского тоталитарного режима. Там, в лагерях, часто горячо обсуждались вопросы относительно катынской бойни».

За семь лет, что Р. Святек находился в советских лагерях, он встречался, как сам пишет, «с сотнями немецких военнослужащих, которые говорили, что после осады Смоленска летом 1941 года они видели лагеря с польскими военнопленными на оккупированной немцами советской территории». А в одном из лагерей, № 4 в Норильске, Р. Святек встретил капитана польской армии Владыслава Зака, жителя Кракова, который еще в начале июня 1941 года находился в одном из лагерей под Смоленском. Капитан избежал расстрела только потому, что его за две недели до начала войны перевели в какую-то московскую тюрьму. Предисловие к книге Р. Святек заканчивает еще одним «доказательством». Я не случайно взял это слово в кавычки, потому что это – все-таки не доказательство. Но возразить автору, мне кажется, просто нечем: «Пусть поляки думают, что наши офицеры погибли от рук НКВД, но я сам все-таки **не могу поверить, что Сталин был настолько глуп, чтобы доставить польских офицеров ближе к польской границе лишь для того, чтобы здесь их убить».**

Нетрудно заметить, что книга Р. Святека – это повторение всех выводов Специальной Комиссии. Но в отличие от членов Комиссии Н. Бурденко его свидетелями были не русские колхозники и другие советские граждане, а еще и немцы – недавние враги Советского Союза. И если несколько тысяч советских граждан от академика Н. Бурденко и митрополита Николая до единоличника П. Киселева и священника А. Оглоблина, как уверяет вся эта антисоветская рать, органы НКВД заставили лгать, то о свидетелях – немцах этого они сказать никак не могут. Немцев вообще никто за язык не тянул. Как и поляков, которые подтверждали существование лагерей с польскими военнопленными офицерами вплоть до начала войны. Хочу подчеркнуть, что свидетельство капитана В. Зака – не единственное, исходящие с польской стороны. Однако и их свидетельства, как и все, разоблачающие фашистскую провокацию, игнорируются.

Уверен, что Ромуальд Святек – не единственный вдумчивый и

честный поляк. Но сегодня, как и в двадцатых годах прошлого века, в конце его, в Польше – время современных пилсудских, сикорских, андерсов, время мадайчиков, мацкевичей, валенсов и им подобных, для которых «чистая правда» о Советском Союзе – страшнее кары небесной. На родине просьбу честного и мужественного сына Польши Ромуальда Святека эти люди услышать, конечно, не захотели: интересам рвавшихся и дорвавшихся до власти русофобов она никак не соответствовала… Интересам их советских и российских единомышленников тоже.

Фальсификаторам неймется

Поведение поляков, стремящихся во что бы то ни стало обвинить Советский Союз в преступлении гитлеровцев, можно объяснить. Ненависть к России, к русским – это у поляков что-то сродни наследственной болезни. Русофобия, видимо, существует у них уже на генном уровне. После войны политика Советского государства в отношении Польши, усилия Польской объединенной рабочей партии установить и укрепить дружбу между польским и советским народами притупили вековую ненависть поляков к соседям. Но, вероятно, несколько десятилетий – это не срок для ликвидации в польском обществе русофобии как явления. К тому же многие члены ПОРП укрепляли эту дружбу точно так, как миллионы членов КПСС, прятавшие за пазухами камни, чтобы в удобный момент бросить их в Советскую власть, строили коммунизм.

Так что с поляками все понятно: ненависть далеко не всегда подвигает людей на правое дело, нередко наоборот – на неправое. В таких случаях никакие доводы не способны образумить людей. А что двигает отечественными сподвижниками Геббельса? Ненависть к социалистическому строю и тоже русофобия? Да, конечно.

Антисоветизм не может «питаться» лишь ошибками партийного и государственного руководства, даже всей партии. Ошибки, по В. Далю, – это лишь погрешности, неправильности, промахи, огрехи. Ошибка – не обман, разъяснял В. Даль. Скомпрометировать, опорочить Советскую власть, тем более социализм никакими ошибками невозможно. Поэтому антисоветизм неизбежно прибегает к клевете.

Но уже нет Советского государства. На дворе – хотя и уголовный, даже с точки зрения права современной России, по формам присвоения собственности, но во всем остальном вполне «нормальный» капитализм. Так зачем сегодня поддерживать все новые и новые требования поляков, если мечта антисоветчиков осуществилась? И, тем не менее, антисоветская кампания порою доходит до истерики. А спекуляции на Катынской трагедии тиражируются печатными средствами России миллионами экземплярами газет, журналов и книг, поддерживаются правящими кругами страны. Разоблачать клеветников негде и некому, складывается впечатление, что среди российских историков нет порядочных людей. Но в это поверить, несмотря на то, что историки-оборотни мельтешат на телевизионных экранах, как осы около своих гнезд, невозможно. Тем не менее, им не

удается заглушить полностью голоса честных исследователей, таких как Ю. Мухин или В. Швед, мужественно и убедительно разоблачающий всю эту бесчисленную ораву клеветников.

Интернет же – это вообще безбрежный оглушающий поток клеветы, только на русском языке – это десятки и десятки тысяч страниц, нередко такой гнусности, что берет оторопь: как можно! Редко-редко в нем можно разобрать слабый голосок правды. Материалы же, в которых аргументированно разоблачаются утверждения клеветников, исключая публикации Ю. Мухина, в Интернете можно найти лишь случайно или только в результате уж очень настойчивых поисков. Один такой я нашел.

На мой взгляд, он имеет весьма важное значение для разоблачения одного из самых расхожих «доказательств». Дело в том, что в Сообщении Комиссии лагеря особого назначения, в которых содержались поляки, только названы, но не указана их дислокация. Правда, месторасположение лагерей указано в «Справке о результатах…» с точностью до километра, но «Справка…» – документ малоизвестный. Этим обстоятельством и пользуются как польские, так и российские обличители Советской власти. Не было никаких лагерей в Смоленской области, твердят они, иначе Комиссия указала бы их месторасположение. В обнаруженном мною материале указаны населенные пункты, где находились лагеря, их официальные названия, приведены фамилии начальников лагерей, словом, он содержит исчерпывающую информацию. Мне очень хотелось им воспользоваться в этих заметках, однако, к сожалению, сделать этого не смог: я не нашел в материале никаких ссылок на источники. А ссылаться на анонимный источник при разоблачении немецкой провокации – это дать нынешним антисоветчикам и русофобам повод для новых инсинуаций.

Возможно, источником честной информации станет сайт «Правда о Катыни». В декабре 2006 года я нашел на нем информацию, которую, кажется, дружно замолчали государственные и «демократические» средства массовой информации. По-моему, это очень многозначительное умолчание, если учесть, что информация содержит то же самое требование, которое постоянно выдвигают поляки и доморощенные антисоветчики. На сайте вывешено обращение депутата Государственной Думы А. Савельева к Генеральному прокурору Российской Федерации Ю. Чайке с предложением возобновить следствие по «Катынскому делу». Как же так? Все эти Шейнисы, филатовы, чудаковы и пр. получают поддержку от представителя высшего законодательного органа страны – и на тебе: никакой реакции, хоть бы для приличия кто-нибудь одобрил призыв

депутата. Но ничего странного в их позиции нет. Депутат предлагает возобновить следствие в связи «с вновь открывшимися обстоятельствами», не конкретизируя их. Однако он ставит перед прокурором вопрос так, как только и может его ставить патриот и гражданин России. Обращение А. Савельева не оставляет никаких сомнений в том, что «открывшиеся обстоятельства» – не в пользу гитлеровской версии. А. Савельев, например, спрашивает Генерального прокурора, исследовались ли военными прокурорами заявления поляка Вацлава Пыха о том, что перед нападением Германии на Советский Союз он находился в заключении в лагере № 2 – ОН, и немца Вильгельма Шнейдера о том, что в расстреле польских офицеров принимал участие полк «Gross Deutschland»? Эти заявления сделаны очень давно: в конце сороковых и начале пятидесятых годов. У военных прокуроров СССР было время использовать их показания для поиска дополнительных свидетельств, разоблачающих гитлеровских провокаторов. Но за такие дела папа римский, конечно, не похвалил бы ретивого генерал-лейтенанта юстиции Л. Заику. А вот прокуроры Российской Федерации, очень похоже, и обнаружили следы, на которые указывал бывший солдат вермахта. Во всяком случае, Генеральная прокуратура России не смогла своевременно ответить на запрос депутата и продлила срок рассмотрения его обращения на месяц. Забот у Российской прокуратуры хватает, это мы знаем, но неужели у прокуроров не было физически возможности своевременно ответить депутату Государственной Думе?

Да, к великому сожалению, материалов, так или иначе разоблачающих фальсификаторов истории, ничтожно мало. Преобладают такие, как я нашел на сайте www. volnet. ru, – без названия и без подписи. Уже первые строчки – грубая ложь: «В лесной глуши под Смоленском весной 1940 года были тайно расстреляны тысячи польских офицеров, искавших спасения в России после гитлеровского вторжения в Польшу. С первых дней пребывания в плену польские офицеры вели полуголодное существование, у них не было никакой возможности связаться с семьями». И ложь злонамеренная. «Лесная глушь под Смоленском» звучит просто дико, но автору нужно убедить своих читателей в том, что место расстрела было недоступно постороннему взгляду, что там можно было убить тысячи человек, поэтому и приходится выдавать пригородный лес за глухомань. А утверждение, что польские офицеры искали спасения в ненавистной им России, – это то же самое, что «лесная глушь под Смоленском». И, между прочим, оскорбление гордых панов. Но, конечно, и панской гордостью можно пренебречь, коль надо

изобразить большевиков зверями, которым недоступно ничто человеческое. Знает автор, не может не знать, что прекращение переписки поляков с родными и близкими весной 1940 года объявлено одним из доказательств расстрела офицеров по приказу советского руководства. Но до этого времени переписка ведь велась. Да и кормили интернированных, ставших затем военнопленными, вполне нормально – этому есть свидетельства самих поляков. Но лжет, лжет и лжет поганец-аноним…

А вот самые душераздирающие строки в этой фальшивке: «Доставленных узников одного за другим высаживали из «черного воронка» и, не мешкая, готовили к казни – это была процедура, за многолетнюю практику отлаженная убийцами до совершенства. Руки жертвы связывали за спиной, на шее завязывали другую веревку. Шинель задирали кверху и, как саван, натягивали поверх головы. Веревку с шеи пропускали по спине вокруг связанных рук. Затем с силой, до резкой боли, натягивали ее, так что руки жертвы выкручивались до лопаток, веревка вновь захлестывалась на шее. Малейшая попытка опустить руки отдавалась резкой болью, повторные попытки приводили к удушению.

Обреченных одного за другим подводили к краю ямы. На многих телах остались глубокие раны от четырехгранных штыков – доказательство того, что даже в этой безнадежной ситуации жертвы продолжали сопротивляться палачам.

Тела убитых падали в ямы, затем трупы, как бревна, укладывались в штабеля, которые обливались известью и засыпались песком с помощью бульдозера. Тонны песка спрессовали тела и буквально мумифицировали их, а известь не произвела ожидаемого эффекта.

По двенадцать часов в день в течение шести недель ничто, кроме пистолетных выстрелов, не тревожило тишину девственных лесов».

У какого человека с нормальной психикой, прочитавшего эти строки, сердце не обольется кровью, не наполнится ненавистью к извергам – большевикам? А читающих эти строки антисоветчиков одно только и может утешить: большевики за двадцать с лишним лет господства так и не научились изготавливать известь хорошего качества, и потому им не удалось скрыть следы своего преступления. И, конечно, восхититься мужеством поляков, которые и с выкрученными до лопаток руками, с веревками на шее и в задранных поверх голов шинелях бросались на штыки палачей. А как описано убийство! Как будто автор шесть весенних недель 1940 года по 12 часов в сутки самолично сидел на ближайшей к могилам сосне и наблюдал, не слезая с нее, за зверствами сталинских сатрапов! Но постольку, поскольку даже

теоретически невозможно допустить, что аноним из Интернета сидел семь с лишним десятков лет тому назад на сосне в «девственном» Катынском лесу, то причину его «осведомленности» следует искать где-то еще.

Это нетрудное занятие. Источник его информированности – отчет профессора медицины доктора Бутца, конечно, подготовленный им для тех, кто направил этого специалиста в Катынь. Больше такие сведения почерпнуть негде, если не считать малоизвестную «Справку о результатах…». Есть у профессора и веревки, и задранные на головы шинели, и четырехгранный штык, и физические мучения. Но его отчет – невыразительный эскиз по сравнения с трагической картиной, созданной неизвестным лжецом в Интернете. Профессор Бутц – эксперт, он понимает, что в его отчете должна быть точность. И он приводит данные. В четвертой и шестой могилах у всех трупов связаны руки. В могиле «L» – самой большой – у пяти процентов трупов. Во второй и пятой могилах руки оказались связанными в «единичных» случаях. Головы у убитых были замотаны в шинели «у большинства тел в могиле № 5» – самой небольшой могиле и в «единичных случаях» в других.

Далее он пишет, что при исследовании тела поручика Стефана Мейстера были обнаружены дыры в одежде, нанесенные «безусловно, граненым штыком». Откуда знает, что граненым? Оказывается, ему уже приходилось расследовать «советские преступления в прибалтийских странах» и тогда ему «представлялась возможность наблюдать такие штыковые раны». (Можно себе представить, какой вой устроили находящиеся сейчас у власти в этих странах потомки фашистских прихвостней, если бы они могли привести пусть даже один пример применения солдатами НКВД штыков!)

Уже в следующем абзаце следы ударов штыком появляются и на плечах поручика. А потом профессор Бутц как-то плавно превращает поручика Мейстера «в часть катынских жертв», которым «причиняли физические страдания ударами штыков». Но ни плохого качества извести, ни тонны песка профессор Бутц в могилах все-таки не обнаружил.

Связанные руки и следы штыков есть и в отчете Международной комиссии. Напомню, что писал его тот же профессор Бутц. Однако отчет Международной комиссии должны были подписать еще 11 человек, все ли они подтвердили бы то, что не видели – это был вопрос. И «честный человек» Бутц, как его аттестовал в «Катыни» Ю. Мацкевич, ссылаясь на своего знакомого, тоже, несомненно, честного человека, рисковать не стал и описал в отчете то, что все и видели: «У многих трупов

отмечены связанные одинаковым способом руки, в нескольких случаях – следы удара штыком по одежде и коже». И все.

Вот именно, что «все». А современным российским ученикам гитлеровского министра пропаганды этого недостаточно для дискредитации своей родины. Они идут на самые гнусные инсинуации, лишь бы выставить Советский Союз в самом омерзительном виде.

Однако, описывая казнь, аноним невольно сделал разоблачающее его признание. Он написал: «Каждого ожидало то, что немцы называли «Nackenschuss», – выстрел в затылок, который вызывал мгновенную смерть при незначительной потери крови. Этот способ был доведен до совершенства в бесчисленных подвалах НКВД…». Почему аноним совсем не к месту для самого себе вспомнил немцев, лучше объяснят психианалитики, основываясь на выводах Зигмунда Фрейда. Но не только члены Специальной Комиссии знали, после Второй мировой войны этот факт стал широкоизвестным: так убивали фашистские палачи, это был их излюбленный метод убийств. Хотя дело не в любви. Рациональные немцы нашли его самым эффективным способом при расстреле людей небольшими партиями, потому и широко применяли.

Мне, и я, конечно, не исключение, тяжело до отвращения читать подобные материалы и невыносимо больно от мысли, что так низко пали некоторые мои соотечественники. Однако этот аноним меня и утешил, даже порадовал. Я, разумеется, со школьных времен знал, что большевики умели смотреть в будущее, и не только: они это будущее еще и создавали. Но что большевики были до такой степени проницательными людьми, что еще за год с лишним до гитлеровского нашествия, еще за год с лишним до того, как фашистские изверги начнут своим «Nackcenschuss» убивать военнопленных, партизан, подпольщиков, заложников, прознают об этом «Nackcenschuss'e», конечно, я и думать не мог…

Но неужели кому-то из этих обвинителей все еще непонятно, что их обвинения – лишь мазки грязными красками, которыми на Западе с давних времен вполне сознательно создают мрачный образ России, их Родины? Не хочется в это верить, но, кажется, им все понятно…

В марте 2006 года в средствах массовой информации прошло сообщение о том, что Главная военная прокуратуру России отказалась признать расстрелянных поляков жертвами политических репрессий. Обвинения в расстреле офицеров «по приказу Сталина и Берии» она даже под легкое сомнение поставить не рискует, а признавать поляков жертвами

политических репрессий все-таки отказалась. Боже мой, какая свистопляска опять началась в Польше! Самый главный ныне польский патриот Лех Качиньский, он же президент Польши, заявил, что «Позиция ГВП была с возмущением воспринята польским обществом». И это, кажется, самая спокойная реакция.

Едва в Польше аукнули, в России немедленно откликнулись. Подала свой голос и весьма популярная в среде обывателей газета «Совершенно секретно». Никаких секретов эта газета не раскрывает, нет их и в материале «Особая папка» снова закрыта», посвященном решению Военной прокуратуры. В фактологическом отношении статья абсолютно неинтересна. Мое внимание публикация привлекла другим: ловкостью, с которой ее автор господин Абаринов полностью сфальсифицировал историю российско-польских и советско-польских отношений.

Статью об отказе Главной военной прокуратуры Российской Федерации признать расстрелянных поляков жертвами политических репрессий В. Абаринов начинает с разоблачения полонофобии… Александра Сергеевича Пушкина. Он цитирует четыре строчки из его стихотворения:

> «Так высылайте ж нам, витии,
> Своих озлобленных сынов:
> Есть место им в полях России
> Среди нечуждых им гробов».

Мало того, что великий русский поэт ненавидел поляков, он, оказывается, еще и кровожаден был. Да и как злопамятен! Не забыл, как его предки убивали поляков двести лет.

А далее, уже от себя поясняет, что поэт написал два стихотворения, которые в наше время вошли в моду. Одно – «Клеветникам России» – ответ поэта некоторым депутатам Национального собрания Франции (Могену, Лафайету и другим, которые требовали от правительства вооруженного вмешательства в русско-польский конфликт, которое г-н Абаринов предпочитает называть «помощью»). Второе – «Бородинская годовщина» – ода на взятие Варшавы русскими войсками и их командующему генералу И. Паскевичу, «тоже обращенная к Европе. Обращаться к полякам Пушкин считал излишним». Затем В. Абаринов сообщает читателям, что даже сердечный друг поэта князь П. Вяземский с большим неодобрением отнесся к этим стихам. Правительственные меры, утверждает автор, не пользовались популярностью в русском обществе и уж если не во всем, то, по крайней мере, в той его части, мнением которой дорожил поэт.

Говорить о том, что дворянская Россия не поддерживала политику правительства, то есть самого царя, это просто несерьезно. Что же касается той части русского общества, мнением которой А. Пушкин дорожил, то более чем нереально, чтобы и оно в большинстве своем не одобряло правительственные меры – разгром восстания. Я пролистал книжку Л. Черейского «Пушкин и его окружение». В ней – две с половиной тысячи фамилий. Даже если исключить сотни случайных знакомых, мнение которых, будем считать, поэту было безразлично, то и после этой процедуры в списке его знакомых останется огромное количество фамилий людей, чьим мнением А. Пушкин не мог не дорожить. И мне трудно себе представить, что в среде титулованного дворянства, высокопоставленных чиновников, гвардейских офицеров, петербургской знати, а именно в их обществе вращался поэт, господствовало какое-то антиправительственное единомыслие.

Но главное в другом. В стихах поэта нет неприязни к полякам. Они, заявляет А. Пушкин,

«…не услышат песнь обиды
От лиры русского певца».

В первом стихотворении в поэтической форме дана очень точная оценка состояния российско-польских отношений и причин многовекового противостояния двух народов:

«…это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
…
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас…»

И за что вы вообще ненавидите нас, задает вопрос поэт? Не за то ли, что русские освободили Европу от Наполеона

«И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?»

А уж если попробуете прийти к нам еще раз, предупреждает поэт единомышленников французских депутатов, то вам найдется

место между «нечуждых гробов», то есть рядом с могилами наполеоновских солдат.

Во втором стихотворении звучит и возмущение поляками. И не мог русский А. Пушкин остаться равнодушным к целям, которые ставили перед восставшими их руководители. В Советском Союзе восстание 1830–1831 годов изображалось как борьба поляков за независимость своей Родины. Конечно, это так и было. Но, видимо, чтобы не омрачать советско-польскую дружбу, никогда не указывалось, в каких пределах полякам виделась возрожденная, независимая Польша. А в тех, в которых она существовала до Андрусовского мира 1667 года. Чтобы не утомлять читателей перечислением территориальных претензий, которые выдвигали руководители восстания, скажу лишь, что Смоленское воеводство, нынешнюю Смоленскую область, Польша признала за Россией лишь по Андрусовскому миру.

Оба стихотворения неоднократно печатались в Советском Союзе. Но это не те стихи, которые люди читают, перечитывают и запоминают. Так что среди читателей «Совершенно секретно» наверняка немногие знали их содержание. А ведь в свете утверждений В. Абаринова о полонофобском смысле стихов и в свете их подлинного смысла четыре строчки, вынесенные этим господином в начало статьи, воспринимаются совершенно по-разному.

Разоблачив антипольские настроения Александра Сергеевича, попутно «лягнув» советских пушкинистов, проявлявших «чудеса казуистики», чтобы замазать тот факт, что «солнце русской поэзии не любит братский народ», пригвоздив затем к позорному столбу за похвалу графа Муравьева еще двух поэтов, составляющих славу русской литературы, – Ф. Тютчева и Н. Некрасова, г-н Абаринов переходит к «освещению» советско-польских отношений. Он пишет, что в Польше отметили юбилей «чуда на Висле» – разгром войск Тухачевского под Варшавой в августе 1920 года. И далее: «Лозунг похода Тухачевского был «Через труп Польши – к мировой революции!» Однако поражение под Варшавой переломило ход войны. Блицкриг не получился. После этой битвы большевистские армии только отступали».

Даже двоечники советских школ увидят, что в каждой строчке г-на Абаринова – ложь. Но значительная часть читателей «Совершенно секретно» – это новое поколение, обработанное неисчислимыми мегабайтами антисоветской клеветы. Оно ничего не знает о третьем походе Антанты, в котором военному нападению Польши на Советское государство отводилась заглавная роль. Панам тогда казалось, что они в нескольких шагах от создания «великой Польши от моря до моря». Крах этих

бредовых планов алчных родственничков – это, видимо, результат отступления «большевистских армий». По Абаринову выходит так.

Кстати, напали на нас поляки без объявления войны. (Не позаимствовал ли Гитлер в 1941 году их опыт?) Можно не сомневаться, что большинство читателей «Совершенно секретно» и не подозревает о многочисленных попытках Советского правительства (оно соглашалось даже на территориальные уступки соседке) предотвратить войну. Однако у них еще со школьной скамьи, когда им рассказывали о походах князей Олега и Игоря на Византию, о походах князя Святослава на хазар, в Дунайскую Болгарию, слово «поход» (в военном значение) ассоциируется только с какими-то наступательными действиями. А уж слово «блицкриг» после завоевания гитлеровской Германией той же Польши и нескольких других стран Западной Европы просто неотделимо от понятия «агрессия». Поэтому из писанины г-на Абаринова, все, кому неизвестно, что «поход на Варшаву» был всего лишь вынужденной контрнаступательной операцией Красной Армии, сделают только один вывод: Советская Россия в 1920 году напала на Польшу, продолжив, таким образом, антипольскую политику царской России. До такой фальсификации истории не мог додуматься даже неистощимый на антисоветские инсинуации бывший драматург и любимый историк американского президента Буша Э. Радзинский. Он хоть написал: Польша напала…

Затем Абаринов пытается внедрить в сознание своих читателей мыслишку о том, что Польша по-существу никогда и не была врагом России. Ну, если только совсем немножко. И даже не Польша, а отдельные ее граждане. Для этого В. Абаринов возвращает читателей во времена Смуты. Напоминает, что царь Дмитрий (он не называет его самозванцем) был русским, что преимущественно из русских состояло его войско, что Москва с ликованием встретила царя. Потом его подло убила клика Шуйского, но Смута от этого не прекратилась. Потом бояре изгнали и Василия Шуйского, пригласив на русский престол Владислава, сына польского короля Сигизмунда. «Пока московские бояре, пишет В. Абаринов, делили власть, оставшийся в Кремле вконец оголодавший отряд сдался на милость горожан. Состоял он преимущественно из датских и шведских ландскнехтов».

О национальном составе интервентов, засевших в Кремле, мне известно немного. То, что среди поляков были и иностранные наемники, это ясно хотя бы из грамоты князя Пожарского, посланной им осажденным с предложением сдаться. Но

«преимущество» «датчан и разных прочих шведов», похоже, – плод буйной русофобии г-на Абаринова. Во всяком случае такой кропотливый исследователь архивов, как историк С. Соловьев, следов преобладающего присутствия в Кремле наемников из Дании и Швеции не обнаружил. Он писал исключительно о поляках. Не заметил в Кремле иностранных наемников и Н. Костомаров, автор монографии «Смутное время Московского государства» – фундаментального труда, написанного на редкость с тщательной прорисовкой деталей. Поляков, как и С. Соловьев, он в Кремле обнаружил, а других иностранцев нет, хотя за десять дней до сдачи они среди осажденных находились. Может быть, наши братья их съели? Или не успели, а лишь приготовили к трапезе? Российские и советские историки не стали устанавливать, чьи тела находились в обнаруженных русскими, к их ужасу, в чанах, в которых поляки варили себе еду. И обратите внимание, как простенько г-н Абаринов внушает своим читателям мысль о том, что ополчение Пожарского и Минина никакой роли в освобождении Москвы от интервентов не играло. Какой князь Пожарский? Какой гражданин Минин? Какое народное ополчение? Замшелый антисоветчик и русофоб Абаринов о нем просто не упоминает. Было ли оно вообще? Был ли у русских подъем национального самосознания, который и привел к созданию народного ополчения? Несчастные, измученные поляки сдались горожанам…

Вот так в изложении г-на Абаринова выглядят самые трагические до нападения на нас гитлеровской Германии страницы отечественной истории. Хотя бы для приличия сказал, что самозванец пришел из Польши!

На фоне столь омерзительного искажения истории собственной родины другие лживые пассажи г-на Абаринова выглядят какими-то пустячками. Но, понятно, и они имеют свою цель. Так он, например, сообщает, что 29 марта (вообще-то 29 апреля – авт.) к эксгумации останков приступила комиссия экспертов из оккупированных и нейтральных стран во главе с профессором Вроцлавского университета Герхардом Бутцем. Только «экспертов из нейтральных стран», я писал об этом в начале заметок, не было в комиссии. Был один и из одной – Швейцарии. Все остальные – из оккупированных стран и государств-сателлитов Германии. Но ведь к сообщению комиссии, состоящей, возможно, даже наполовину из экспертов нейтральных стран, доверия больше, чем к заключению комиссии, в которую входит один-единственный гражданин нейтрального государства. И Г. Бутц не был профессором Вроцлавского университета. По той простой причине, что в 1943 году не существовало польского

города Вроцлава, а был уж много столетий немецкий город Бреслау, в университете которого и работал немец Герхард Бутц. Но к мнению профессора неуказанной национальности из польского университета доверия у читателей, разумеется, больше, чем к утверждениям немца-профессора из немецкого университета. Между прочим, В. Абаринов не первый, кто пускается на маленькие хитрости с переименованием университета. Такие вот у них приемчики утверждения правды.

Конечно, В. Абаринов не забыл заклеймить как «насквозь лживое» Сообщение Комиссии Н. Бурденко. Затем он ни к селу, ни к городу пишет, что армия Андерса «покрыла себя славой в ожесточенных боях за перевал Монте-Кассино в Италии.» (О том, кто кого покрыл, то ли поляки себя, то ли их г-н Абаринов, мне известно еще меньше, чем о национальном составе каннибалов. Но, кажется, немецкий генерал Курт Типпельскирх, автор изданной у нас в 1956 году «Истории второй мировой войны», с ним не согласен. В его 600-страничной «Истории» о сражении под Кассино написано: «Так как польскому корпусу прорваться севернее Кассино не удалось, обстановка на этом участке фронта оставалась сносной». И тут же дает оценку американцам и французам, которые «тем временем с исключительным упорством продолжали развивать наступление…». Но, если немцы под огнем поляков чувствовали себя сносно, то, по-моему, г-н Абаринов весьма преувеличил мужество своих героев.)

Вспомнив далее М. Горбачева, который, по уверению автора, «не нашел в себе мужества вскрыть «особую папку» – пакет под номером 1», но в апреле 1990 года все-таки признал вину НКВД, и Б. Ельцина, который «и передал копии документов президенту Польши», автор, наконец, переходит к теме статьи – решению Главной военной прокуратуры. Но сказать ему по этому вопросу, как выясняется, нечего.

Требования родственников польских офицеров признать расстрелянных жертвами политических репрессий, может быть, и имеют какую-то моральную подоплеку, но и материальную тоже. Решение прокуратуры лишает этих людей возможность получить денежную компенсацию. Абаринову, видимо, неловко прямо упрекнуть прокуратуру в том, что она не дала полякам подоить российский бюджет. И он начинает крутить. Зачем полякам нужна эта реабилитация? Что она им даст? Небольшая материальная компенсация, жилье, бесплатное протезирование зубов – все это полякам не требуется. То есть В. Абаринов внушает читателям, что компенсацию полякам стали бы выплачивать в тех размерах, что и советским гражданам. Да?! А может быть, в тех размерах, в которых немцы за преступления своих отцов и дедов выплачивали

компенсации евреям, да и сейчас тратят немалые средства на содержание евреев-пенсионеров, приезжающих на постоянное жительство в ФРГ из других стран.

Но если родственники расстрелянных офицеров «ничего этого» не хотят, то что же им тогда нужно? В. Абаринов разъясняет: «Они просто хотят знать, что сталось с их мужем, отцом, дедом. Они до сих пор этого не знают». Как не знают? Не знают, но, тем не менее, подали в Европейский суд по правам человека жалобу на российские власти, которые не желают признавать расстрел офицеров геноцидом? Как такое возможно? Или родственники убитых поляков, а их, говорят, 800 тысяч – люди, потерявшие рассудок?.. Да, трудно и капитал у поляков прибрести и невинность в глазах соотечественников соблюсти. Опыт многолетнего литературного шулерства не всегда помогает.

Надо сказать, что материал, опубликованный В. Абариновым в «Совершенно секретно», – лишь маленький эпизод в его неутомимой почти двадцатилетней деятельности по «разоблачению» советской истории. У него есть даже целая книга «Катынский лабиринт». Публикация в ежемесячнике «Совершенно секретно» дает полное представление о том, какие приемы использовал автор при ее подготовке. Кстати, для автора, родившегося в советское время, получившего высшее образование, занимавшего весьма престижную в те годы должность заведующего отделом в «Литературной газете», советская история, по его собственному выражению, – «гниющий пень». Его, утверждает В. Абаринов, надо выкорчевать. Видать, сильно не хочет этот господин, чтобы что-то напоминало ему и подобным ему, что они и живут сегодня только потому, что было в мире такое государство – Советский Союз, сокрушивший фашизм.

Но, думаю, желание избежать укоров совести не является определяющим в их поведении. А, возможно, я ошибаюсь, возможно, проблемы совести их вообще не интересуют. А вот то, что г-н Абаринов весьма поскромничал, объявляя о своих целях, – это уж точно. На примере публикации в ежемесячнике ясно видно, что задача у него куда более масштабная: ему и его подельникам не терпится выкорчевать из сознания народов России, прежде всего русского народа, всю историческую память. Не сомневаюсь, читатели уже вспомнили, кто носился с планами уничтожения исторической памяти великого народа, кто считал, что этому народу, точнее, той его части, которую они оставят жить для обслуживания нации господ, достаточно уметь немного считать и читать. Так что никакой случайности в том, что абариновы продолжают дело главного пропагандиста немецкого

нацизма, нет. Без помех, под шумные протесты против наступления русского фашизма.

Однако чего еще можно ожидать от автора газеты, в общественном редакционном совете которой чуть ли не половина иностранцев?! А российскую половину представляют ее граждане вроде писателя Д. Гранина, не постеснявшегося воспеть фашистского прислужника Тимофеева-Ресовского. Или литератора Л. Аннинского, умиляющегося декоративной бородой А. Солженицына, который убеждает своих читателей в том, что в победе фашистов не было никакой угрозы русскому народу. Повторять вслед кумиру, что русским в этом случае только бы пришлось заменить портрет с усами на портрет с усиками, г-н Аннинский не осмеливается, но мыслишку насчет благодетельности для его родины закабаления ее иностранными государствами, тем не менее, проводит. Но если бы люди, которых, по-моему, чересчур мягко называют агентами влияния Запада, были бы лишь не имеющими прямого влияния на принятие решений писателями и журналистами…

В девятом номере за 2006 год журнала «Новая Польша» напечатано интервью Вацлава Радзивиновича с Борисом Носовым. Конечно, я не ждал, что в «Новой Польше» под заголовком «Поиски «анти-Катыни» будет опубликован честный разговор. И все-таки был поражен…

«Насколько память о польско-большевистской войне 1920 года, – задает первый вопрос корреспондент, – еще жива в сознании русского народа?»

Ну, понятно, благородные паны воевали не за создание великой Польши от моря до моря, не с Россией, не с русским народом, а всего навсего хотели освободить его от тирании большевизма. А Западную Украину и Западную Белоруссию хапнули себе исключительно ради счастья украинцев и белорусов.

«Что значит «еще», – отвечает собеседник. – Ее никогда и не было».

Не было польско-большевистской войны? В. Радзивинович, видимо, не понял, что хотел сказать собеседник: «Ее предали забвенью?»

«Нет, ее и не существовало, – объясняет Б. Носов. – С самого начала официальная советская пропаганда избегала подчеркивать, что в 1920 году война велась между Польшей и Советским Союзом». Ну, слава богу, хоть не повторяет поляка. Однако, что значит «избегала подчеркивать»? Беру с полки «Историю СССР», изданную Политиздатом в 1958 году. В разделе «Гражданская война» читаю: «Для осуществления этой задачи империалисты использовали буржуазно-помещичью Польшу и

барона Врангеля… Советское правительство неоднократно предлагало Польше установить нормальные, добрососедские отношения. 6 марта Советское правительство уже в третий раз с начала 1920 года направило свои мирные предложения Польше… утром 25 апреля 1920 г. польская армия вторглась в пределы Советской Украины, без объявления войны…».

Достаю с полки еще одну «Историю СССР», учебное пособие, изданное издательством «Мысль» в 1970 году. В разделе «Отечественная война против интервентов и белогвардейцев» на странице 111 нахожу четвертый параграф: «Война с буржуазно-помещичьей Польшей. Разгром Врангеля. Окончание Гражданской войны». Как еще надо подчеркивать, что Советская Россия воевала с Польшей?

Далее разговор идет о том, почему в СССР историки не интересовались этой темой.

– Исследования были запрещены? – спрашивает В. Радзивинович.

– Нет, на них не было спроса, – разъясняет Б. Носов.

Отсутствие «спроса» и нежелание советского руководства инициировать или просто поддержать глубокое изучение советско-польских отношений перед Второй мировой войной, так как публикация результатов исследований на эту тему могла бы всколыхнуть в стране полонофобские настроения, – это, как говорят одесситы, две большие разницы. Или Б. Носов не догадывается, почему «не было спроса»?

А затем собеседники переходят к главному – вопросу, который сегодня начинает беспокоить поляков: возрастающему интересу русских к судьбе красноармейцев, погибших в польском плену.

– На рубеже 80-90-х годов возникла идея «анти-Катыни». У нас начали писать о войне 1920 г., прежде всего о судьбе красноармейцев, оказавшихся в польском плену и будто бы замученных в лагерях, – разъясняет В. Радзивиновичу Б. Носов. – Говорилось о 40 тыс. убитых, заморенных голодом, умерших из-за отсутствия лекарств.

– Идея «анти-Катыни» не имеет будущего, – порадовал собеседника Б. Носов.

Поляку заверений мало, ему нужны доказательства, почему у «анти-Катыни» нет будущего?

Да потому, что «никому не доказать, что политика польских властей предусматривала уничтожение военнопленных, что кто-то сознательно принял решение об их ликвидации – так, как это было с убийством польских офицеров в 1940 году». Взятые мною в кавычки слова в интервью выделены жирным шрифтом. А далее

этот Б. Носов говорит так, как будто выступает защитником маршала Ю. Пилсудского в суде: Польша-де была разрушена войной, медикаментов, продовольствия на всех не хватало – и для солдат, и для гражданских лиц.

Однако журналист понимает, что у его российского собеседника – адвоката польских преступлений уж очень хлипкий аргумент. Разруха в Польше в 20-х годах не идет ни в какое сравнение, с теми разрушениями, которое фашистская орда принесла Советской стране, но пленных немцев в Советском Союзе и кормили, и лечили. Да и какая разница, чем убивать людей – пулями, голодом, болезнями? Немцы убивали заключенных концлагерей любыми способами. И В. Радзивинович резонно говорит:

– Но люди гибли в лагерях, их родственники, потомки имеют право узнать, почему и как это случилось?

Не знаю, кто этот Б. Носов по национальности. Может быть, и русский, среди них тоже, к великому сожалению, есть люди, презирающие свой народ, но не осмеливающиеся публично, как Б. Носов, выражать свое презрение:

– О чем вы говорите? Какие потомки? Кто сейчас знает в России, что его дед или прадед в 1920 году погиб в Польше.

Существует еще одно большое различие между польской Катынью и нашей «анти-Катынью». В 1940 году НКВД расстреляло цвет польской интеллигенции. Потомки убитых – это и сегодня польская элита. А красноармейцы, которые двинулись в 1920 г. на Вислу, – это прежде всего мобилизованные крестьяне. Для своих командиров они были лишь пушечным мясом.

– Так что их потомки, – заверяет Б. Носов поляка, – не потребуют никаких объяснений.

Далее Б. Носов сообщает весьма важную информацию, к которой «демократические» средства массовой информации не проявили никакого интереса. Оказывается, под председательством директора Государственного архива Российской Федерации создана комиссия по расследованию судьбы красноармейцев, правительство России выделило деньги на ее деятельность. Больше того, она уже приступила к работе, а Б. Носов является ее членом. Когда я дочитал интервью до рассказа Б. Носова о создании комиссии и о том, что он является ее членом, я безмерно удивился: что делать человеку с такими взглядами в этой комиссии? Человеку, который не скрывает своего презрения к русскому народу. Человеку, который уже знает и что польское правительство никого отношения к гибели красноармейцев не имеет, и по каким причинам они погибли, и сколько их погибло. Не в меньшей, кажется, мере сообщением

Б. Носова был ошарашен и польский журналист:

– Почему же вы решились работать в этой комиссии?

Б. Носов дал ответ, достойный панского холуя:

– Смею вас заверить, что, работая в ней, я буду до конца стоять на том, что результаты нашей работы не должны дать повода к развязыванию политической акции.

Да, этот «исследователь» стоять будет, а если от него потребуют и сядет, и ляжет, и что угодно сделает, чтобы не допустить предъявления полякам обвинения в массовом убийстве советских граждан. А иначе и нельзя. Если гибель 130 тысяч человек – это не геноцид русского народа, то смерть то ли 12 тысяч поляков, то ли 18 тысяч, то ли 22 тысяч – антисоветчики и русофобы еще не определились с количеством – уж никак на геноцид польского народа, за спасение которого от почти полного уничтожения братья и дети тех красноармейцев отдали 600 тысяч своих жизней.

Но кто же он такой, этот адвокат убийц русских солдат? Дочитываю интервью. После последнего абзаца справка: Борис Носов, специалист по польско-российским отношениям, зам. директора Института славяноведения Российской Академии наук. При таких специалистах в Российской академии полякам и собственные русофобы не нужны: носовы за них все сделают…

При работе над этими заметками я не ставил перед собой задачу проанализировать все «доказательства», которые фашисты, а вслед за ними и все антисоветски, антироссийски настроенные политики, ученые, журналисты предъявляли и предъявляют для обвинения моей родины в жестоком преступлении. По-моему, за ее решение и браться не стоит. Ну, положим, кто-то собрал все их «доказательства», проанализировал, написал книгу. Но ведь за то время, что она будет печататься, антисоветчики и русофобы придумают новые. Конечно, я не мог вообще уйти от рассмотрения «доказательств». Но на широко известных примерах, таких, как «документы» Особой папки, и мало известных, как, например, «установление» Н. Лебедевой содержания разговора И. Сталина и *Л.* Берии, я хотел показать, как интерпретируют исторические факты, как их фальсифицируют и просто придумывают, как подло клеветали и клевещут на мою родину ее внешние враги и их подпевалы внутри страны, изображающие из себя поборников свободы и гуманизма.

Конечно, эти заметки – всего лишь еще один слабый голос в ревущем потоке клеветы. Пока антисоветчики и русофобы могут потирать от удовольствия свои лапы. Родственники погибших офицеров, как и миллионы и миллионы других людей, пока

считают, что несчастных поляков расстреляли по приказу советского руководства. Так «что сталось» с офицерами, в том смысле, кто их убил, они не знают. Но узнают! У русских есть пословица: «Завали правду золотом, затопчи ее в грязь – все наружу выйдет». Может быть, и не скоро, но это произойдет. Правда о Катынской трагедии будет известна всем.

Послесловие… о будущем

Еще когда я заканчивал работать с источниками, у меня появилось большое желание написать послесловие… о будущем Польши. Но несколько смущало, что вроде бы это будущее не имеет отношения к Катынской трагедии, к позорным спекуляциям на крови польских офицеров. Прямого – да, но косвенное? По-моему, будущие поколения эту зависимость увидят…

Мир менялся, меняется и, мы понимаем, будет меняться. Мы только не знаем, какими конкретно путями, вполне возможно, что совершенно неожиданными для нас, живущих сегодня, будут происходить политические, экономические и социальные изменения, тем более мы не знаем, какие конкретные факторы будут влиять на них. Мы же не Кассандра… Однако кое-что спрогнозировать можно.

Сейчас довольно распространено мнение, что Польша стремилась вступить в НАТО для того, чтобы защитить себя от возможной агрессии со стороны России. Я не знаю, какой процент польского населения видит в нашей стране потенциального агрессора. Пусть даже большинство верит в эту чушь. Но уверен, что те польские деятели, которые умеют смотреть в будущее и которые определяют политику Польши (разумеется, я далек от мысли считать их людьми, освободившимися от пут русофобии: для этого нет оснований), видят опасность для своей страны совсем с другой стороны.

Мир меняется… В жизнь вступают новые поколения. Настанет день, когда население Германии составят поколения, которые уже не будут ощущать на себе моральный гнет преступлений фашизма в такой мере, как его воспринимают современные немцы. А, возможно, и вообще не будут чувствовать перед другими народами свою историческую ответственность за преступления предков.

Но их историческая память сохраняет многовековую принадлежность нынешних западных территорий Польши их родине. Пока в Германии лишь относительно небольшая часть населения требует пересмотра Потсдамских соглашений. И пока правящие круги Германии не настаивают на их ревизии, не выступают против решений Потсдамской конференции, подтверждают свою приверженность Хельсинским соглашениям. Однако канцлер Германии А. Меркель, прибывшая в Польшу на странное торжество, устроенное польскими властями по случаю начала Второй мировой войны, признав ответственность ее страны за развязывание войны, тем не менее, сочла нужным

указать на страдания 12 миллионов немцев, выселенных по решению победителей с их исторической родины, ставшей западными землями Польши. Сегодняшние немцы предпринимают меры к сохранению у потомков исторической памяти. В конце 2006 года германский парламент выделил миллион евро на создание музея переселенцев, при котором будет создан архив. Немцы не только не знают никакого Вроцлава, который для них столетиями был Бреслау, но даже Гданьск, который находился под немецким господством чуть более века, для них – Данциг. На издаваемых в Германии политических и географических картах, может быть, не на всех, не знаю, употребляются немецкие названия. Так что будущие поколения ничего не забудут. А Германия к тому времени вполне может превратиться в одну из великих мировых держав. И тогда немцы предложат полякам очистить от своего присутствия их земли. И никакое НАТО, если оно еще будет существовать, никакой Европейский Союз не помешают немцам выпроводить поляков с заселенных ими после Второй мировой войны земель.

На руку немцам играет и, скорее всего, будет играть и впредь, злобное русофобство польской правящей верхушки. Польские политики не устают твердить об оккупации земель Западной Украины и Западной Белоруссии Советским Союзом. Эти заявления – прямой вызов решениям Потсдамской конференции и Хельсинских соглашений. Но если поляки смеют утверждать, что захваченные ими земли Древней Руси – это их исконные территории, оккупированные Советским Союзом, то что же помешает немцам заявить то же самое о своих восточных землях? Это ведь именно немцы на необжитых территориях, по которым бродили польские племена, построили города, создали центры культуры и науки, развили промышленность и сельское хозяйство. Получилось, что за преступления фашизма Германия заплатила полякам трудом и потом десятков поколений немцев, которым и в кошмарном сне не могли присниться их фашиствующие потомки.

Да еще вопрос: захотят ли западные европейцы даже при наличии НАТО и Совета Европы поддержать поляков? Паны уже сейчас порядком поднадоели новым союзникам своей амбициозностью, требованием к ним ставить польские интересы выше собственных. А хватит ли у поляков ума не испортить с ними отношения окончательно – это тоже вопрос, и большой вопрос. Да, их приняли в НАТО, как и других союзников СССР из стран социалистического лагеря, как приняли прибалтов, как хотят видеть в блоке Украину и Грузию, с большим желанием. Еще бы: тогда Россия с севера, запада и юга будет досягаема не

только стратегическим оружием, но и тактическим. Заманчивая перспектива для нынешних «друзей» России… Только преданность поляков НАТО, их призывы к западному соседу строить межгосударственные отношения, забыв старые счеты, вряд ли остановят немцев. С какой стати им забывать о них?

Гипотетически поддержать поляков смогла бы только Россия, как помогала и раньше, о чем, конечно, наши «родственники» не желают и знать. Но будет ли будущая Россия настолько самостоятельным, независимым государством, чтобы проводить собственную политику? Я, конечно, надеюсь, верю, что ее будут определять народы России, а не западный капитал, не его российская обслуга.

Вовсе небожественная троица в виде гг. Ельцина, Путина и Медведева, которые по очереди приобретали возможность говорить от имени всей России, возложила вслед за Горбачевым ответственность за преступления фашистов на руководителей Советского государства, а, по существу, на родную страну, на Россию. Отдавал ли отчет в том, что делал, вечно пьяный Ельцин? Возможно, не больше, чем когда использовал колесо самолета в качестве писсуара. А вот его наследники понимали, не могли не понимать, что говорят и делают, потому что, конечно, преотлично знали, какую антироссийскую свистопляску устроили польские националисты-русофобы после передачи Варшаве «секретных документов». Но это их не остановило. Гарант конституции по фамилии Медведев даже решил в антироссийское кострище добавить, так сказать, несколько цистерн с бензином: распорядился передать полякам уголовное дело, которое вела прокуратура России по факту расстрела польских офицеров. Чем оборачивается для нашей страны поддержка нынешними правителями государства фашистских измышлений, политика ублажения польских ненавистников России? Да подчас – наглым пренебрежением к суверенитету нашей страны. Действительно, это как же надо обнаглеть, чтобы на территории другого государства самовольно делать надписи вроде той, что поляки сделали на месте крушения самолета: погибшие-де летели на памятное мероприятие, «посвященное 70-й годовщине **советского геноцида** (подчеркнуто мною – **авт.)** в катынском лесу». Геноцид – это, как всем известно, истребление людей по политическим, расовым или религиозным мотивам, то есть это действия, которые Устав Нюрнбергского трибунала (ст. 6) объявил преступлениями против человечества. Ну, а, следовательно, руководители советского государства были преступниками, а само государство – нечто вроде преступной организации. Так, в очередной раз поляки отблагодарили и государство, которое за

жизнь нынешних поляков отдало жизни 680 тысяч своих граждан, и его руководство и лично И. В. Сталина за то, что он добился от союзников передачи им восточных территорий Германии, что увеличило площадь Польши более, чем на треть. И многозначащий факт: борец против фальсификации истории Д. А. Медведев не осмелился даже на робкий протест против откровенно гнусной выходки поляков в государстве, президентом которого он являлся. (Впрочем, чему удивляться: этот господин, неутомимо объясняющий, что он – юрист и радетель за правовое государство, давно без следствия и суда объявил И. В. Сталина преступником.) Табличку с надписью убрали под тем предлогом, что она была выполнена лишь на польском языке. Н-да…

И последнее, о чем считаю нужным сказать в связи с катастрофой 10 апреля 2010 года под древним русским городом Смоленском самолета, на борту которого находился польский президент и сопровождавшие его высокопоставленные государственные деятели. Они летели, якобы, для того, чтобы почтить память польских офицеров, расстрелянных под Катынью. Нет, не за этим они торопились в Россию. Русофобам не терпелось устроить на костях своих родственников, оставшихся в русской земле, грандиозный, на весь мир, антироссийский шабаш по случаю «70-й годовщины советского геноцида». И так спешили, что пренебрегли правилами безопасности полетов. Эксперты Межгосударственного авиационного комитета возложили ответственность за трагедию на пилотов самолета, хотя возможно, что поступили летчики вопреки правилам и здравому смыслу под давлением высокого начальства. Но в Польше, кажется, никто не признает эти выводы, а некоторые политики из кожи вон лезут, чтобы хотя бы частичку ответственности возложить на российскую сторону. А кое-кто из них, похоже, даже не отдает отчет в том, что говорит. А иначе чем объяснить, что в организации крушения самолета они обвиняют российские власти. Это Путин-то с Медведевым, которые не знают, как ублажить польских русофобов, приказали устроить катастрофу!?

У меня нет сомнений в объективности выводов международных экспертов. Но даже если какую-то ошибку совершили смоленские диспетчеры? Ну и что? Что из этого следует с религиозной точки зрения, а ведь все польские русофобы – люди весьма верующие? Совершенно очевидно, что с такой точки зрения катастрофу самолета нельзя рассматривать иначе, как божий промысел. Конечно, как утверждают отцы церкви, пути господни неисповедимы, поэтому поляки могут, например, утверждать, что бог призвал русофобов к себе, чтобы отправить их побыстрее в рай. Но ведь как ни толкуй божье

волеизъявление, в любом случае очевидно – господь не попустил русофобам и антисоветчикам устроить на нашей земле мерзостный спектакль. Конечно, жестоко по нашим земным меркам поступил бог с поляками. И вроде бы должны были наши братья из божьего урока сделать соответствующие выводы. Увы, не делают. И пока Россия не выбьет из-под клеветников почву, русофобы-антисоветчики не уймутся. Но им придется это сделать!

Я – русский, и верю в силу духа моего народа. Верю, что настанет день, когда во главе Российского государства встанут патриоты, люди, для которых интересы государства будут значить все, а одобрительного похлопывания по плечам европейскими коллегами они просто не позволят. Я верю, что к власти придут люди, которые никогда не позволят себе заявить, что называемый антисоветчиками и русофобами пактом Молотова – Риббентропа Договор о ненападении между СССР и Германией, обеспечившей нашей стране почти два года мирной жизни и подготовки к схватке со смертельным врагом, является аморальным. И захочет ли правительство патриотов поддержать страну, которая значительную часть своей истории даже не скрывала своей неприязни, а то и вела прямо враждебные действия против России? А ведь к этому времени, не сомневаюсь, ее народы будут знать правду о Катыни и осознают, что устроенная немецкими фашистами политическая провокация стала для польских националистов лишь очередным поводом для разжигания в стране традиционных антирусских настроений. И у нас найдутся люди, которые захотят поддержать поляков? Разве только разные Новодворские, зори, чудаковы, фалины, Горбачевы, Лебедевы, парсадановы и иже с ними могли бы подать с того света свои голоса в защиту несчастных поляков. Однако в аду, если верить христианским представлениям, им будет не до поляков. Вряд ли черти позволят им оторваться от лизания раскаленных сковородок, а говорят, именно такая участь ждет всех клеветников. Правда, как атеист я не думаю, что их ждет вполне заслуженное по земным делам наказание. А жаль!

2007–2010 гг.

Источники

Сталин И. «О великой Отечественной войне». Госполитиздат. М., 1950.

Абаринов В. «Катынский лабиринт». http://katyn.codis.ru/abarinov.htp

Абаринов В. «Особая папка» снова закрыта. «Совершенно секретно», № 4(2003), 2006.

Геббельс Й. «Последние записи». Изд-во «Русич», Смоленск, 1998.

Горбаневская Н. «Катынь в русском Интернете». http://www.hro.org/ngo/artickles/.

Зоря Ю. «Режиссер катынской трагедии», www. unilib. neva. ru.

Костомаров Н. «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия». Фирма «Чарли». 1994.

Лебедева Н. «Катынь – боль не только Польши, но и России». http://www.epochtimes.ru./conteut/view.

Лебедева Н. «Четвертый раздел Польши и катынская трагедия». http://www.hro.org/editions/karta/.

Мадайчик Ч. «Катынь. Другая война. 1939–1945». Российский государственный гуманитарный университет. М. 1996.

Мацкевич Ю. «Катынь». Изд-во «Заря». Лондон, Канада, 1988. http://www.krotov.info/.

Менъшагин Б. «Воспоминания». Paris, 1988. www. Sakharov-center. ru

Мухин Ю. «Катынский детектив». ТОО «Фирма Светой ЛТД». М., 1995.

Осипов С. «Осень 1939 года: к вопросу о польских военнопленных». «Военно-исторический журнал», № 3, 1990.

Прибылое В. «Почему ушла армия Андерса». «Военно-исторический журнал», № 3, 1990.

Радзивинович В. «Поиски «анти-Катыни». «Новая Польша», № 9, 2006. www. novpol. ru.

Романов С. «Псевдоревизионизм во всей «красе». http://Katyn.codis.ru

Савельев А. Обращение к Генеральному прокурору РФ Ю. Чайке. http://Katun.ru.

Святек Р. «Катынский лес». Предисловие. «Военно-исторический журнал», № 7, 1991.

Соловьев С. «История России с древнейших времен», т.т. I, IV. Изд-во социально-экономической литературы. М., 1960.

Типпелъскирх К. «История Второй мировой войны». Изд-во

«Иностранная литература». М., 1956.

Фалин В. «Конфликты в Кремле». ЗАО «Издательство «Центрополиграф». М., 2000.

Филчев А. «Преступление в Катынском лесу». Перепечатка статьи, опубликованной в газете «Софийские новости» 1. X.1986. «Военно-исторический журнал», № 6, 1991.

Чуев Ф. «Сто сорок бесед с Молотовым». Терра-«Terra». М., 1991.

Шелленберг В. «Мемуары». Изд-во «Прометей». М., 1991.

Швед В. «Анти-Катынь». «Наш современник», № 7, 2006.

* * *

«Директивы господина министра…» и протоколы конференций в министерстве просвещения и пропаганды Германии». «Военно-исторический журнал», № 12, 1990.

«Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних дел». Указ ЦИК СССР от 10 июля 1934 года. http:// Rc.Roenig.ru/.

«Положение об Особом совещании при Народном комиссаре внутренних дел СССР». Постановление ЦИК СССР от 8 апреля 1937 года. Военно-исторический журнал. № 9 1993 г.

«Об арестах, прокурорском надзоре и видении следствия». Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 17 ноября 1938 года. Сталин И. Сочинения, т. 14. Изд-во «Писатель». М., 1997.

«О порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.». Приказ НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. «Накануне. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Сборник документов. Т.1, книга первая. Изд-во АО «Книга и бизнес». М., 1993.

«О реабилитации жертв политических репрессий». Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 года. http:// genprok.gov.ru/ru/rehabilitation/law/.

«Начало. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне». Сборник документов. Т. 2, книги первая и вторая. Изд-во «Русь». М., 2000.

«Тегеран. Ялта. Потсдам». Сборник документов. Изд-во «Международные отношения». М., 1970.

«Сообщение Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». «Правда», 26 января 1944.

«Справка о результатах предварительного расследования так называемого «катынского дела». «Военно-исторический журнал». № 11, 1990; № 4, 1991.

«Военные архивы России». 1 выпуск. 1993.

«Н. Н. Бурденко». Информация РИА-Новости. www. rian.ru.

«Реабилитация жертв политических репрессий». http:// genpror.gov.ru/ru/rehabilitation/law/.

* * *

История дипломатии. Том третий. ОГИЗ. М.-Л., 1945.

История СССР. Эпоха социализма. Госполитиздат. М., 1958.

История СССР. Часть II. Изд-во «Мысль». М., 1970.